

Общая тетрадь

ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 3 (98)

2 0 2 5

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

№ 3 (98)

Рига 2025

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертеc (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 3 (98) 2025

К читателю

Насколько мы демократы
Николай Митрохин 5

Тема номера

*Сильное НАТО с сильной Европой –
это надежный, уверенный и мирный союз*
Алар Карис 8

С позиции моральной ясности
Линдси Грэм 11

Возвратные тифании
Андрей Колесников 17

Анатомия авторитаризма
Михаил Фишман 25

Контекст времени

Антиутопия как предчувствие
Элина Ковалева 40

Гражданское общество

Почему демократия?
Валдис Биркавс 48

Выборы

Война Польши против самой себя
Славомир Сераковский 59

История

Свобода человека в истории
Никита Соколов 62

Международные отношения

Правопорядок не является монополией 81
Мануэль Лафон Раннуй

Люди превыше всего
Наталья Яцук, Михаил Савва, 99
Лариса Пыльгун

Книги

Убивать не просто 117
Андрей Симбирцев

Покинуть пещеру: философия,
которую можно прожить 121
Р. Л.

Контрапункт
Об американской независимости 123
Максим Горюнов

Nota bene

Олигарх как жертва 132
Клаус Мертес

Насколько мы демократы

Читая очередной текст, защищающий демократию от тех или иных угроз, внутренних или внешних, я каждый раз вспоминаю фразу покойного Джабы Иоселиани, грузинского политического деятеля: «Демократия — это вам не лобии кушать». Как и многие авторы, а также как минимум некоторые читатели журнала, я «пришел в политику», как бы это громко ни звучало, в позднеперестроечные годы. Тогда ситуация была ясна как дважды два — мы вместе с передовыми развитыми индустриальными странами, достигшими высокого уровня благосостояния, должны построить на основе демократических институтов развитое капиталистическое общество и попасть в потребительский и социальный рай. Было понятно, что этому мешает: авторитарные и тоталитарные режимы, исповедующие тот или иной род незападной идеологии и проводящие агрессивную внешнюю политику, а во внутренней к тому же являющиеся «тюрьмой народов».

Было бы здорово оставаться в этой мировоззренческой парадигме, где кристально ясно, кто друг, кто враг и почему (многие, очень многие, судя по социальным сетям, в ней и живут), если бы за тридцать лет не произошла ее существенная эрозия. Она связана как с объективным падением привлекательности в мире «западной» модели развития на фоне процветающих автократий (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Венгрия, Турция) и даже тоталитарных государств (Китай), так и с развалом на самом Западе «единого фронта», потерявшего динамику и ясные перспективы развития в конфликте леволиберальных (университетских/системных) элит и крайне правых

*Николай Митрохин,
российский и германский
историк, социолог
и публицист*

(антимигрантских) политиков, опирающихся на «простонародье» (Брексит, Орбан в Венгрии, Фицо в Словакии, приход Трампа в США). Кроме того, сами по себе постсоветские люди имеют сильно различающийся опыт встраивания в прекрасный мир западной демократии, и оттого их оптика различна, если не полярна.

Поэтому даже среди тех россиян, что не поддерживают Путина и выступают против российской агрессии в Украине, спектр политических позиций настолько широк (от «заукраинцев» и «деколонизаторов» до «украиноскептиков» и «пацифистов»), что их перечисление займет несколько строк. Что уж при этом говорить о восприятии Запада и западного мира вообще. Тут список точек обзора куда больше, они к тому же сильно связаны с гендерной, этнической и поколенческой идентичностью. Попытки создать в эмиграции какое-либо представительное объединение россиян провалились, а живучими оказываются исключительно частные «лидерские» инициативы или коммерческие проекты (в том числе медийные).

Мы, если говорить о выходцах из бывшего СССР, — разные. И у нас разные позиции и интересы. И они формируются и в результате наблюдений за политическими практиками, в которые мы вовлечены или нас стараются вовлечь те, кто является бенефициаром политического процесса.

Политики, во всяком случае имеющие свою долю власти, хотят, чтобы «население» однозначно понимало и исполняло их пожелания, в том числе облеченные в форму закона. Эти пожелания, как правило, не являются прямым запросом граждан, а формулируются либо личными представлениями политика о должном (в рамках избранной им идеологии тоже), либо лоббистскими группами, либо это продукт компромисса с другими политиками. Разница между авторитарными и демократическими политиками в теории состоит в том, что вторые как бы избираются на прямых и свободных выборах. В реальности, как мы знаем, ни та, ни другая система не работает всегда так, как должна. Сторонники демократии и коллективного Запада рассчитывают, что им удастся повернуть автократические режимы к демократии, используя их внутренние проблемы и недостатки. В свою очередь, автократические режимы, особенно крупные, или популярные автократические политики внутри демократических стран пытаются использовать недостатки и неработающие институты демократий против них. И не столь уж редко эти надежды оправдываются. Проблема еще и в том, что демократические страны сами размыывают границы допустимого в отношении авторитарных государств, и их политика двойных стандартов и нередко лицемерия приводит к тому, что избиратель дезориентирован. Азербайджан — лучший друг ЕС и США на Южном Кавказе, да и, возможно, во всей азиатской части бывшего СССР, хотя им правит наследный авторитарный клан,

Sharjah Arts Foundation. Дождевая комната. Инсталляция. 2012

а политические свободы находятся примерно на нуле. Авторитарная и пропутинская Венгрия — член ЕС, и никто ее исключать из этого клуба демократий не собирается.

Поэтому обличать автократии можно и нужно, вооруженной агрессии автократов противостоять необходимо, но не менее важно и нужно думать о том, насколько мы демократы сами и кто наши союзники в борьбе за прекрасное будущее человечества. И как в этой борьбе мы с нашими союзниками выглядим со стороны для тех, кто еще не решил, на какой стороне ему быть. Ведь каждый наш промах, каждая ложь во спасение, пренебрежительная ремарка в адрес оппонентов или тем более подавление конкурентов по политическому полю за счет имеющейся власти — аргумент для критиков демократии как политической системы. И, возможно, еще один шаг на пути превращения демократического общества или демократической организации в авторитарную структуру.

*Алар Карис,
президент Эстонии*

Сильное НАТО с сильной Европой – это надежный, уверенный и мирный союз*

«Двигаться вперед вместе» — такова тема конференции имени Леннарта Мери в 2025 году. Это отсылка к речи Уинстона Черчилля, произнесенной в 1942 году, в темное время нашей истории, когда Европа противостояла жестокой агрессии. Так же, как и сегодня. Посыл Черчилля был предельно ясен: какой бы ужасной или безнадежной ни была ситуация, совместная работа и совместное движение вперед вернут солнечный свет, «более продолжительный, чем когда-либо знало человечество», как он выразился. Так и произошло на какое-то время.

Обстановка в сфере безопасности в 2025 году неспокойна и хаотична, поэтому вполне уместно спросить себя: как мы будем двигаться вперед вместе, как нам это сделать?

Прежде всего очевидно, что всякое движение вперед подразумевает четкое понимание правильного направления. Что определяет это направление? Для эстонца ответ ясен, потому что наши ценности и принципы указывают нам путь. Я имею в виду верховенство закона, свободу выбора своей судьбы и союзников, уважение территориальной целостности и суверенитета, защиту прав и достоинства человека. Эти основы — наш компас. Они показывают нам верное направление. Они помогают избегать необдуманных решений, даже когда штормовые волны, кажется, накрывают с головой. Знание того, что правильно и справедливо, помогает избегать опасных компромиссов и не бояться.

И если мы хотим двигаться вперед, наш компас должен работать, а мы должны придерживаться своих принципов. Особенно когда мы имеем дело с такими противниками, как Россия. Угроза со стороны России не исчезнет благодаря нашей доброте или уступкам. Эстонии трудно доверять России. Россия

* Речь президента Эстонии Аlara Кариса на ужине в честь конференции Леннарта Мери 16 мая 2025 года.

нарушила слишком много договоренностей с нами и нашими союзниками, включая соглашение о рождении нашей нации — Тартуский мирный договор 1920 года.

Уступки диктаторам никогда не приносили прочного мира. Наоборот, мир наступал тогда, когда мы выходили из зоны комфорта и выступали против тирании.

Эстония твердо выступает за мир, основанный на принципах преобладания международного права, где агрессия как инструмент неприемлема и где все военные преступники несут ответственность, независимо от того, сколько у них ядерного оружия.

Поэтому, чтобы двигаться вперед, нам нужно следовать нашим основным принципам, доверять нашему компасу. Но недостаточно знать путь, нам нужно еще и идти по нему. Нам

нужны конкретные шаги в правильном направлении. У нас в Эстонии есть старая поговорка: «Пустой мешок не будет стоять прямо». Чтобы сдерживать тиранов, нужны не только слова, но и сила, и мощь. Наши противники считают, что демократический мир слаб. Это заставляет их консолидироваться, укреплять уверенность и бросать нам вызов. Они думают, что западный мешок пуст, даже если это не так.

Европа непобедима экономически и политически. Но сейчас, как никогда, Европа должна стать сильной и в военном отношении. НАТО — основа западной безопасности. Но Европа — основа НАТО. Европа движется в правильном направлении, наращивая обороноспособность, и многое уже сделано. Но предстоит еще долгий путь.

Эстония будет инвестировать более 5% своего ВВП в оборону в течение нескольких следующих лет. Это не политическая цифра, а подсчеты наших экспертов, во сколько действительно обходится оборона Эстонии и наши обязательства перед НАТО.

Мы призываем наших союзников сделать то же самое. Во время холодной войны средние расходы НАТО на оборону составляли 4%. Но сегодня мы сталкиваемся с еще большими вызовами, чем тогда. И нам нужно не только создавать новые возможности, но и выбирать из ямы, в которую нас загнали десятилетия недоинвестирования.

Не инвестировав обещанные в 2014 году 2%, Европа потеряла сотни миллиардов долларов оборонных возможностей. И конечно, нам нужно эффективное сдерживание сейчас, а не через десять лет. Сложность поставленной задачи затмевает ее важность. Некоторые говорят, что вполне логично, что соседние с Россией страны тратят на оборону больше. Они, похоже, не понимают, что агрессия России направлена не только против ее непосредственных соседей, но и против всей Европы, против

*Уступки диктаторам
никогда не приносили
прочного мира*

*Европа движется в правильном
направлении, наращивая
обороноспособность,
и многое уже сделано*

НАТО. Против иного образа жизни — нашего образа жизни. Более того, в случае войны с Россией ни одно место в Европе не будет безопасным. Каждая европейская страна является соседом России.

Европа будет наращивать свои военные возможности. Сильное НАТО с сильной Европой — это надежный, уверенный и, следовательно, мирный союз. И, наконец, чтобы сделать призыв Черчилля полным, давайте подумаем о слове «вместе». Его, вероятно, легче всего понять, но подчас кажется, что труднее всего достичь.

*Сильное НАТО
с сильной Европой — это
надежный, уверенный
и, следовательно,
мирный союз*

Эстония твердо верит в альянсы. Наш успех, наша свобода являются прямым результатом сотрудничества с нашими союзниками. Вот почему мы привержены НАТО, ЕС и многосторонним союзам. Сотрудничество между странами десятилетиями под- держивало мир и безопасность в Европе и

за ее пределами. Общие усилия и уверенность союзников — это то, что лучше всего сдерживает наших противников. Успех и эффективность обеспечиваются преданным руководством. На прошлой неделе я с радостью отметил появление нового союза — Франции, Германии, Польши и Великобритании.

Эстония полностью поддерживает инициативу президента Макрона и премьер-министра Стармера по созданию специального альянса — «коалиции желающих» — для обеспечения безопасности Украины. Наши

*Эстония поддерживает
Украину на ее пути
к полноправному
членству в НАТО*

военные готовы участвовать, если получат одобрение парламента. Эстония также поддерживает Украину на ее пути к полноправному членству в НАТО. Не только потому, что это лучшая гарантия мирного будущего для Украины, но и потому, что Украина — с

ее оборонительной силой и непобедимой армией — сделала бы НАТО намного сильнее, а Европу намного безопаснее. Я уверен, что Украина когда-нибудь станет частью НАТО.

Создание альянсов — наша сила на Западе. Мы делаем это лучше, чем автократы. Это наш козырь. Успех альянсов в принятии практических, ориентированных на результат шагов. Эти шаги укрепляют наши связи и приносят взаимную выгоду. Так же как Соединенные Штаты дают Европе возможность стать мировой державой, Европа, в свою очередь, играет жизненно важную роль в поддержании статуса сверхдержавы самой Америки.

Уважаемые дамы и господа, я призываю твердо отстаивать наши ценности на международном уровне, укреплять нашу обороноспособность и вдохнуть новую жизнь в наши альянсы! И идти вперед вместе!

26 мая американский сенатор-республиканец Линдси Грэм заявил, что большая часть сената считает, что Владимир Путин избегает реальных переговоров о войне в Украине. Грэм полагает необходимым ввести новые санкции, которые вынудят Россию прекратить огонь и начать переговоры.

*С позиции моральной ясности**

Когда вам предстоит принять трудное решение, посмотрите на него с позиции моральной ясности. Сформулируйте просто: проблема — это Россия, а не Украина. Украина не вторгалась в Россию, это Россия вторглась в Украину. Сейчас идут переговоры между Россией, Украиной, США и Европой о том, как закончить эту войну. По моему мнению, Путин нас всех разыгрывает, водит за нос. Президент Трамп призвал к тридцатидневному прекращению огня. Украина согласилась — Россия отказалась. Президент Трамп призвал Зеленского и Путина приехать в Стамбул (я был там) и провести прямые переговоры. Зеленский приехал — Путин нет. Несколько дней назад состоялся телефонный разговор между Трампом и Путиным. Ожидается, что Россия представит письменные условия для прекращения огня в ближайшие дни. Обсуждается возможность проведения прямых переговоров в Ватикане.

Я за все это! Но я чувствую, что большинство людей думает так же, как и я: у России было достаточно возможностей завершить эту войну достойно и справедливо, но ее это не интересует, она не изменит своей позиции, пока мы не поднимем ставки. Нужна моральная ясность: Путин затягивает процесс. Он считает, что побеждает на поле боя (я так, кстати, не думаю), он отвергает каждую искреннюю попытку президента Трампа найти выход из этой ситуации. Трамп говорит, что хочет остановить бойню и убийство, и он абсолютно прав. Но сейчас настал момент принятия решений. Все это длится слишком долго, слишком много игр. И сейчас я расскажу, что может сделать американский сенат.

*Линдси Грэм,
американский
политик-республиканец*

* <https://www.youtube.com/watch?v=75pS4LDopPU>

То, что нам нужно в вопросе России и Украины, так это абсолютная четкость в вопросе России и Украины: Россия — агрессор, Россия должна прекратить эту бойню сейчас же! Трамп говорил о необходимости положить конец бойне, а я добавлю: Россия — агрессор. Украина, как и любая другая страна, не идеальна, но она сражается как тигр. В 1994 году, если я не ошибаюсь, Украина отказалась от 1700 ядерных боеголовок (Будапештский меморандум), в обмен Россия, США и Великобритания пообещали ей территориальную целостность. То есть Украина отказалась от ядерных боеголовок в обмен на обещание этих стран обеспечить ее безопасность. Россия не раз нарушала это обещание. Россия постоянно преследует своих соседей. Это уже второе вторжение России в Украину. Она считает, что Украина принадлежит ей, но нет, это не так! Украина принадлежит народу, Украина — это суверенное государство. Если

*Россия не изменит
своей позиции, пока мы
не поднимем ставки*

у тебя спор с другой страной, то существуют цивилизованные способы разрешения территориальных конфликтов.

Путин пытается переписать карту Европы с помощью силы. Если ему это сойдет с рук, если он будет восприниматься как получивший за это награду, то дальше будет больше, дальше будет Тайвань. И поэтому еще раз: Россия — агрессор, Россия должна прекратить эту бойню! Такова моя позиция по этому вопросу.

Давайте заглянем в историю и посмотрим, что происходит, когда есть моральная ясность, и что происходит, когда ее нет.

27 сентября 1938 года Чемберлен сказал: «Как ужасно, фантастично, невероятно, что мы должны будем рыть окопы и надевать противогазы из-за ссоры в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем. <...> Почему нас это должно волновать? Мы не знаем этих людей, не говорим на их языке. <...> И даже несмотря на сочувствие к маленькой нации, оказавшейся перед лицом большого и могущественного соседа, мы не можем в любой ситуации втягивать всю Британскую империю в войну только ради нее».

Мы знаем, о какой «далекой стране» шла речь. Все кончилось бойней, унесшей жизни 50 млн человек, и подтолкнуло Путина — ой, простите, Гитлера — идти дальше. А Гитлер заранее все рассказал, написал об этом книгу, но Чемберлен ее, очевидно, не читал и не имел моральной ясности, чтобы противостоять нацистскому режиму. А ведь многие люди имели! 30 сентября 1938 года Чемберлен заявил, показывая миру бумагу, подписанную Гитлером: «Я верю, что это мир для нашего времени!» А меньше чем через год мир уже горел. Вот что случается, когда ты не понимаешь, что происходит на самом деле. Когда ты неверно истолковываешь зло, думаешь, что Гитлер — это нечто другое. Это пример отсутствия моральной ясности. Это ведет к мировой войне.

Теперь пример ее наличия. Президент Джон Ф. Кеннеди сказал: «Пусть каждая нация, желает ли она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, понесем любое бремя, преодолеем любые трудности, поддержим любого друга, выступим против любого врага ради выживания и успеха свободы». И другая цитата: «Когда все будут свободны, тогда мы сможем надеяться на день, когда этот город объединится. И эта страна, и этот великий континент Европа станут частью мирного и обнадеживающего мира». Он говорил о Берлине и выразил свое отношение к Советскому Союзу. Он встал на защиту свободы и выступил против советской империи.

*Именно моральная ясность
со временем поставила
Советский Союз на колени*

И вот мой любимый пример. Рональд Рейган: «Господин Горбачев, снесите эту стену!» Можно ли было яснее выразиться?! По ту сторону этой стены находилась империя зла. И именно моральная ясность со временем поставила Советский Союз на колени.

Сегодня путинская Россия — это страна зла, угнетающая собственный народ, терроризирующая соседей, захватывающая то, что ей не принадлежит, стремящаяся восстановить Советский Союз или Российскую империю. Она использует все самые ужасные и жестокие методы, прописанные в военных учебниках: бомбардировки мирных жителей, убийства десятков тысяч людей. Поэтому, когда речь заходит о Путине, нам нужна моральная ясность — такая же, какая была у Рейгана и Кеннеди по отношению к Советскому Союзу.

Недостаточно просто произносить речи. Да, это были великие речи, но против Советского Союза мы выступили не только словами: мы усилили нашу армию, Рональд Рейган начал программу «Звездные войны» — и СССР не смог угнаться за нами. Мы противостояли Советскому Союзу не только риторикой, мы противостояли ему всей своей мощью.

Что нам сейчас делать с Путиным? Как закончить эту войну? Я не стремлюсь унижить Россию или Путина, но я хочу закончить эту войну как можно скорее, не потом, а именно в ближайшее время. И сделать это так, чтобы не разжечь новую войну.

Наш выход из Афганистана, позорный и бесчестный, стал причиной убежденности в том, что Соединенные Штаты не поддерживают своих союзников, что мы слабы. И я, и председательствующий в сенате понимаем, что происходит, когда политики ошибаются. Дипломаты платят за это высокую цену. По всему миру они борются с подобными тем, кто пришел к власти в Афганистане. Потому что после нашего ухода каждый джихадист словно получил дозу стероидов, Путин вторгся в Украину, а Иран продолжил обогащать уран. Это было ужасное решение, и сегодня мы за него расплачиваемся.

Я обращаюсь к коллегам — республиканцам и демократам: если мы допустим ошибку в вопросе Россия — Украина, последствия будут хуже,

Лори Андерсон (Laurie Anderson). Четыре разговора. 2021

чем в Афганистане. Если после окончания войны Путин будет вознагражден за свою агрессию... Я не пытаюсь унижить Россию, я пытаюсь не допустить ее поощрения, потому что это вдохновит Китай на захват Тайваня или убедит Иран, что Запад — это только слова, когда речь идет о ядерной угрозе, что в свою очередь изолирует Израиль еще сильнее.

Так что да, речи важны. Моральная ясность — это правильная оптика для оценки агрессии и зла. Но одного говорения недостаточно! Я ценю искренние усилия президента Трампа объединить стороны, найти решения, с которыми все смогут жить, сохранить независимую и суверенную Украину и закончить эту войну как можно скорее. Но после всех этих месяцев мне очевидно, что попытки президента Трампа не встречают должного отклика. Я думаю, Зеленский готов идти на уступки ради завершения войны. Путин же, похоже, больше говорит, чем действует. Что мы можем сделать, чтобы повысить ставки? Что мы можем сделать в сенате США, чтобы изменить это уравнение? Как мы можем убедить Россию сесть за стол переговоров?

Мы можем ввести разрушительные санкции против путинской России, и давайте будем честны — он это заслужил. Мне жаль народ России, но пришло время повысить цену этой войны для Путина. Санкционный пакет, который мы подготовили, поддерживают 80 сенаторов. Вы понимаете, как трудно добиться согласия восьмидесяти сенаторов хотя бы по одному вопросу?! Но 80 наших сенаторов (и это число растёт!) готовы ввести санкции против России, если она не начнет предпринимать шаги к миру. Эти санкции также коснутся Китая. Ими предусмотрены пошлины против любой страны, покупающей российскую нефть и газ через теневой флот. Военная машина Путина поддерживается Китаем и Индией, которые покупают российскую нефть с огромной скидкой и тем самым дают возможность Путину продолжать войну. Так что мы решили сфокусироваться не только на Путине, но и на тех, кто ему помогает, — на его покупателях. Большинство стран Европы уже отказалось от российской нефти и газа — это серьёзный прогресс. Но теперь пришло время дать понять Китаю: если он хочет быть нормальной страной, то должен вести себя соответственно; если хочет улучшить отношения с Соединёнными Штатами и Европой, то пусть помогает нам, не подливает масла в огонь бойни, не покупает дешёвую нефть у диктатора, у деспота только потому, что это сходит ему с рук!

*Мы решили сфокусироваться
не только на Путине,
но и на тех, кто ему помогает*

Дни безнаказанных покупок дешёвой нефти у Путина подходят к концу, мы собираемся действовать. А каким образом и когда — это станет результатом политического процесса в сенате, мы будем обсуждать это с Белым домом, будем обсуждать это с нашими союзниками.

Но Китаю я скажу так: я бы хотел иметь с вами лучшие отношения. У нас есть огромный потенциал совместного экономического роста. Но если вы продолжите поддерживать Путина и подпитывать его военную машину, то у вас никогда не будет нормальных отношений с сенатом США. Наши друзья в Индии, следите за тем, что вы делаете!

Коллеги, у нас редко бывает возможность говорить единым голосом в такой важный момент. Весь мир наблюдает за сенатом Соединённых Штатов. Я только что вернулся из Турции вместе с сенатором Рубио, который пригласил меня поехать с ним. Он дал мне возможность выступить перед всеми министрами иностранных дел наших союзников по НАТО, рассказать им о законопроекте сената, сказать, что сенат — это независимый орган и что мы идем по пути привлечения Путина к ответственности. Мир следит за сенатом так, как никогда за все время моей работы здесь. Коллеги, у нас есть шанс закончить эту войну. У нас есть возможность заставить Путина сесть за стол переговоров. Если мы как мировое сообщество потерпим неудачу, не только эта война продолжится, но начнутся новые войны.

Я никогда не гордился этим органом власти больше, чем сейчас. Мы объединились на двухпартийной основе. В палате представителей есть группа сенаторов, которые подпишут петицию о принудительном рассмотрении сенатского законопроекта. Что это значит? Он все равно

*У нас есть возможность
заставить Путина
сесть за стол переговоров*

попадет на голосование в палату, несмотря ни на что. Мы готовы действовать. Я поговорю с лидером большинства, со всеми своими коллегами, которые влияют на продвижение законопроекта, и я буду настаивать, чтобы

они были готовы действовать. Мы слишком долго сидели в стороне. Мы слишком долго смотрели, как Путин убивает людей. Мы вводили санкции, но они не работали должным образом. То, что мы сейчас делаем в сенате, меняет правила игры. Это повлияет на Китай, который больше всех снабжает топливом путинскую военную машину, и повлияет радикально. Китай, я говорю это тебе: я не хочу этого делать, но я это сделаю,

*То, что мы сейчас делаем
в сенате, меняет правила
игры*

если придется. Я хочу, чтобы вы помогли нам в этой войне. Я не стремлюсь наказать или разрушить вашу экономику или повредить нашей. Я хочу достичь результата — вот чего я хочу.

И я закончу тем, чем начал: если придется — мы сделаем! Президент Кеннеди сказал: «Мы заплатим любую цену, понесем любое бремя». И он был прав. Президент Рейган сказал, обращаясь к империи зла: «Снесите эту стену!»

Иногда за свободу приходится платить высокую цену. Украинцы платят эту цену. И я невероятно горжусь ими. Они сражаются как тигры, умирают тысячами и не собираются сдаваться, что бы мы ни делали. И они не должны сдаваться! Это момент истины. Это момент, который имеет значение. Каждый из нас прошел непростой путь, чтобы попасть в сенат. Но теперь вы здесь, и у вас, коллеги, есть шанс действительно изменить мир, сделать его более безопасным и мирным. Давайте не сбежим от ответственности, которую на нас возложила история! Это исторический момент. Давайте поднимемся до уровня тех, кто был до нас! Давайте проявим моральную ясность в отношении Путина! Давайте сделаем больше, чем будем просто говорить! Давайте действовать!

Перевод с английского Ника Головина

Возвратные тирании*

Тиран — это тот, кто приносит целые народы в жертву своим идеалам или своему честолюбию.

Альбер Камю. Калигула (1945)

В своей последней — и прощальной — книге «Вчерашний мир» Стефан Цвейг, прежде чем совершить в 1942 году самоубийство, описывал и оплакивал «эру благоразумия», которая предшествовала двум мировым войнам, всеобщему одичанию и преобладанию тираний: «Никто не верил в войны, в революции и перевороты». Это была эпоха первого конца истории, начинавшейся глобализации западного типа: «Девятнадцатое столетие в своем либеральном идеализме было искренне убеждено, что находится на прямом и верном пути к “лучшему из миров”. Презрительно и свысока взирало оно на прежние эпохи с их войнами, голодом и смутами как на время, когда человечество было еще несовершеннолетним и недостаточно просвещенным. <...> Из года в год отдельная личность получала новые права, отношение властей становилось все более мягким и гуманным...»

Выдающийся историк Эрик Хобсбаум в «Эпохе крайностей» описывал этот порядок, который имел шанс стать мировым, но в 1914-м на 31 год был прерван эпохой катастроф, в течение которой одна мировая война с железной последовательностью переходила в другую, так: «Экономика этой цивилизации была капиталистической, конституционные и правовые структуры — либеральными, облик ее основного класса — буржуазным, успехи в науке, образовании, материальном и нравственном прогрессе — выдающимися. Она была европоцентрической, поскольку именно Европа была колыбелью революций в науке, искусстве, политике и промышленности».

Андрей Колесников,
обозреватель «Новой
газеты»

* Новая газета. 16 мая 2025 г.

Два конца истории

И вот начиная с 1914 года — войны, революции, море крови, технологический прогресс на службе массового убийства людей, тоталитарные режимы, вооруженные тоталитарными идеологиями и не скупящиеся на насилие и репрессии. Ситуация, длившаяся годами и десятилетиями, при этом по ощущениям очень похожая на сегодняшнюю антропологическую катастрофу и мировой поликризис (то есть кризис сразу во множестве сфер). В который раз катастрофа, как писал Цвейг, «одним-единственным ударом перечеркнула тысячелетние завоевания гуманистов». Так же как и тогда (опять же, по Цвейгу), и сегодня «мы, научившиеся в новом столетии не удивляться никакому проявлению коллективного

*Капитализм абсорбировал
контркультуру
и двинулся дальше по пути
глобализации*

варварства, мы, ожидающие от каждого грядущего дня еще более страшного злодеяния, чем то, что случилось вчера, с гораздо большим сомнением относимся к возможности морального возрождения человечества».

Самоубийство Цвейга в изгнании, на чужбине, становится объяснимым... Но если бы он нашел в себе силы прожить еще три года, возможно, у него бы появились основания для оптимизма. Демократия и либерализм, а вместе с ними и капитализм, пройдя через эти десятилетия, выжили, обновились и начали свой путь к новой глобализации, позволившей считать западные либеральные ценности универсальными. Что и было зафиксировано в документах ООН, международных организаций и в новых конституциях европейских стран. Притом, разумеется, что мир разделял железный занавес, а деколонизация началась чуть позже, хотя для этого были созданы предпосылки еще после Первой мировой войны, когда обрушились все империи, а устояла только Российская, превратившаяся в СССР.

Хобсбаум писал об «аномальной золотой эпохе 1947–1973 годов», то есть времени до нефтяного кризиса. Но внутри этой эпохи много чего было — например, Карибский кризис и прочие прелести холодной войны. Кроме того, капитализм и западная демократия, а в более широком смысле и культура существенным образом поменяли кровь и перезапустились в результате событий «долгого 1968-го» (название книги Ричарда Вайнена), эпохи протестов и контркультуры. В том числе протестов против старой буржуазности, которая допустила тоталитаризм.

Капитализм абсорбировал контркультуру и двинулся дальше по пути глобализации, придя ко второму, но тоже оказавшемуся временным концу истории 1989–1991 годов.

Теракты 11 сентября 2001 года приоткрыли новый ужасный мир — это была атака не только на глобализацию и ее символы, но и на человеческое в человеке. Если считать гуманистические основания цивилизации и культуры универсальными, значит, были атакованы универсальные

ценности. Именно они-то и были традиционными, привнесенными из эпохи еще первой глобализации, гуманизовавшими мир. А то, что претендовало на традиционность, на самом деле было варварством, традиционным в своей фанатичности и фундаментализме.

Вместо конца истории наступал конец света.

Нобелевский лауреат Орхан Памук вспоминал, как он в этот день зашел к соседу.

«“Орхан-бей, вы видели, как разбомбили Америку? — сказал он и злобно добавил: — Правильно сделали”.

Этот старик вовсе не был исламом: он работал садовником и выполнял мне мелкий ремонт по дому. По вечерам он коротал время за кружкой пива, споря с женой... Хотя позже он пожалел о словах, сказанных в сердцах, он был далеко не единственным, от кого я это слышал. И все же за проклятиями в адрес тех, кто погубил столько невинных жизней, следовало “но”, а затем начиналась завуалированная либо открытая критика Америки как политического лидера».

Да-да, все не так однозначно...

За ценой не постоят

Миграция из третьего мира наращивалась с грацией набравшей силу волны, а западный мир внутри этой впечатляющей декорации напоминал едва различимого и пытающегося устоять на доске серфера. Эта нескончаемая приливная волна, как и общая расслабленность западного мира, почивавшего на лаврах конца истории имени Фукуямы, который, впрочем, предупреждал об опасности фундаментализма и национализма, не могла остаться без реакции.

Ответная волна, за неимением лучшего определения, была названа популизмом, а тот же Фукуяма справедливо констатировал всеобщий кризис идентичности. Интерференция волн возродила феномен ультраправых, живым символом которого стала грандиозная фигура Трампа, победившего на выборах 2016 года. Иной раз рассерженные избиратели и вовсе не имели никакой идеологии, их желанием было просто сместить весь имеющийся политический и экономический истеблишмент (этот феномен теперь обозначается французским словом «дегажизм»). И его-то, это желание, и оседлали популисты, сами выходящие из высших слоев элиты.

Однако еще в 2014 году произошло событие, по своей драматургии отсылавшее куда-то в прошлое и совсем не соответствовавшее эпохе конца истории, — инкорпорация Крыма. Событие выходило за пределы воображаемого, и западный мир не понимал, как в XXI столетии, в эру разума, мира и потребления, реагировать на политику образца века прошлого.

*Интерференция волн
возродила феномен
ультраправых, живым
символом которого стала
грандиозная фигура Трампа*

Конец истории завершился, история взяла новый старт. А тоталитарные режимы расправили плечи. Поглядывая друг на друга, а иной раз и учитывая опыт «арабской весны» и российских протестов 2011–2012 годов, они начали вести себя все более нагло, нарушая «непонятно кем установленные правила». Протесты, в том числе впечатляющие мирные манифестации 2020 года в Беларуси, были подавлены.

Если до этого периода диктаторы, по определению Сергея Гуриева и Даниэла Трейсмана, двигались «от страха к обману», то теперь наметилась противоположная тенденция — движение «от обмана к страху», то есть репрессии стали преобладать над пропагандой и индоктринацией.

В логике других исследователей — Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона («Экономические истоки диктатуры и демократии») — «репрессии часто бывают настолько дорогостоящими, что не являются привлекательным выбором для элиты». Но автократы современного типа не намерены считаться с экономической и уж тем более человеческой ценой репрессий ни в Беларуси, ни в Турции, ни в России, ни где-либо еще. К тому же в обществах всегда находится достаточное число равнодушных и/или консервативно настроенных групп населения, которые могут оставаться массовой базой поддержки автократов.

«Цикл Цвейга» повторился второй раз: благостное, основанное хотя бы на каких-то правилах (в том числе правилах приличия) положение расшаталось до степени противостояний без границ и ограничений. Первые полтора десятилетия XXI века все-таки напоминали довоенное начало века XX — время, когда, как писал Цвейг, если и враждовали, то «по-рыцарски»: «Ненависть страны к стране, народа к народу, семьи к семье еще не набрасывалась на человека ежедневно из газет... стадное и массовое чувство не играло еще столь отвратительно-грандиозной роли в общественной жизни, как сегодня: свобода в частной деятельности и поведении — сегодня едва ли воображаемая — считалась еще естественной; в терпимости еще не усматривали — как сегодня — мягкотелость и слабоволие».

Есть еще патроны

Автократии вернулись. Можем назвать их по образцу термина патриарха отечественной социологии Льва Гудкова («возвратный тоталитаризм») возвратными автократиями. Или тираниями, что звучит, возможно, чрезмерно пафосно и общо, но тем не менее в общем плане термин отражает природу вертикальной, персоналистской, охваченной агрессивным мессианством власти.

В сущности, они никуда и не уходили: и патерналистские ультраправые настроения в обществе, и тиранические инстинкты поначалу законно избранных президентов представляли собой дремлющие вирусы, которые, как выяснилось, при определенных условиях можно очень легко активировать. А дальше начинается автократическая инфекция: если

Slava PTRK. *Сжигающая мосты*. 2014

соседу можно делать то, что он делает, не считаясь ни с десятью заповедями, ни с правилами поведения за столом, ни с Уставом ООН, ни с собственной национальной конституцией, то почему мне нельзя?

Как их теперь называть? Диктатуры? Деспотии? Появился даже термин «гипнократия». В этом нет решительно ничего нового — природа массового политического гипноза хорошо известна по биографиям тоталитарных режимов XX века: рыдающие по товарищу Сталину соотечественники вошли в историю политики и психоаналитики. Но известны и другие истории — оплевывания и осквернения трупов тиранов. Истории внезапного, за секунду, исчезновения гипнотических коконов, пелены и кривых зеркал.

Вполне очевидно, что сегодняшние автократии имеют и некоторые классические признаки диктатур, но при этом являются вполне инновационными, неклассическими. Таксономии режимов, попытки их ранжирования на манер классификации животного и растительного мира полезны, но на выходе мало что дают, за вычетом ожесточенных и презрительных по отношению друг к другу споров экспертов.

Интересную попытку классификации посткоммунистических режимов (кажется, близкую к жизни ввиду восточноевропейского происхождения авторов) совершили венгерские ученые Балинт Мадьяр (он был министром образования Венгрии дважды) и Балинт Мадлович. «Себя, как в зеркале, я вижу», — мог бы сказать современный российский

режим, например, прослеживая трансформации от рентоориентированного государства к клептократическому и в итоге к хищническому. И это не метафоры, а вполне насыщенные признаками явления и состояния, описанные в двух томах (кстати, изданных на русском прямо к началу спецоперации) исследования «Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура».

Сегодняшние автократии имеют и некоторые классические признаки диктатур, но при этом являются вполне инновационными

Один из типов режимов, помимо известного определения Балинта Мадьяра mafia state (мафиозное государство), — патрональная автократия. Вот вам на самом верхнем уровне системы верховный патрон/патриарх, вот субпатроны (влиятельные, но подчиняющиеся патрону), а вот их клиенты. Вот «силовархи» — помесь сило-

виков с олигархами. Все они важные члены «приемной политической семьи», где роль папы исполняет тот самый патрон. Контуры «приемной политической семьи» не совпадают с формальной иерархией системы власти, но «семья» и есть реальная власть. Это и «неосултанистская» власть, рассматривающая общество как свою собственность. Кроме того, у нее абсолютная монополия на нарушение закона.

Патронализируется все вокруг: и политическая система, и экономическая, и общество, где нет уже свободно и независимо действующих субъектов. «Приемная политическая семья» прилагает множество усилий для защиты самой себя от давления извне, потому и общество следует патронализировать. И — добавим — культуру тоже. Самый страшный грех для члена «семьи» — нелояльность патрону.

Мадьяр и Мадлович вспоминают своего выдающегося соотечественника Яноша Корнаи, давнишнего интеллектуального идола российских

Американская демократия в очередной раз держит экзамен на прочность — выдержит ли она второе пришествие Трампа?

младореформаторов. Его классификация была совсем простой, трехчленка «демократия — автократия — диктатура». По модели Корнаи Россия аккуратно и безупречно укладывается в схему «диктатура с элементами рынка». Словом, ничего хорошего.

Новые тирании устойчивы и настойчивы. Их возглавляют ветераны броуновского движения: вчера у них урегулирование украинского конфликта, сегодня — тарифная война, завтра — палестино-израильское противостояние.

Все это на фоне снижения влияния на события Европы и кризиса лидерства в западном мире, который не закладывался на такие перегрузки и потому перестал производить «собственных» де Голлей и «быстрых разумом» Черчиллей.

Впрочем, есть такая важная страховочная сетка, как работающие институты демократии, система сдержек и противовесов, а также регулярная ротация власти. Несмотря на рост популярности крайне правых, крайне левых, дегажистов, популистов, «путинферштееров» («путинопонимателей»), демократия в Европе пока выдерживает этот нескончаемый поток вызовов и неприятностей. Американская демократия в очередной раз держит экзамен на прочность в условиях рукотворного возникновения беспрецедентных проблем: эксперимент на живых людях — выдержит ли она второе пришествие Трампа?

Американская цветная революция

Впрочем, как заметил один деятель Демократической партии США, на всякого Голиафа находится свой Давид (обратное тоже справедливо, меланхолично заметим мы). И возвращение автократий сопровождается возрождением протестных движений. Оказывается, они никуда не делись, хотя у автократов, помимо репрессий, есть еще одно оружие — взять паузу и переждать, пока протест сам не выдохнется. Так было в России в 2011–2012-х, в Беларуси в 2020-м, в Иране в 2022–2023-х, что-то похожее происходит сейчас в Турции. И теперь в Соединенных Штатах, словно вспомнивших славные 1960-е годы. В Украине и ряде арабских стран протест победил, что стало уроком для автократов: именно после таких опытов соседей они стали радикально неуступчивыми и безоглядно жестокими.

Казалось, волна гражданских движений второго десятилетия XXI века должна была изменить сам характер власти, превратив ее в более горизонтальную, избавляющуюся от косных иерархий, от засилья «военно-бюрократического комплекса». Мнилось, что вот оно — воплощение сформулированной еще в конце 1950-х гипотезы Сеймура Липсета, согласно которой достижение людьми определенного уровня благосостояния и образования влечет за собой требование ими товара категории люкс — демократии. И вопрос «Кто здесь власть?» решается в пользу гибких, сработанных гражданами для граждан систем самоуправления социумами. Так нет же, иерархии вернулись, снова показав, кто здесь власть: радикалов подавили, пересажали в тюрьмы, заткнули рты, а уставших кооптировали в свою систему, коррумпировали их, сыграв на пассивном конформизме, а иной раз и превратив в своих соучастников. «Революция множества» (Мойзес Наим) захлебнулась.

Но и она имеет свойство возвращаться. «La beauté est dans la rue» («Красота на улицах»), — могли бы сказать протестующие всех стран вслед за своими предшественниками из «долгого 1968-го». Протесты сильны не только своей массовостью, но и креативностью — здесь в полный рост встает карнавальная смеховая культура: автократия становится слабой, если выглядит смешной в своей надутости, глупости и

жестокости. Поэтому протест — это всегда яркие слоганы и изображения. Эстетика идет рука об руку с нормальной человеческой этикой.

С точки зрения «приемной политической семьи», протест всегда устроен неким закулисом. Как правило, американским. Но как тогда объяснить манифестации в США? Сами себя «обзакулисили»? Да, на это есть объяснение, и поступило оно из самой конспирологической из всех конспирологических держав — России. Отечественный переговорщик Кирилл Дмитриев обвинил в организации протестов «глубинное

государство», желающее совершить цветную революцию. Вероятно, против своей же собственной системы, ведь Конституцию США, по-настоящему действующую, еще никто не отменял.

Вот еще одно свойство новых автократий — они не верят в то, что в истории есть такая реальная сила, как граждане страны. Не верят в то, что у них есть ценности, подлинные, а не

*Еще одно свойство
новых автократий —
они не верят в то, что
в истории есть такая
реальная сила, как
граждане страны*

выдуманные. Что они способны к самоорганизации без закулисы и, в отличие от сидящей на штыках власти, без оружия.

Новые автократии по-своему уникальны, но до какой же степени они банальны! Они счастливы одинаково — своей ошеломляющей волей к сохранению власти и вытекающими из нее презрением к человеческой жизни и пренебрежением законами и этическими нормами.

Отсюда их кажущаяся невероятной устойчивостью и готовность ломать мировой порядок до стадии мирового беспорядка. Отсюда и демодернизация — реверсивное движение к давно исчезнувшим укладам (экономическим, политическим, демографическим), и деэмансипация (женщин, прав человека, избирательных прав).

На наших глазах происходит битва модернизации с демодернизацией. Ведется она с ожесточением и аргументацией, мало отличающимися от споров Нафты и Сеттембрини, персонажей «Волшебной горы» Томаса Манна. В конечном итоге это конфликт гуманизма с антигуманностью, свободы с несвободой.

Ответа на вопрос, наступит ли благостный очередной конец истории, или цикл доминирования автократий и войн продлится еще десятилетия (не зря Хобсбаум называл спокойные годы торжества либерализма «золотыми», но и «аномальными»), нет. Как пел по аналогичному поводу больше 60 лет тому назад Боб Дилан, «ответ, мой друг, повисает в воздухе». В который раз.

Анатомия авторитаризма*

В 2005 году уже было понятно, что происходит с Россией. Сегодня я бы не назвал этот процесс «Как Россия стала авторитарной страной», то есть говорил бы не о том, как устроен и возникает авторитаризм, а о том, как происходит захват институтов исполнительной властью. И в этой связи два небольших предупреждения.

Первое: мы видим, как попытки строительства авторитарных систем происходят сегодня на наших глазах в демократических режимах и обществах. Эти попытки строительства разного рода диктатур — мягких и жестких, гибридных и не очень — прямо перед нами. Где-то эти попытки приводят к успеху — например, в Венгрии, где-то этот успех оказывается временным, как, например, в Польше. Мы видим, как в Америке исполнительная власть пытается расширить свои возможности, полномочия и права, совершить экспансию на территорию других институтов, которые сегодня ей неподконтрольны. Мы не знаем, чем это закончится. Прямые аналогии между российским кейсом и тем, что происходит сегодня в Америке, на самом деле неправомерные и неправильные, потому что это слишком разные системы, слишком разная почва, слишком разные основания, но общие закономерности, безусловно, есть. Какие именно закономерности мне кажутся важными.

Первое и самое очевидное — это то, что исполнительная власть всегда нацелена на экспансию, и если на ее пути нет преград или она может легко их преодолеть, то эта экспансия происходит, и тогда осуществляется захват институтов: общественных, государственных, политических.

Второй важный момент заключается в том, что обоснование этой экспансии часто имеет легитимный характер, она презентуется обществу как решение реально существующих в этом обществе проблем. Можно привести много примеров. Очевидно,

Михаил Фишман,
журналист,
телеведущий

* Выступление на семинаре Школы в Риге 20 апреля 2025 г.

что некоторые проблемы, которые Трамп предлагает решить, действительно существуют. Я не буду сейчас углубляться в суть американской политики, но ясно, что они возникли не на пустом месте, есть дискуссия, есть проблемы, и ради их урегулирования формируются какие-то общественные коалиции, возникают общественные договоренности, а власть под лозунгом решения этих проблем совершает экспансию, цель которой именно экспансия, а не поиск решения.

Недавно я слушал выступление бывшего главы Минфина США Лоуренса Саммерса, который говорил, что в Америке действительно есть проблема «синих воротничков» и «ржавого пояса», т.е. людей, которые потеряли статус. Однако пошлинная война, которая была объявлена, чтобы эту проблему решить, приведет к совсем другому результату.

Более близкий нам пример: парламентские выборы в Грузии в октябре 2024 года. Существует реальная проблема соседства с огромной милитаристской, воюющей, диктаторской Россией. С этим надо что-то делать, на эту тему должна быть дискуссия, обсуждение. Правящая партия выступила с позиции: «Вам нужен мир или вам нужна война? Есть риск и опасность войны. Что нам делать?» И началась консолидация власти, борьба с внутренними врагами и установление авторитарного строя. Это недавний пример того, как под флагом решения реальной проблемы происходит экспансия власти.

Третий важный момент: общество не понимает, что эта экспансия происходит прямо сейчас, в данный момент. Это тот опыт, который мы получили в начале двухтысячных, когда оглянулись и поняли, что мы, оказывается, живем уже в другой стране и в другом режиме и никто не заметил, как и когда все изменилось. Почему я не говорю про становление авторитаризма как такового? Дискуссия о том, когда, собственно, Россия стала авторитарной страной, где та точка, в которой Россия повернула не туда, сегодня, может быть, еще более актуальна, чем до войны. Это отдельный серьезный разговор. Тут важно отметить, как соотносятся между собой Россия путинская и Россия ельцинская. Насколько путинская Россия является преемником ельцинской России, насколько она, наоборот, противопоставлена тому, что происходило в ельцинские времена, и тому, как функционировал режим тогда. Важным аргументом в этом споре мне кажется следующее: если мы сравним Россию условно 2005 года и 2025-го, то хотя, казалось бы, тогда жизнь была абсолютно другой и степень свобод вроде как была значительно выше, чем сегодня, тем не менее мы найдем гораздо больше общего, чем между режимом образца 2005-го и условно 1999 года, до прихода Путина к власти.

Тот самый захват институтов, который произошел в течение буквально 3–4 лет, изменил саму природу российского режима. Это было предвидение. А теперь о том, что и как именно было сделано.

Главное, на чем строится путь к бесконтрольной власти, — это, безусловно, контроль над парламентом. Опять-таки мы можем это видеть

и сегодня: вы добиваетесь парламентского большинства и уже оттуда стартуете как авторитаризм, если угодно. Это — ключ. Российский кейс несколько отличается от всех прочих тем, что в России эта история оказалась немного перевернута с ног на голову. Формально сначала возникло большинство в парламенте, сначала была одержана победа на парламентских выборах, а уже потом новый лидер Путин пришел к власти.

Отправной точкой в строительстве путинского режима является не его победа на выборах президента в марте 2000 года, а его победа на парламентских выборах в декабре 1999-го, она и обеспечила его победу несколько месяцев спустя, фактически это и была его победа. А президентские выборы имели формальный характер на фоне парламентских выборов.

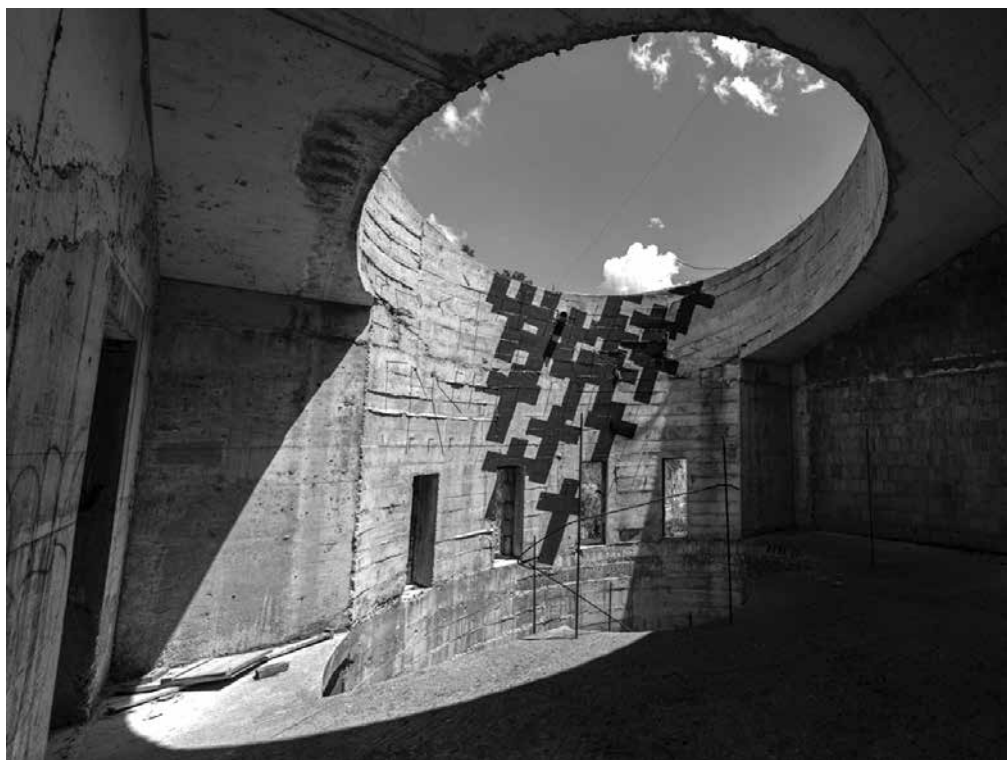
Борьба развивалась в основном между двумя бюрократическими кланами. Одним кланом являлся Кремль, а вторым — бюрократическая коалиция вокруг Евгения Примакова и мэра Москвы Юрия Лужкова. Примаков некоторое время был премьер-министром после дефолта 1998 года. Собственно, тогда, может быть, единственный раз в таком виде и сработали сдержки и противовесы ельцинской Конституции: президент вынужден был согласиться на премьер-министра, который, по сути, представлял интересы левоцентристского и левого оппозиционного большинства в парламенте.

*Отправной точкой
в строительстве путинского
режима является его победа на
парламентских выборах
в декабре 1999-го*

Оппозиционный парламент в России был некоей константой в течение всего ельцинского правления, буквально с января 1992 года по декабрь 1999-го. У президента никогда не было большинства в парламенте, парламент всегда находился в оппозиции, и эта борьба рассматривалась в некотором роде как борьба со смертельным исходом: кто победит — тот уничтожит своего противника.

Это очень важный момент, потому что именно под лозунгом «Нам нужно большинство в парламенте!» эта борьба шла в 1999 году. На ее старте было совершенно ясно, что фаворит — не Ельцин и не Кремль, которые находились в глубокой обороне. А еще рядом с этой бюрократической коалицией была мощнейшая сила под названием «коммунисты», которая тоже атаковала. Лужков и Примаков казались фаворитами, а Ельцин защищался. В этом контексте в августе 1999 года и появился Путин в качестве преемника. Далее он стал премьер-министром, Дума его утвердила, в частности, потому что мало кто верил, что он избираем.

На тот момент Путин, имея статус внутри системы — секретарь Совета безопасности, глава ФСБ, вроде как серьезный чиновник, — с точки зрения общественного мнения, просто отсутствовал, его не было как фигуры, три четверти российского населения не знало, как он выглядит. Это важнейший момент становления путинизма: он возник

Slava PTRK. Стрим-арт. 2020

ниоткуда — без политического лица, политического бэкграунда и политического прошлого. Потому никто и не верил, что он действительно выиграет выборы.

А дальше случился совершенно невероятный, стремительный рост. В течение четырех месяцев, с августа по ноябрь, перед парламентскими выборами в декабре рейтинг Путина вырос с нуля до 45%. Это совершенно феноменальный рост: Путин де-факто превратился в национального лидера благодаря двум важным факторам. Первый —

*Он возник ниоткуда –
без политического лица,
политического бэкграунда
и политического прошлого*

вторая чеченская война, которая была поддержана российским обществом. Путин стал лицом этой войны, она отождествлялась с перспективой установления порядка в целом. Второй важнейший фактор — пропаганда и роль пропаганды. Телевидение и война

превратили никому не известного Путина в национального лидера. Это важно, потому что эта выросшая популярность Путина конвертировалась в победу на парламентских выборах.

Формально на выборах в декабре победили коммунисты: они набрали больше голосов, чем остальные партии, но де-факто они проиграли, и в этом, собственно, заключалась революция. Второе место занял (партией нельзя это назвать) тот список голосов, который был собран под

популярность Путина. Это была деидеологизированная структура под названием «Единство». Занимался ею Борис Березовский, который, собственно, стоял у истоков формирования предвыборного блока «Единство». Это был бюрократический список, включавший губернаторов, которые не входили в коалицию, считавшую себя победителем. Важно, что, в отличие от похожего списка, составленного Лужковым и Примаковым, у путинского не было никакого идеологического лица, потому что он был собран буквально за неделю, и смысл его заключался только в том, что он отражал растущую популярность самого Путина. Не было никакой идеологической составляющей в сравнении с сильно бюрократизированной, но более левоориентированной и имеющей некое идеологическое лицо фракцией Лужкова и Примакова. Это с самого начала был просто «мешок с голосами», в который складывали популярность Путина.

*Результаты выборов
1999 года. Первый:
поражение коммунистов.
Второй: Путин победил
Лужкова и Примакова*

Два важнейших результата выборов декабря 1999 года. Первый: поражение коммунистов, которые заправляли в российском парламенте все девять лет перед этим. Они исчезли как доминирующая политическая сила. Второй: Путин со своим списком победил список Лужкова и Примакова. Эти два главных итога означали, что Путин станет президентом.

Что такое этот новый парламент, появившийся в России в 1999 году? Он был избран в очень жесткой конкурентной борьбе, в политической конкурентной борьбе. Парламент 1999 года с вошедшими в него партиями (половина парламента тогда избиралась по партийным спискам, а половина — по мажоритарным округам), формально, как и сегодня, был самым репрезентативным в российской истории. Это значит, что большинство голосов избирателей было в нем учтено — например, мой голос. Это был легитимный в этом смысле и репрезентативный парламент, и таковым он и воспринимался. Он был живой и был местом для дискуссий, которые потом отменяют. Он не был полностью подконтролен. В этом парламенте Кремлю приходилось выстраивать ситуативные коалиции для достижения того или другого большинства с помощью переговоров, интриг, в том числе аппаратных. Первой интригой стало разделение комитетов, когда искусственно раскололи оппозицию, и одним дали часть портфелей, а другим не дали. С этим парламентом нужно было работать, договариваться, он сам по себе был живой массой, с которой нужно было что-то делать, чтобы ее все сильнее и сильнее контролировать.

В качестве победы было объявлено, что теперь большинство в парламенте позволяет России двигаться тем же курсом, который был намечен прежде, что ведет Россию по направлению ко всему развитому миру, к экономическим и социальным назревшим и перезревшим реформам. Большинство, о котором шла речь, постоянно менялось в зависимости от проблем, которые стояли перед Кремлем, но основой этой коалиции

был тот путинский список, бюрократическая проекция, если угодно, и те правые условно либеральные силы, которые поддерживали Ельцина и его курс еще с начала девяностых годов. Тот самый «Союз правых сил», набравший 8,5% на выборах 1999 года, идеологическая сила, которая являлась флагом реформ, действительно начатых, когда Путин пришел к власти: экономических реформ, налоговой реформы, земельной реформы, Гражданского кодекса и т.д. Тогда это выглядело как революция: вот теперь наконец решена проблема этой вечной оппозиции в парламенте, и мы можем двигаться туда, куда мы все эти годы стремились. Все это воспринималось как позитивный поворот, в том числе и демократической частью российского общества.

Необходима была консолидация власти внутри парламента. Следующий шаг на этом пути — слияние проигравших с победителями, т.е. вот этого «мешка с голосами», представлявшего интересы Кремля и Путина, с той самой бюрократической фракцией Лужкова и Примакова, которые проиграли и сдались на милость победителя. Де-факто они были такие же бюрократы, плоть от плоти и кровь от крови той системы, которая их победила.

Декабрь 2001 года. Две политические фракции сливаются в единое целое, появляется партия «Единая Россия». О ее возникновении объявлено в декабре 2001 года, и важно, что она не имеет никакого собственного лица, кроме лица начальника. «Единая Россия» как партия победившей бюрократии со всеми своими съездами внешне очень похожа на КПСС с ее съездами. Выглядит как КПСС, но это не КПСС. Есть принципиальная разница между «Единой Россией», построенной в декабре 2001-го, и КПСС, за съездами которой страна наблюдала в восьмидесятых. Потому что (возвращаясь в осень 1999-го) «Единая Россия» — это не партия, не сила, не корпорация, а просто «мешок с голосами», в отличие от КПСС, которая была корпоративной системой со сложным механизмом иерархии и делегирования ответственности, с процессом принятия решений и так далее. Ничего этого в «Единой России» нет, а есть просто управление голосами в парламенте, а приказы отдает одно лицо, сидящее в Кремле. Это основа личной власти — и все! И она мультиплицируется на всех уровнях: федеральный уровень, региональный уровень и так далее вниз. Вот она, основа власти диктатуры Путина, которая была построена в декабре 2001 года.

Ситуация в парламенте постепенно консолидировалась, но это был еще тот самый парламент, еще живой и еще отражающий общественный интерес в том виде, каким он был на 1999 год. Декабрь 2003 года, новые выборы в парламент, где уже «Единая Россия» как партия получила большинство голосов. На этот раз, после выборов 2003 года, Кремлю, исполнительной власти больше не нужно было охотиться за голосами, искать тактические временные союзы и договариваться. Необходимость в этом пропала, потому что набрали больше 225 голосов, а значит, можно было

просто проводить свою волю, спуская инструкции в парламент. На выборах 2003 года «Единая Россия» получила 37,57% голосов. Но поскольку парламент по-прежнему собирался наполовину из партийных списков, а наполовину — по одномандатным округам, то у «Единой России» оказалось большинство. И этого было достаточно, чтобы парламент в России исчез. С этого момента его больше не было. Тогда и прозвучало знаменитое «Парламент не место для дискуссий». Более того, больше не было не только парламента, но и смысла в выборах как таковых.

После выборов в декабре 2003 года все остальные выборы в России (на федеральном уровне, по крайней мере: в Думу, выборы президента), начиная с президентских выборов 2004 года, на которых Путин уже получил больше 70% голосов (в 2000-м он получил 51 или 52%), теряют значение, становятся просто формальностью.

Еще важно отметить, что все последующие выборы после 2004 года, начиная с парламентских 2007-го, нещадно фальсифицируются. Да, совершаются какие-то подготовительные действия, что-то делают политтехнологи, как-то обрабатывают избирателя, но в целом можно смело говорить о том, что выборы просто рисуются. Их больше нет — вот результат получения реального большинства в российском парламенте в период с 1999 по 2003 год. Это — парламент — база, ключ.

Следующее направление экспансии — власть на местах, губернаторы. С изменения ситуации в парламенте началась власть Путина, но первой реформой, объявленной с приходом Путина к власти в мае 2000 года, была федеративная, смысл которой заключался в том, что надо окоротить губернаторов.

Губернаторы в девяностых годах — это реальная власть на местах, реальная сила на федеральном уровне. Совет Федерации, где заседали губернаторы, был одной из арен, на которых происходила политическая борьба в 1999 году. В этой связи стоит вспомнить, что весной 1999 года одна из главных битв велась вокруг фигуры генерального прокурора, которого Совет Федерации — то есть сидевшие в нем губернаторы — отказался отстранять от исполнения обязанностей по представлению Кремля. Сработали сдержки и противовесы, если угодно. Это все происходило в пылу борьбы за позиции на предстоящих выборах, и сам генеральной прокурор был разменной фигурой в этой борьбе. Но факт в том, что эта борьба в Совете Федерации была.

Задача нейтрализации губернаторов в Кремле была сформулирована как острейшая еще до того, как Путин пришел к власти, в то время, когда губернаторы блокировали отстранение Скуратова. Я знаю, что уже в ельцинской администрации думали о том, что надо что-то с губернаторами делать и как-то решать эту проблему. Федеративная реформа была представлена как укрепление вертикали власти, и именно

*С изменения ситуации
в парламенте началась
власть Путина.*

*Следующее направление
экспансии — губернаторы*

тогда появилось выражение «вертикаль власти». Путин так и говорил: «Необходимо укрепление вертикали власти». И еще: «У нас государство является не федеративным, а децентрализованным». Оказывается, самостоятельность регионов достигла критической, опасной черты, Россия де-факто стоит на пороге распада, государство приватизировано удельными князьями, которые превратили свои регионы в княжества, где не действуют федеральные законы и, по сути, разрывается единое пространство прав и свобод.

Постфактум понятно, что это все, конечно, было ложью в том смысле, что проблема была надумана. Россия не распадалась и не разваливалась. Но важно понимать, что на тот момент Кремлю удалось так повысить градус моральной паники вокруг этой темы, что она стала консолидирующей. В процессе борьбы с Советом Федерации в 2000 году как минимум один раз преодолевалось вето Совета Федерации. Это означает, что в Думе было собрано больше 300 голосов за отстранение губернаторов, за то, чтобы выгнать их из Совета Федерации. То есть под этой федеративной реформой в еще живом, действующем, вполне репрезентативном парламенте подписалось больше 300 депутатов: и левые, и правые, и либералы, и коммунисты, и представители демократических партий. Суть реформы заключалась в том, что страна разделялась на семь округов, в каждом из которых появлялся кремлевский представитель. Насколько это было конституционно, отдельный вопрос. Второй пункт — изгнание губернаторов из Совета Федерации и заодно лишение их депутатского иммунитета. Наделение исполнительной власти, Кремля, правом отстранения губернаторов и даже правом роспуска областных парламентов в конкретных ситуациях. Чуть позже губернаторы были лишены права формировать правоохранительные системы в своих регионах. То есть экспансия исполнительной власти зашла и на эту территорию. Руководитель ФСБ, прокурор и так далее теперь смотрели на Москву, а не на своего губернатора.

Эта экспансия, этот захват федерации как таковой и превращение России в унитарное государство совершались под флагом как бы легитимной проблемы формирования единого правового поля, противостояния автократиям на местах, соблюдения прав и свобод.

Здесь возникает вопрос, который является одним из ключевых для понимания пути российской политики: в какой степени на самом деле ход политической российской истории был предопределен уже в 1999 году, когда парламентские выборы прошли, или после этого еще было возможно сопротивление? Можно ли было остановить экспансию и противостоять федеративной реформе Кремля? Вот вопрос, который имеет право на существование.

Конечно, изначально позиции у Кремля в этом смысле были довольно сильные, и политика «разделяй и властвуй» приносила свои плоды: губернаторов раскололи, одним пообещали то, другим — это. Но без

консолидации в Думе, без общественной поддержки, которая конвертировалась в голоса в Думе, в нижней палате, эту реформу, наверное, можно было остановить. Но вопрос остается открытым.

Что было дальше? Формально было принято новое правило, по которому губернаторы делегировали кого-то для исполнения своих обязанностей. Объяснялось это тем, что, мол, это профессиональная работа, а губернаторам не до того: они должны управлять своими регионами, а не заседать, нужно, чтобы этим занимались профессиональные депутаты. Де-факто оказалось, что этих представителей, которые заседали в верхней палате, делегировали туда не губернаторы, а сам Кремль. То есть фильтр, который был построен в Кремле, оказался настолько мощным, что именно там решали, кто будет представлять интересы регионов в Совете Федерации.

Совет Федерации — верхняя палата, представляющая интересы регионов, — теряет свое значение и просто исчезает из политического пространства страны. Фактически он превращается в бессмысленную с точки зрения государственной политики синектуру, куда отправляют людей на пенсию. А они голосуют так, как им говорят.

На следующем этапе губернаторы были выключены из политического процесса страны: в 2004 году на фоне страшного теракта в Беслане произошла отмена выборов губернаторов —

*В 2004 году произошла
отмена выборов
губернаторов — одно
из самых циничных
решений Кремля*

одно из самых циничных (если не самое циничное) решений Кремля. Один из важнейших механизмов существования диктатур заключается в том, что национальный кризис для диктатора всегда окно возможностей. И так было каждый раз, когда в России возникал реальный кризис. И отмена выборов губернаторов, обоснованная терактом в Беслане, не имеющим к губернаторам никакого отношения, была не первым такого рода решением. Катастрофа с подлодкой «Курск» в августе 2000 года вызвала первый реальный кризис Путина и повлекла критику в его адрес на Первом канале. Его руководитель Борис Березовский был единственным, кто восстал против федеративной формы (по другим причинам, но это неважно). В сентябре 2000 года Путин установил контроль над тем, что формально ему и так принадлежало (Первый канал принадлежал государству, но управлялся Березовским, перешедшим в оппозицию).

Второй случай касается телеканала НТВ, уже отобранного у его владельцев и переданного Газпрому. НТВ было окончательно встроено в систему государственной пропаганды по итогам террористического акта в «Норд-Осте», захвата заложников в Москве в октябре 2002 года. Результатом этого страшного теракта стал не разбор полетов на тему, кто виноват и почему не удалось спасти заложников, а желание наказать прессу, которая подробно освещала ситуацию.

Установление контроля над медиа как институтом совершалось в той же логике и презентовалось как легитимный ответ на вызов, с которым Россия как общество столкнулась с, а именно — путем приватизации медиа и превращения ее в политическое оружие. Что такое медиа? Медиа — это средства массовой информации, которые отражают общественный интерес, или это инструмент в руках их владельцев, которые решают свои политические задачи? Захват телеканала НТВ занял некоторое время, эта история продолжалась примерно в течение года. Опять-таки вопрос: была ли тогда возможность это предотвратить? Митинги в поддержку НТВ собирали до 30 тысяч человек. Ясно, что этого было недостаточно. А сколько было бы достаточно? Если бы вышли 100 тысяч человек, могли бы они поменять ход истории? Это один из вопросов, на который пока нет ответа. Конечно, какое-то время еще оставалась какая-то свобода слова. Но и она довольно быстро закончилась. И сегодня мы, журналисты, сидим в Риге, Амстердаме и т.д.

Следующий важнейший институт — суды. В отличие от захвата медиа, за которым вся страна наблюдала в прямом эфире, судебную реформу большинство просто не заметило, никто не понял, как это произошло. Все увидели только результат того, как из относительно независимой судебная система превратилась в тот карательный орган, которым является сегодня.

Алексей Навальный незадолго до гибели в 2023 году написал в тюрьме манифест, где, в частности, вспоминал Натана Щаранского. «Я читаю мемуары Щаранского, а как будто читаю свое личное дело», — пишет Навальный. Он делает вывод, что путинизм зародился при Ельцине, в девяностые, и одним из признаков этого называет то, что суды не были реформированы: какими они были в советское время, вместе с право-

Судебная система не была той карательной, репрессивной машиной, которой она стала в нулевые годы

охранительной системой, прокуратурой, ФСБ и со всеми силовиками, такими по сути и остались.

Это не совсем так: судебная реформа в России была. Это тоже отдельная большая тема: что про-

исходило с судами в девяностые годы, как новая судебная система формировалась, насколько возникновение этой судебной власти состоялось. Но мы понимаем, что все-таки в девяностые годы судебная система в большей степени была свободна от контроля со стороны государства. Да, не были решены ключевые важнейшие проблемы. Не была решена проблема высокого статуса судьи, когда он сам себя ощущал фигурой, способной противостоять прокурору, следователю, губернатору и так далее. Да, безусловно, была проблема зависимости судей от вышестоящих инстанций, от местных властей. Все это так или иначе существовало, но судебная система не была той карательной, репрессивной машиной, которой она стала в нулевые годы.

Вильгений Мельников. Адам. 2024

В 2001 году в России была объявлена судебная реформа. Ее целью стала модернизация правосудия, которое продолжало во многом существовать по советским лекалам. Были введены две ключевые для российской системы новации. Первая — суды присяжных. Формально они были объявлены и раньше, но теперь наконец появились в России как институт, и это казалось революцией в системе правосудия.

Вторая касалась судебных арестов: право арестов перешло от прокуроров к судам; в течение 48 часов следователь мог удерживать подозреваемого, но потом должен был привести его к судье, и уже суд решал, что

делать дальше. Все это воспринималось, безусловно, как невероятный прогресс и шаг в сторону цивилизованного мира.

Но параллельно была объявлена цель: обеспечить ответственность судебной системы. И наряду с вышеперечисленными мерами были предложены некоторые другие, а именно меры по усилению ответственности судей. Потому что судьи якобы неподконтрольны, коррумпированы, находятся в зависимости от местных властей.

Под этим флагом решалась проблема несменяемости и неприкосновенности судей, а это главное, что обеспечивало их независимость: с ними ничего нельзя было сделать. По новым законам де-факто сменяемость была: сначала судья отработывал испытательный срок, затем, спустя какое-то время, его могли не утвердить — и он уже попадал в зависимость. Появился важнейший момент привлечения к дисциплинарной и административной ответственности. Все это делалось через квалификационные коллегии, в которых, как выясняется, огромную роль играл председатель суда. Была выстроена и законодательно оформлена бюрократическая система внутри суда, в которой судья находился в подчиненном положении по отношению к председателю суда.

Председатель суда, в свою очередь, также потерял независимость и неприкосновенность, он тоже стал сменяемым: вместо пожизненного назначения — переназначение по истечении шести лет, уже непосредственно в Кремле. Так было и до реформы, но теперь произошло усиление власти председателя суда над судьями в судах. Именно от председателя во многом зависит карьера судьи, его материальное благополучие, привлечение судьи к ответственности. А председатель суда, в свою очередь, попал в очень зависимое положение от чиновников в Кремле. И вот налицо новая вертикаль, построенная незаметным для нас образом.

Как на самом деле выстроена эта система, стало понятно в 2003 году, когда арестовали Михаила Ходорковского и началось дело ЮКОСа. Я процитирую одного из менеджеров ЮКОСа, который был арестован в ходе дела ЮКОСа, Владимира Переверзина. Он написал книгу «Заложник», где рассказал, как в Басманном суде решался вопрос о том, что с ним делать дальше: «У них было всего два варианта: либо отпустить меня домой, либо предъявить обвинение и решить вопрос с судом о мере пресечения. Именно решить. Находясь в прокуратуре, я случайно услышал разговор двух следователей. “Надо только фею предупредить”, — говорит один другому. “Да, я уже ей отзвонился, все в порядке”, — непринужденно отвечает другой. Позже я узнаю, что так они между собой ласково называли председателя Басманного суда».

Позже эксперты по судебной системе расскажут, что на деле судебные аресты работали еще хуже, чем раньше. Весь прогрессивный смысл судебной реформы разбился в пух и прах. И очень быстро: в 2001 году реформа внедрена, в 2003-м арестован Ходорковский, и с этого момента судебная система в России превратилась де-факто в «басманное

правосудие». Именно в течение двух лет система была перестроена. Немыслимо, невозможно было до того представить себе такой политический процесс, каким стало дело ЮКОСа. Неслучайно термин «басманное правосудие» появился в 2003–2004 годах. И с этим «басманным правосудием» мы продолжаем жить и сегодня.

Та же самая «фея», судья Солопова, которая тогда не выпустила Переверзина, позже, в 2012 году, лепила приговоры по Болотному делу, это она потом запрещала инстаграм и т.д. Это те же самые люди!

И когда мы говорим об институциональной экспансии, мы вспоминаем дело ЮКОСа, в котором такую роль сыграли суды. Тогда, в 2003 году (не в 2005-м!), стало понятно, что Россия идет не туда, куда она собиралась идти. Арест Ходорковского стал в этом смысле потрясением, ударом и

*В 2003 году стало
понятно, что Россия
идет не туда, куда она
собиралась идти*

той поворотной точкой, после которой стал очевиден переход к новому типу политического режима. Итак, консолидация власти в течение первых четырех лет путинского правления — это подавление губернаторской фронды, захват парламента, контроль над телевидением, судебная реформа и установление контроля над судами. И дело ЮКОСа — перехват крупнейшего бизнеса в стране и подавление воли государственной элиты — завершило этот процесс. И в этом главный эффект дела ЮКОСа: новая система Путина была полностью построена и готова отправляться в дальнейшее плавание.

Дискуссия: вопросы и ответы

Елена Немировская: По-моему, это блистательное исследование, спасибо. Поскольку я человек советский, постсоветский и современный одновременно, мне все-таки в этом анализе не хватает ответа на вопрос: на фоне чего был возможен такой быстрый возврат? И как население, как элита (я не знаю, кто себя к ней причисляет) не заметили, как перешли из одного этапа в другой? Как страна вернула власть института КГБ/ФСБ и согласилась с ФСБ, доносами и пытками? И главное, страна согласилась, что нельзя иметь собственное мнение. Этот институт — один из самых страшных институтов, полный жертв и насилия. И не только в Кремле: он и в армии, но самое главное — он и в школе, он в искусстве, он в медицине, я уже не говорю о суде.

Оказалось, что и Ельцин, и олигархи, и все мы, советские люди, приняли руководящую роль института секретности, полиции, надзора. Как это случилось? Как страна то ли трансформировалась, то ли позаимствовала это все у царской России, а теперь хочет завоевать Украину, а может, Польшу, а может, и Грузию, потому что верит в великие идеи?

В будущей книге, как мне кажется, это должен быть отдельный фон. Что это вообще такое — реализация института охранки? И как она принята нацией?

Михаил Фишман: Что касается ФСБ и КГБ, мне представляется, что все так и есть. Но тут важно сделать уточнение: восстановлено не то КГБ, которое было в брежневские или андроповские времена, когда над спецслужбами существовал партийный контроль. Тогда, увидев, на что способны неподконтрольные спецслужбы при Сталине, советская власть установила партийный контроль. А сегодня восстановленные сталинские практики власти спецслужб в стране являются проекцией,

*Как же так получилось
и почему все оказались
бессильны в начале нулевых
годов?*

инструментом личной власти вождя — это важное уточнение, на мой взгляд.

Что касается того, как мы это допустили, как все это произошло и в какой момент. Это и есть вопрос о том, что можно было сделать. У меня нет ответа.

Я подозреваю, что если мы будем об этом думать и начнем в это погружаться, то мы придем к ответу, что нет, что на самом деле точка невозврата уже была пройдена и система, общество, элиты и институты уже ничего не могли противопоставить той экспансии, про которую я говорил. Тем не менее этот вопрос остается главным: как же так получилось и почему все оказались бессильны в начале нулевых годов, когда все это только начиналось?

Что касается роли Конституции (вопрос, заданный из зала). Да, безусловно, российская конституция оказалась более авторитарной, чем была задумана летом 1993 года и чем была принята в декабре 1993 года. Были изменены некоторые важные нормы: в каких условиях и как формируется и отправляется в отставку правительство, как формируется Совет Фе-

*Экспансия не заканчивается
на институтах, она идет
вовне и всегда нацелена вовне*

дерации и т.д. Но я считаю, что проблема не в Конституции. Это кажется достаточно очевидным: если бы российская власть, российское общество жили по той Конституции, которая

была в 1993 году, то, конечно, мы не были бы там, где мы оказались. Проблема в том, что эту Конституцию довольно легко игнорировать.

В Конституционный суд поступил запрос: разве не противоречат гарантиям судебной системы, прописанным в Конституции, сменяемость председателей судов и эти их новые шестилетние сроки, установленные судебной реформой? Конституционный суд ответил: нет, не противоречат, потому что они по-прежнему остаются судьями, их же не лишают права вершить суд! Так что проблема в том, как Конституция трактуется и кто ее трактует, и на этом примере это достаточно хорошо видно.

В Санкт-Петербурге закрашивают мурал, посвященный заключенной белорусской оппозиционерке Марии Колесниковой. 2021

Вопрос о том, появляются ли у Путина в связи с приходом к власти Трампа в Америке дополнительные возможности для маневра в Европе, установления большего soft power в разных регионах Европы. Мне не кажется, что это вопрос сегодняшней сессии, но я отвечу в общем. Экспансия не заканчивается на институтах, она идет вовне и всегда нацелена вовне. Совершенно логично, что от экспансии внутри путинизм перешел к экспансии снаружи. Сразу же после того, как был установлен контроль внутри, первым шагом на пути к войне в Украине стали выборы 2004 года в той же Украине, когда в ходе первого Майдана впервые Путин проиграл. Естественно, сегодня вопрос просто стоит гораздо острее, чем стоял тогда. И совершенно ясно, что вербовка режимов является одной из насущных задач Кремля. И как она исполняется в отдельных регионах Европы, мы уже можем видеть. Кремль заинтересован, чтобы таких регионов и таких стран было как можно больше. Это достаточно очевидно.

В последние пять лет мир все больше становится похож на гибрид из различных антиутопий XX века.

*Антиутопия как предчувствие**

*Элина Ковалева,
журналист*

В 2017 году, после избрания Дональда Трампа президентом Соединенных Штатов Америки, в «Нью-Йорк таймс» вышла колонка Чарльза Макграта и Сиддхартхи Деба о том, кто на самом деле оказался прав относительно будущего — Джордж Оруэлл с его «1984» или Олдос Хаксли с «Дивным новым миром». В последние пять лет мир с его обилием глобальных пертурбаций, военных конфликтов и пугающе эффективным использованием современных технологий в политических целях все больше становится похож на гибрид из различных антиутопий XX века. В этой статье предлагается личный взгляд автора на классические антиутопии с высоты 2025 года, чтобы соотнести современные общественно-политические тенденции с идеями классиков.

Мой выбор пал на три основные книги в этом жанре: «Мы» Евгения Замятина, «1984» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, а также на менее известную глобально, но культовую в постсоветском пространстве книгу братьев Аркадия и Бориса Стругацких «Град обреченный». Выбор книг субъективен, и в список можно добавить множество других, включая «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери или более современную книгу «Рассказ служанки» Маргарет Этвуд. Однако в нашем случае это будет взгляд на две британские и две советские книги, которые так или иначе заставили общество в момент их выхода и еще долгие годы после мысленно «докрутить» существующую реальность до абсурда и по-настоящему испугаться. Тот факт, что все четыре книги по-своему пугающие, вряд ли кто-то станет всерьез оспаривать.

* *Titanium. Пуга, 2025, № 1 (63).*

Пропаганда без границ

Книга Джорджа Оруэлла «1984» вышла в 1949 году и во многом является аллюзией на нацистскую Германию и СССР эпохи сталинизма. Ее по праву можно назвать самой мрачной из классических антиутопий. Мир, созданный Оруэллом, практически полностью лишенный радости и смысла, прописан так детально и правдоподобно, что, несмотря на постоянно возрастающий градус ужаса, в него невозможно не поверить. В упомянутой статье «Нью-Йорк таймс» оба автора говорят о том, что Оруэлл не так хорошо применим к современному миру, как Хаксли, однако если посмотреть на то, как работает современная пропаганда в некоторых странах, как ловко она подменяет понятия, корректирует прошлое и формирует историческую память заново, то идеи британского автора вовсе не покажутся гиперболой.

Если посмотреть на то, как работает современная пропаганда, то идеи британского автора вовсе не покажутся гиперболой

Главный герой романа Уинстон Смит работает в Министерстве правды и занимается тем, что уточняет факты, противоречащие государственной политике и идеям лидера партии — Старшего Брата. Переписывание истории в публичном пространстве в нашей реальности хорошо заметно на примере личности Иосифа Сталина в России. Согласно данным исследования «Левада-центра» за 2021 год, количество людей, которые считают его великим вождем, выросло с 2016 года в два раза — с 28 до 56%. В 2023 году, уже после вторжения России в Украину, процент остался практически неизменным — 54%. С учетом того, насколько интенсивно российские государственные каналы внедряли значимость победы в Великой Отечественной войне как в самой России, так и за ее пределами (в русскоязычных диаспорах соседних государств), а также в многочисленных публичных выступлениях в защиту Сталина, неудивительно, что общественное мнение с годами стало меняться. Если пример со Сталиным долгосрочный, то есть и более мгновенные изменения, схожие с тем, как Океания (государство, в котором происходит действие событий романа «1984») в один момент меняет противника с Евразии на Остасию, и в публичном поле тут же необходимо подкорректировать реальность. После избрания Трампа во второй раз и его попыток завершить войну в Украине с помощью переговоров с Россией российские пропагандистские каналы начали буквально «переобуваться в полете», убирая из повестки информацию о том, что государство в действительности воюет с НАТО, а не с Украиной, и делать акцент на том, сколько у Америки и России на самом деле общего. Основное сходство с Оруэллом заключается в том, что нет никакого объяснения смены курса, — это происходит мгновенно и безапелляционно. Поскольку я читала Оруэлла как раз в тот самый момент, когда это произошло, на меня «рокировка» произвела особенно сильное впечатление.

Важную роль в создании и популяризации обновленной реальности играют социальные сети и ботофермы, которые распространяют фейки, теории заговора, частично правдивую информацию. Например, в рамках своей магистерской работы в Рижском техническом университете в 2023 году я анализировала социальную сеть X (ранее Twitter) на предмет военной пропаганды с началом российского вторжения в Украину. В ходе исследования с помощью обработки естественного языка (natural language processing, NLP) я обнаружила пять пропагандистских дискурсов и около сотни аккаунтов, которые классифицировались как боты, тролли, агрегаторы или другие подозрительные паблики. И это притом, что социальная сеть в России была заблокирована практически сразу

Хотя видение Оруэлла и доведено до тоталитарного максимума, отдельные идеи этого романа можно проследить в разных обществах и сферах жизни

после 24 февраля 2022 года. Одновременно с этим на личном уровне производить «корректировку» истории в публичном пространстве стало не так просто. Например, многие публичные люди, такие как музыкант Канье Уэст или номинированная на премию «Оскар» актриса Кар-

ла София Гаскон, удаляли свои аккаунты в X после серии скандальных (расистских, мизогинных, антисемитских, содержащих язык ненависти) постов, пытаясь обелить свою репутацию, однако интернет помнит все, и цифровой след не так просто замести. Хотя видение Оруэлла и доведено до тоталитарного максимума (недаром Макграт сравнивает мир «1984» с Северной Кореей), отдельные идеи этого романа можно проследить в разных обществах и сферах жизни.

Нельзя не отметить и трагическую концовку романа, который заканчивается словами: «Он любил Старшего Брата». Многочисленные попытки привели к тому, что личность главного героя была сломлена, и в этом также можно разглядеть параллель с тем, как публичные люди, в 2022 году (в начале вторжения России в Украину) осудившие войну, впоследствии стали поддерживать режим, отправляться в зону боевых действий и так далее.

Потребление вусмерть

Если мир Оруэлла основан на репрессиях, то роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», опубликованный в 1932 году, построен совсем иначе. Общество в этом произведении с детства, которое проходит без родителей и где «мать» является страшным ругательством, приучается к определенному строю — своеобразной системе каст — и во многом поддерживается с помощью наркотика сомы. При этом для того, чтобы множить бесконечное «счастье», люди должны постоянно потреблять, покупать и развлекаться. Такая точная критика культуры потребления, которую Хаксли высмеивал еще в 30-е годы, не может не восхищать. В

каком-то смысле он действительно выиграл в споре с Оруэллом (Хаксли был учителем Оруэлла и, комментируя произведение ученика, считал, что его собственное видение мира будущего ближе к реальности). Если бы Хаксли дожил до эпохи алгоритмов социальных сетей, он, вероятно, ужаснулся бы, насколько реальность оказалась хуже, чем его идея о простых и гедонистических удовольствиях, таких как секс, наркотики, спортивные игры и путешествия. От контента практически невозможно спрятаться — все социальные сети, стриминги, новостные платформы воюют между собой за внимание аудитории, алгоритмы подбирают контент, который человек захочет посмотреть, отсюда проблема думскроллинга и слишком большого экранного времени. Согласно исследованию Comparitech, на март 2025 года среднее экранное время в мире составляло 6 часов 38 минут, большую часть которого (3 часа 46 минут) люди проводили в мобильных устройствах. Если предположить, что бодрствует человек 16–17 часов, то получается, что 40% дня мы проводим в экранах. На социальные сети в среднем по миру уходит 2 часа 21 минута. К старости окажется, что суммарно человек «живет» в экране годами.

*Если бы Хаксли дожил
до эпохи алгоритмов
социальных сетей, он,
вероятно, ужаснулся бы,
насколько реальность
оказалась хуже*

В отличие от предложенной Хаксли реальности, в эпоху интернета развлечения можно обеспечить даже без секса и наркотиков. Одна из главных героинь романа, Линайна Краун, говорит о том, что она «свободна веселиться, наслаждаться», однако вместе с тем она совершенно не понимает, что делать наедине с другим человеком (кроме занятий сексом) и о чем разговаривать. Невольно напрашивается параллель с частой картиной в любом ресторане сейчас — пара, семья или компания друзей сидят вместе, но каждый прикован к экрану своего смартфона.

Мир Хаксли основан на бесконечной культуре потребления. С одной стороны, это необходимо для обеспечения социальной стабильности, с другой — для того чтобы у человека попросту не было времени отрефлексировать то, что с ним происходит. Несмотря на то что в романе Хаксли отсутствуют мрак и садизм, свойственные миру Оруэлла, он кажется намного более жутким. Это достигается как с помощью конвейерного производства людей искусственным образом и «раскупоривания» вместо рождения, так и истории Джона — человека из индейской резервации, который был рожден женщиной из фордовского мира (Генри Форд в романе Хаксли является символом потребительского бога), но в запоевнике и оттого вырос без базовых знаний о «дивном новом мире». От трагической концовки этого персонажа бросает в дрожь — даже приняв решение уйти от общества, чтобы вести уединенный и лишенный развлечений образ жизни, он сам становится аттракционом и частью культуры потребления: люди съезжаются, чтобы посмотреть на «дикаря» как на туристический объект, что в итоге приводит к самоубийству героя.

Поиск бессмысленного смысла

Роман «Град обреченный» братья Стругацкие считали вершиной своего творческого пути, и поместить его в рамки лишь антиутопии было бы не совсем правильно, поскольку это произведение более многослойное и сложное. Оно было написано в 70-е годы, но издано лишь в конце 80-х. Тем не менее идея Эксперимента, в рамках которого люди бессмысленно меняют профессии ради непонятной цели, действующая власть откровенно неэффективна, а существующее общество не способно создать ничего по-настоящему стоящего, созвучна с тем, как чувствует себя современный человек, работающий на различные корпорации без целей и смысла, лишь плывя по течению и «делая как все». Персонажи этого

Важная идея в антиутопии братьев Стругацких – это кризис идеологий

романа, за исключением Изи Кацмана, словно находятся в вялотекущей депрессии до тех пор, пока власть в Городе не захватывает бывший унтер-офицер вермахта Фриц Гейгер.

Главный герой романа Андрей Воронин, астроном, оказавшийся в Городе из сталинского СССР и работающий мусорщиком, поначалу с энтузиазмом защищает идеи Эксперимента, но по мере своего карьерного роста трансформируется в довольного жизнью конформиста. Это роднит Андрея с одним из главных героев Хаксли — Бернардом Марксом. Правда, у них разная мотивация: если Андрей, изначально идейный, получив статус и комфортную жизнь, разочаровывается в Эксперименте, то Бернارد, поначалу противящийся идеологии бесконечного потребления, после получения статуса и популярности, наоборот, готов прикрыть глаза на то, что его не устраивало раньше.

Андрей находится в поиске смыслов и истин, справедливости, оттого и прислушивается к своему наставнику, веря в то, что у Эксперимента имеется важная социальная цель. Даже когда вокруг происходят абсолютно бессмысленные события — например, нападение павианов на Город, — он продолжает искать этому некое рациональное объяснение с точки зрения целей Эксперимента. Это сопоставимо с тем, как и сейчас люди пытаются во всем найти скрытый смысл — вплоть до расшифровки даты своего рождения. Хотя и нет научно обоснованных свидетельств того, что количество верящих, например, в теории заговора за последние годы существенно выросло, тем не менее процент людей, которые верили в заговоры правительства и фармы во время эпидемии COVID-19, довольно высок. Исследование, проведенное в 2021 году во Франции, в Италии, Великобритании и Германии, говорит о том, что более трети респондентов придерживалось подобных взглядов.

Еще одна важная идея, которая прослеживается в антиутопии братьев Стругацких, — это кризис идеологий. Город, описанный в романе, переживает смену политических реалий: от стагнирующего коммунизма

Елена Мухаметова (Lenor). Цифровые цветы тоже вянут. 2024

до революционного террора и наступления либеральной диктатуры Фрица Гейгера. При этом ни один из режимов не приводит ни к чему хорошему. Читая об этом, невозможно не думать о том, в каком состоянии находится демократия сейчас и как сложно становится ее поддерживать. По данным обзора Economist Intelligence Unit, менее половины (45%) населения мира живет в условиях демократии, 39% — под властью авторитарных режимов, а 15% — в «гибридных режимах», сочетающих демократические элементы с авторитарными. При этом в 2024 году индекс демократии снизился до 5,17, и это самый низкий показатель с момента начала расчета индекса в 2006 году (в 2023-м он составлял 5,23).

Математика в квадрате и феминизм

Роман Евгения Замятина «Мы» принято считать первой антиутопией. Им вдохновлялись как Хаксли, так и Оруэлл, а Стругацким некоторые критики «предъявляли» за то, что в их «Граде» слишком много недосказанности, в отличие от смелого высказывания Замятина. Несмотря на то что эта книга написана раньше всех вышеупомянутых, она удивительно современно читается. С одной стороны, в ней показано наиболее технологизированное общество, быт которого расписан по часам, что не совсем соотносится с тем, как мы живем сейчас. Однако культ математики в романе и восприятие науки как религии или универсального советчика неизбежно рождает параллель с нынешней одержимостью

искусственным интеллектом. Более того, с появлением генеративного искусственного интеллекта и обилия текстов, написанных ChatGPT, операция по удалению фантазии, которую в итоге производят над главным героем, даже и не нужна. Алгоритмы и так способны заменить фантазию. Яркий момент в романе, когда героиня I-330 играет музыку Александра Скрябина на рояле и главный герой Д-503, сначала пораженный, сравнивает ее с эпилепсией, а затем «отрезвляется», как только начинает звучать современная математическая музыка. От этого возникает парал-

*Культ математики в романе
«Мы» и восприятие науки
как религии рождают
параллель с нынешней
одержимостью искусственным
интеллектом*

лель и с современной популярной музыкой, которая хоть и не строится на математических формулах, но все же часто состоит из одинаковых семплов и приемов.

Идея Замятина о строительстве «Интеграла» и полетах в космос наверняка казалась крайне актуаль-

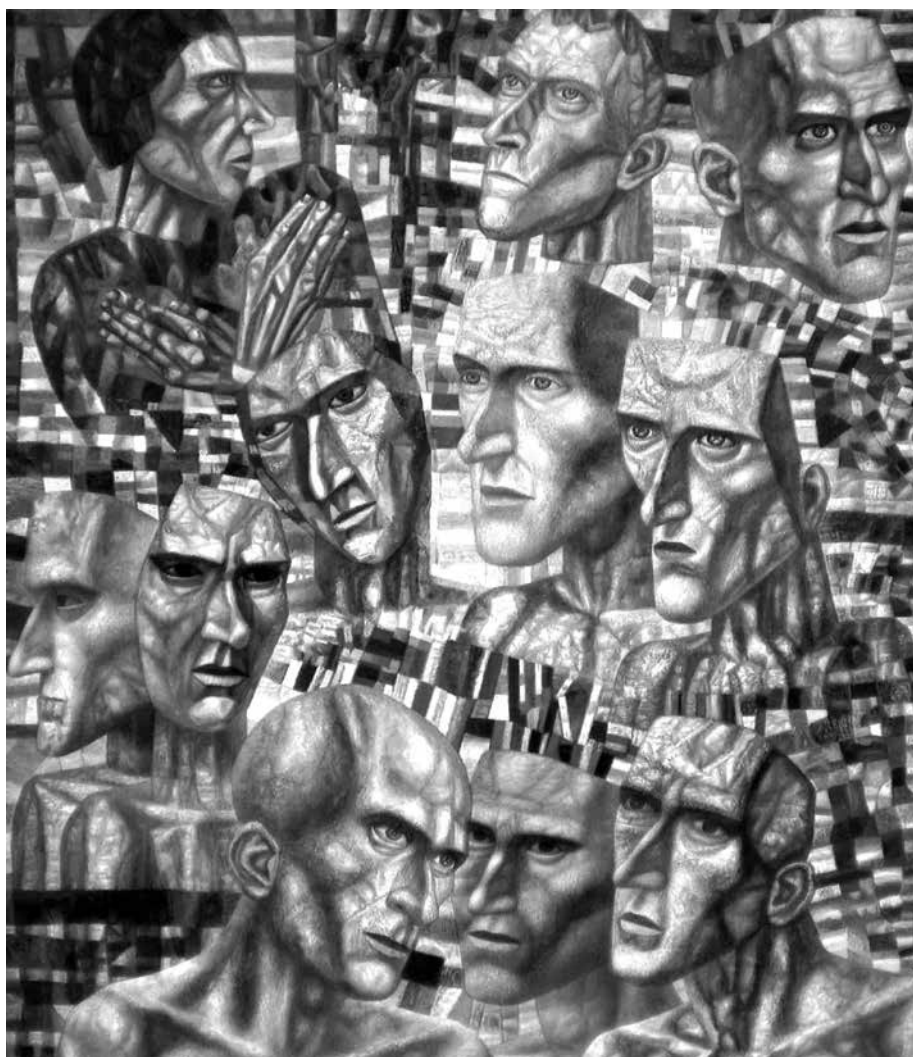
ной в 60–70-е годы прошлого века, во время первых полетов в космос Юрия Гагарина и высадки на Луну американского корабля «Аполлон-11», однако эта тема не стала менее актуальной и сейчас. Озабоченность «богатых и знаменитых» (например, Илона Маска, Джеффа Безоса, Ричарда Брэнсона) космической индустрией, растущее число людей, готовых потратить миллионы на космический туризм, съемки кино в космосе, — все это дало новый толчок для развития темы космоса и вновь добавило актуальности роману Замятина.

Однако, помимо научных тенденций, отдельно следует выделить женские образы в романе «Мы». В отличие от Оруэлла, Хаксли и Стругацких, женские персонажи у которых либо не особо детально прописаны, либо представлены примитивными, распутными и плоскими, у

*В отличие от Оруэлла, Хаксли
и Стругацких, у Замятина
женщины хотя и очень разные,
но каждая по-своему отважна*

Замятина женщины I-330 и О-90 хотя и очень разные, но каждая по-своему отважна. Они вызывают намного больше уважения, чем сам главный герой, который в итоге возвращается в лоно си-

стемы. Назвать героиню I-330, которая является функционером революционного движения, феминисткой в современном понимании — это некоторое упрощение (хотя бы потому, что ее влияние на главного героя во многом объясняется сексуальной привлекательностью), однако ее образ независимо мыслящей, влиятельной фигуры, которая бросает вызов тоталитарной системе, предвосхищает феминистские идеи. Вместе с тем интересно наблюдать за тем, как Замятин противопоставляет ей О-90 с ее более «традиционными» в нашем понимании ценностями и мечтами о материнстве, которые в обществе романа «Мы» являются такими же запретными, как и покушение на режим.

Павел Филонов. Ударники. 1935

Вместо резюме

Эти очень разные книги каждый читатель может интерпретировать по-своему, но чтение их сейчас — не просто увлекательное занятие. Идеи, предложенные мастерами, отрезвляют и заставляют посмотреть на мир как будто бы извне, увидеть далекоидущую перспективу и задуматься о последствиях своих действий, которые зачастую механизированы не меньше, чем жизнь по Скрижали в антиутопии Евгения Замятина.

Почему демократия*

*Валдис Биркавс,
премьер-министр
Латвии (1993–1994),
министр иностранных
дел (1994–1999),
министр юстиции
(1999–2000)*

В 1994 году многие из вас еще не родились, а кто-то только пошел в первый класс, и вы даже не представляете, как вам повезло! Потому что вы родились в то время, которое я отношу к шестнадцати лучшим годам человечества, — поворотный момент в истории. Повезло и тем, кто родился в 1979-м, и тем, кто в 1980-м: они тоже появились на том повороте истории, который обеспечил более 25 лет счастливого развития человечества.

Что же это за поворот? 1979–1980-е — это время, когда действовал неолиберализм Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Время, когда вступил в должность папа Иоанн Павел II. Время, когда Дэн Сяопин начал свои экономические реформы. Время, когда во всю мощь в Польше развернулась «Солидарность». Но еще это время, когда произошла Исламская революция, к власти пришел Хомейни и началась война в Афганистане. В 1994 году я находился на Всемирном форуме в Давосе и участвовал в Informal Gathering of World Economic Leaders (неформальной встрече мировых лидеров). Во время перерыва я присутствовал при разговоре Билла Гейтса и Биньямина Нетаньяху. Среди прочих Нетаньяху задал тогда Гейтсу такой вопрос: «Билл, когда компьютеры будут стоять не больше 200 долларов? Мне важно, чтобы каждый израильский школьник имел персональный компьютер». Гейтс ответил: «Потерпи лет пять». Я взял это на заметку и подумал, что мы-то в Латвии только начали развивать информационные технологии. Однако идея мне понравилась. Но ни Гейтс, ни Нетаньяху, ни тем более я не знали, что это был первый акт древнегреческой трагедии. Почему? Об этом немного позже.

Ситуация в те годы развивалась фактически под знаменем Фукуямы. Динамика геополитики обуславливалась скоростным развитием новых демократий.

* Выступление на семинаре Школы в Риге 29 мая 2025 г.

Демократия вообще была на подъеме — разворачивалась глобализация, а дигитализация давала такие надежды и предполагала такие решения, что, казалось, жизнь будет великолепной! И она такой и была какое-то время, немного менее 30 лет. Сегодня 31 год с того времени — и что мы имеем? Мы имеем геополитические руины. Все, конечно, гадают: это геополитический разлом или цивилизационный? Мы наблюдаем разрушение старого порядка, а нового-то нет. Я сказал, что вам повезло родиться в хорошее время, но это не гарантирует вам жизнь в хорошее время. Эта неопределенность существует и в глобализации, потому что она сворачивается. Строятся стены, барьеры, начинаются торговые войны.

В 1994-м развивался интернет, все радовались новым возможностям, но в результате мы пришли ко всеобщему видео- и цифровому контролю, т.е. мы, по сути, уже потеряли свою приватность, частично лишились свободной воли (если она вообще была): мы не можем ни в одном месте мира остаться незамеченными, незафиксированными. Дигитализация продолжается путем блестящего развития ИИ. Мы радуемся тому, как развивается искусственный интеллект. Он же стремится познать нас лучше, чем мы сами себя знаем.

Юваль Харари, которого вы все читали, на вопрос: «Что в книгах истории будет записано о времени пандемии?» — ответил: «Ничего. Только то, что компьютеры перешагнули через порог, за которым они стали понимать человека лучше, чем человек себя сам понимает». Он ошибся. Но об этом тоже чуть позже.

Так вот: руины геополитики, торговые войны, всеобщий контроль, дигитализация. И спустя 30 лет я опять участвую в Мадриде, но уже в другом форуме — World Leadership Alliance Club de Madrid, членом которого являюсь. Мы обсуждаем мировые актуальные проблемы, а в кулуарах разговор все время переходит на одного человека. Наступил новый год, и мы ждем его инаугурации. За неделю до этого события, инаугурации Трампа, один латвийский журналист задал мне вопрос: «Чего можно ожидать? В каком времени мы будем жить?» Я спонтанно ответил: «Начинается время хаоса, лжи и укрепления авторитарных режимов», но про себя подумал, что не может же быть все так плохо, ведь Трамп все-таки четыре года до этого был президентом и многому научился... Оказывается, да, научился...

Конференция в Найроби, в Кении. Финансовая тема. Я участвовал через зум. И уже не в кулуарах, а в открытом эфире обсуждают двух человек: похоже на ситуацию 1994 года, но вместо Нетаньяху — Трамп, а вместо Билла Гейтса — Илон Маск. Два творителя креативной деструкции.

*Ни Гейтс, ни Нетаньяху,
ни тем более я не знали,
что это был первый акт
древнегреческой трагедии*

*Начинается время
хаоса, лжи и укрепления
авторитарных режимов*

Что же фактически происходит? И почему? Дело в том, что в течение достаточно долгого времени осуществлялись тихие, но очень глубокие перемены в общественном сознании и образовании. Я называю эту ситуацию *complexity overload* — перегрузка сложностью. Мир действительно становится все сложнее и сложнее — в геополитике, экономике, финансах; например, усложняются цепочки доставки запчастей. Фермер в Латвии не задумывается о том, где производят удобрения, от которых он зависит: в Беларуси или во Вьетнаме, они ему все равно нужны. Так же и фермер в Айове. Когда Маск уничтожает всю систему помощи, он бьет не только по нам, но и по своим, ведь деньги не получают и фермеры, производившие продовольствие в помощь африканским странам.

Вернемся к *complexity overload*. Люди хотят простых ответов. Они всегда хотят простых ответов, а в таких условиях особенно. Из чего состоят простые ответы? Например, из конспирологических теорий — они ведь так понятно все объясняют, что сразу успокаиваешься. Это популизм: используются простые формулы и простые ответы на сложные вопросы. Происходит поляризация. А поляризация ведет к созданию пузырей, и если ты не говоришь то, что говорят все в твоём пузыре, то тебя из пузыря выгонят. У каждого человека спрашивают его мнение. Раньше мнение спрашивали у экспертов, а сейчас у всех. Почему? Потому что фактически в политику вошли массы. Средний человек может справиться с определенным объемом информации, иметь мнение по некоторой части вопросов, но не по всем, для этого и существуют эксперты.

Так вот, в поисках простых ответов люди начинают застывать в отдельных пузырях, из которых никто не хочет выходить. И интернет этому способствует, потому что он знает, что вы хотите, и подсовывает вам как раз то, что вы хотите слышать. А люди не хотят слышать плохих новостей, не хотят знать мнение оппозиции. Когда массы приходят в политику, общий уровень политики снижается. Больше нет просвещенной элиты, всегда имевшей какое-то преимущество благодаря образованию и являвшейся неким образцом поведения для масс.

В 1942 году один философ сказал, что не варвары разрушают культуру, а элита опускается на уровень варваров. Когда человек занимается наукой, он несет в себе культурный заряд, интересуется высокими материями, становится экспертом, профессором, академиком. Он возвышается над общей массой, а масса пытается таких стянуть вниз вместо того, чтобы тянуться вверх, к ним.

Дискуссии в интернете показывают, что авторитетного мнения не существует. Нам кажется, что это хорошо. Но ученые и люди культуры имеют право быть авторитетами, и их нужно уважать. Если ты только что научился одним пальцем бить по клавишам, то как можешь считать себя экспертом?

Я думаю, что сейчас сама демократия требует внутренней структуры, которая ограничивала бы вход в систему институтов или

стимулировала достаточно грамотных людей войти туда. Эта проблема настолько насущна, что требует обсуждения и решения. Ведь образование — это инфраструктура. Я бы сказал, что это кровяные сосуды демократии, а безграмотные люди — холестериновые бляшки. Демократия по всем показателям сворачивается, а никто и не думает воспользоваться лекарствами, очищающими сосуды. Я не могу сказать, что есть какой-то наиболее правильный способ управления. Авторитаризм решает вопросы экономического развития быстрее, легче просто указами, просто решениями верховного руководителя. Но суть-то демократии в том, что идет дискуссия, отсеиваются неправильные и сомнительные решения и выносятся решения, принятые сообща.

Знаете эту старую шутку, как философ ответил на вопрос: «Может ли демократия сама себя защитить?» — «Ну как она может себя защитить, если демократия — старый, шумный, неудобный велосипед: он едет, пока ты крутишь педали, а как только пересташь крутить, падает».

Нашему велосипеду больше 30 лет, по-моему, он уже «едет» только потому, что его тащат одним колесом по земле, лишь бы не упал. А скоро откажут оба колеса — и власть решит забросить велосипед в кусты. Многие страны это уже сделали, и никто не протестует: никто не хочет крутить педали.

Более того, демократия постоянно требует ответственности, а ответственности нет. Кто может ответить на вопрос, что такое политическая ответственность? Все могут: это когда тебя больше не выбирают. Но ты перекрашиваешься, и тебя опять выбирают. Не работает политическая ответственность на выборах. Я боюсь, что популистские массы, которые пришли в политику, работают не только без энтузиазма, но и без ответственности.

Представьте, вопрос журналиста депутату парламента: «Почему при распределении бюджета вы не заботитесь о том, чтобы в бюджете финансировалось то, что приносит больше денег?» Ответ: «Наша задача заботиться не о том, сколько будет денег в бюджете, наша забота — распределить бюджет». Вопрос другому: «Откуда в бюджете берутся деньги?» И бюрократ, получающий от государства зарплату, говорит: «Мы же платим налоги!»

Нужно ли нам избегать этой перегрузки сложностью — complexity overload? В мировой истории это уже третий период, когда народ и политики перегружены сложностью. Первый начался после Ренессанса. Второй — после Первой мировой войны. Сейчас — третий. Это периоды упрощения. Даже политические теории после Первой мировой войны упростились до фашизма, коммунизма и либерализма, не было сложной развертки других вариантов. Если мы пойдем по пути упрощения, мы не укрепим демократию. Потому что единственный путь — это

*Дискуссии в интернете
показывают,
что авторитетного
мнения не существует*

образование. А что происходит с образованием? И тут я подхожу к тому, почему вам повезло родиться в девяностые годы и почему Билл Гейтс и Биньямин Нетаньяху не предполагали, что начинается первый акт древнегреческой трагедии.

В древнегреческой трагедии — и у Эсхила, и у Софокла, и у Еврипида, во всех их пьесах, которые сохранились, — по три акта. Первый акт начинается, как правило, с непомерных амбиций героя. Второй — про крах иллюзий. И третий — осознание того, что произошло, и поиски решений.

Так вот, не прошло и пяти лет с того разговора Нетаньяху и Гейтса, как у всех израильских школьников уже были компьютеры. А в США в 2010 году департамент образования издал документ, обязывающий школы обеспечить каждого школьника хотя бы одним девайсом с выходом в Интернет. Я очень рекомендую книгу профессора Марка Веста «Трагедия образовательных технологий» (это его идея про три акта древнегреческой трагедии). Это солидное исследование, которое в конечном итоге приходит к выводу, что «экранное детство», «телефонное юношество» и «планшетное студенчество» вызвали начиная с 2012 года постоянное снижение объема знаний, и это после десятилетнего стабильного роста. Цифровой скачок во время ковида только ускорил процесс, начавшийся в 2012 году. С 1994 года (с которого я начал) до 2012 года прошло 18 лет. Т.е. вы еще учились в школах без сильного влияния этих экранов. Эти

Образовательный процесс превратился в технологический. Технология вместо педагога

результаты могут отличаться в разных странах и тем более по индивидам: моего внука вообще не подпускали к компьютеру, но тем не менее он пошел в школу в шестой класс в

тот год, когда в Латвии шестиклассники освоили только 50% учебного материала! Что же делать? Ведь это коллективная ошибка, в которой никто не виноват и от которой никто не только не способен отказаться, но и не думает об этом!

Книгу Веста очень долго игнорировали, она и сейчас не очень популярна и не стала руководством к действию. Но эта книга — это второй акт трагедии, это крах иллюзий для экспертов, для людей, изучающих проблему, и для общества. Когда говорят: «Какое плохое образование!», происходит упрощение. Потому что образовательный процесс превратился в технологический процесс. Технология вместо педагога. Более того, позиция, что детей нужно оберегать от всяких неприятностей и не ставить плохие оценки, — это безобразие! Они должны проходить через дискомфорт, потому что только переживания, проблемы воспитывают личность. А компьютер не может воспитывать.

Школа должна быть, по крайней мере в начальных классах, местом без телефонов и компьютеров, местом, где педагог — центр образования.

И не надо решение школьных вопросов отдавать школьным экспертам и директорам школ. Когда к обсуждению подключаются люди, которые не-специалисты в этой теме, но мыслят по-другому, часто получается хороший результат.

На эти два вопроса — как решить перегрузку сложностью и проблему образования — у меня нет окончательных ответов. Но оба этих аспекта — проблемы прежде всего демократии. Они требуют участия общественности и демократического решения.

Вест не пишет о том, что древнегреческая трагедия всегда заканчивалась как бы комедийной частью, — люди смеялись и уходили из театра оптимистично настроенными. Так вот, я придумал (для Латвии, по крайней мере) свое, не совсем комедийное решение. Я член Мадридского клуба, и я первый конституционный премьер-министр Латвии после восстановления Конституции, до меня был председатель Совета министров Иварс Годманис, очень уважаемый человек. И я самый старший из премьеров. Я регулярно собираю премьеров и президентов, чтобы поговорить о насущных проблемах. И я решил снова собрать всех премьеров, чтобы предложить свою версию эпилога древнегреческой трагедии под названием «Латвия-2050». Она состоит из трех частей. Первая часть: экономическое развитие (концепция), которое надо было бы воплотить. Вторая часть: я строю надпартийную структуру! Потому что в рамках партийного управления, которое остается в силе (оно должно существовать и будет существовать), нужна организация, которая будет контролировать этот процесс. Это — структура, которая контролирует процесс продвижения программы «Латвия-2050». И третья часть: критерии и система контроля над количественными критериями развития. Что из этого получится, не знаю, но я должен что-то сделать.

В конце 1980-х годов, во время латышского национального движения Atmoda («Пробуждение»), в народе были популярны высказывания, которые я сделал девизом своего плана «Латвия-2050»: «Когда же, если не сейчас?», «Кто же, если не я?».

Mark West. An Ed-Tech Tragedy?: Educational Technologies and School Closures in the Time of COVID-19. Routledge. 2025

Дискуссия: вопросы и ответы

Участник: Прозвучала мысль о том, что демократия нуждается в ограничении, когда широкое участие как будто неквалифицированных людей становится для нее источником проблем, и это нужно ограничить. Правильно ли я понял и как это практически могло бы быть реализовано?

В. Биркавс: В демократии в какой-то степени действительно участвуют все взрослые люди, как правило, граждане, потому что они голосуют. Они голосуют не всегда, опираясь на знания, они голосуют фактически сердцем: или им нравится политик, или им нравится программа. У нас, кстати, очень часто читают программы: у каждой партии должна быть

*Я думаю, что очень
осторожно, но нужно
укрепить закон,
который касается
партий*

такая программа из 2000 слов. И все равно избиратели все время спотыкаются об одно и то же: они выбирают людей, по их мнению, достойных, а когда те попадают в парламент, то оказывается, что они недостойны. Инструмент отзыва депутата в некоторых странах вводится, но, по существу, он не работает. И единственный способ — ждать

следующих выборов и голосовать против такого депутата. Но депутаты ведь говорят только то, что люди хотят слышать! Сам парламент становится популистским.

Я думаю, что очень осторожно, но нужно укрепить закон, который касается партий. Потому что, когда идет государственное финансирование партий, они становятся небольшими коммерческими организациями. Представьте себе: вы получили пять мест в парламенте, и вам выплачивают огромное количество денег, на которые вы живете четыре года. Если мест еще больше, то и денег, соответственно, больше.

Например, моя партия получила 36 голосов в Сейме. И этот результат не превзошла ни одна партия (ни во времена довоенной республики, когда лучший результат был 33 депутата из 100, ни в период после 1993 года, когда я выиграл выборы)! Но если бы тогда мы финансировались, то, конечно, мы бы согласились на все, чтобы остаться в Сейме и жить припеваючи на эти деньги (откровенно говорю!).

То есть финансирование партий фактически делает эту проблему сложнее. Потому что ведущие партии тормозят вход новых, увеличивают количество необходимых членов, меряют все по себе. И никакого улучшения.

Что с этим делать? Я сам боюсь ограничений. Я не могу сформулировать, какие из них нужны, но что-то нужно. Необходимо то, что обеспечивает процесс продвижения. Начинать, например, сверху: для министров установить согласие президента или даже парламента. Министр должен доказать, что способен руководить отраслью. Нынешний механизм не работает эффективно. Люди от этого устают,

разочаровываются. А кто же крутит педали этого велосипеда? Вы крутите: те, кто сидит здесь. Вы же думаете, вы же учитесь, вы же получили хорошее образование!

Участник: Вопрос по вашей концепции complexity overload. Я бы хотел спросить о роли международных организаций в этой связи. В частности, о Совете Безопасности ООН и о Совете Европы, если мы говорим о Европейском континенте. Какую роль право вето в Совете Безопасности и ВТО могут оказывать на эту complexity на универсальном уровне? И про язык прав человека и его роль в Совете Европы, в частности, на примере России и Беларуси, которые были рады использовать этот язык, но он не принес больших результатов, на мой взгляд.

В. Биркавс: Хороший вопрос. Тем более что нередко говорят, что ООН надо вообще упразднить. Но если ее упразднить, то это не упростит ситуацию, а, скорее, осложнит: все-таки это сложившийся механизм, который нужно, безусловно, реформировать. А не дает его реформировать группа африкано-азиатских государств: 77 стран, которые очень крепко держатся за свои места. Но и большие государства, скорее всего, не хотят терять свою ведущую роль.

Совет Безопасности, конечно, орган очень странный, послевоенный, и он требует изменений. Так называемый третий мир по своей экономике и по своему развитию фактически сравнялся в правах со всем остальным миром. Он вырос экономически, дипломатически, технологически, образовательно, во всех смыслах. И нужно устранить этот цивилизационный разлом, который идет не между Западом и Востоком, а между большими колониальными государствами и нынешними западными бывшими колонизаторами. Причем первая волна деколонизации в виде культурной деколонизации оказалась неуспешной, но она показала, что именно здесь идет цивилизационный разлом.

*Третий мир по своей
экономике и по своему
развитию фактически
сравнялся в правах со всем
остальным миром*

Что касается Евросоюза, то я сторонник федеративной Европы. Я всегда был за так называемую многоскоростную Европу. Потому что есть ядро Евросоюза; есть страны, которые тяготеют к ядру, но ядром еще не являются, на мой взгляд; есть страны-сателлиты, которые крутятся на какой-то третьей орбите, но далеко не соответствуют стандартам европейского ядра, то есть старых западноевропейских стран, основателей Евросоюза. Поэтому Евросоюз, конечно, не пойдет этим путем в ближайшие годы. Но мне кажется очень любопытным, что Трамп, который так ярко выступает против Евросоюза, возможно, из-за этого окажется в одном ряду с Карлом Великим, Жаном Монне, Конрадом Аденауэром, а это люди, которые способствовали единению Европы.

Потому что наблюдается сплочение! До первого президентства Трампа я никогда не видел европейских лидеров настолько сконфуженными. Было видно, что они потеряли лидерство США и не знают, что делать. Сейчас этого нет. Есть действие, оно рассматривается положительно, прагматично. Во что это выльется, трудно сказать. Но Европе это было нужно. Потому что Европа превращалась в музей, наполненный мигрантами из разных стран мира. Это ничего, с мигрантами можно справиться. Но задачей Евросоюза, думаю, должно стать демократическое правило большинства.

Участник: Вы говорили про образование и про ошибку, которую мы совершили в плане технологий. Но технологии — это реалии нашего мира. Вы сказали, что в центре образования должен быть педагог, а не технологии, планшеты и телефоны. Технология позволяет стандартизировать образование: то, что я могу изучать в Эстонии с помощью технологий, я могу изучать и в Соединенных Штатах, например.

Возвращая все руководство педагогу, не боитесь ли вы, что это может привести к большему разобщению политических взглядов? Идея Дональда Трампа при ликвидации департамента образования состоя-

*Задачей Евросоюза должно
стать демократическое
правило большинства*

ла в том, чтобы вернуть образование в штаты, то есть на местный уровень. Например, то, что будет изучать школьник в Калифорнии, скорее всего, будет отличаться от образования в Алабаме, где

урок может начинаться с молитвы или гимна. Как вы смотрите на это? Не приведет ли это к большему разобщению?

В. Биркавс: Начну с того, что в 75 лет (где-то семь лет назад) я начал учиться — и учусь до сих пор! — как раз онлайн в Стэнфордском, Йельском, Гарвардском университетах. Это потрясающе! Они даже приглашают меня получать сертификаты. Конечно, это хорошо, это должно продолжаться, но это не отменяет того, что в центре должен находиться педагог.

Я думаю, что чем больше разнообразия в Соединенных Штатах, Латвии, Монтенегро или Монако, тем лучше. Это значит, что больше выбора. К чему нам все унифицировать? Чтобы мы могли легче маршировать? Ведь фактически унификация — нетворческий процесс. Разобщенность возникает из-за того, что люди только сидят за компьютерами. Подростки боятся разговаривать с другими, они теряют навыки общения с людьми. Нам нужно вернуть человеческую коммуникацию. А искусственный интеллект всех, в том числе и меня, отгораживает от общения.

Так что не бойтесь разобщенности, не бойтесь отдать свои права самоуправления. Самоуправления должны контролироваться, там часто происходят нехорошие вещи: например, сплочение вокруг одного коррупционера, который все делает для блага друзей, но все-таки

самоуправление и разные подходы дают возможность выбора. А унификация может быть сведена к основным требованиям, и этого достаточно.

Владимир: Вы регулярно указываете на негативный тренд, говорите, что сейчас идет ухудшение, падает уровень дискуссии. Но если идет снижение — оно идет с какого-то уровня, значит, был какой-то «золотой век», от которого мы откатываемся. Что это был за «золотой век»?

И еще вопрос. Вы говорите о технологиях, о том, что цифровые технологии могут что-то ухудшить. Но это же как ядерная бомба, только нового поколения: если не умеете работать — у вас будет ядерный взрыв, а если умеете — будет дешевая и экологически чистая энергетика. Может быть, надо с этим научиться работать? Главная наша задача — научиться управлять.

*Не бойтесь разобщенности,
не бойтесь отдать свои
права самоуправлению*

В. Биркавс: Про бомбу согласен. Да, это бомба, и очень многому придется учиться.

По первому вопросу. «Золотой век» всегда видится на расстоянии. А на самом деле «золотого века» никогда не было — были лишь неплохие времена, когда развитие, как казалось, шло в правильном направлении.

А период «золотого века» я бы определил так: помните у Сэмюэла Хантингтона его демократические волны? Три демократических волны, и у каждой волны есть реверсивная стадия. Хантингтон определил, что реверсивная стадия третьей волны началась в 2006 году. Отсчитайте от 2006-го назад 16 лет, и вы получите девяностые. Вот это и есть те 16 лет, которые я считаю «золотым веком» человечества. Потому что в тот период вся динамика развития была демократической, образование шло еще по старым канонам, но с новыми инъекциями, и глобализация работала на благо всех.

Айдар: Вы затронули очень важную тему: популизм как одна из главных угроз сегодняшних дней. Вы указали в качестве причины популизма недостаток образования. А я бы хотел обратить внимание, что сегодня так называемым ядерным электоратом того же популиста Трампа или партии «Альтернатива для Германии» и подобных политических сил является в основном не молодежь, а люди старшего поколения, которые не вовлечены в современные технологии и воспитывались в совершенно других условиях.

*Отсчитайте от 2006-го 16 лет,
и вы получите девяностые.
Вот что я считаю
«золотым веком» человечества*

А в таком глобализме, который есть сейчас (не в том, который был в девяностые годы), я вижу как раз антидот популизму. Я вижу, что политические тенденции и предпочтения молодого поколения, моих

Дэниел Аршам (Daniel Arsham). Дом Ареса. 2022

ровесников, в основном далеки от каких-то радикальных политических воззрений. Может быть, не в современных технологиях и не в современном образовании все-таки причина популизма?

В. Биркавс: Тут вы на 100% правы. Конечно, не в современных технологиях. Ведь наблюдается процесс изменения в целом тенденции поведения разных поколений. И сейчас наиболее, я бы сказал, активно настроенная на развлечения публика — это беби-бумеры, послевоенное поколение. Они не могут идти в ногу с новым временем, потому что не вовлекаются в новые технологии в той степени, что молодежь. Они хотят сохранить то, что имели в свои золотые годы, ведь в Америке, в западной экономике, это были пятидесятые-шестидесятые годы. И они чувствуют, что все это уходит безвозвратно. Вы совершенно правы: это поколение — не молодежь. Молодежь даже не пьет, стала меньше употреблять наркотиков и — какой ужас! — перестала заниматься сексом... К первым двум пунктам я не призываю возвращаться, только к последнему.

Война Польши против самой себя*

Э то была самая странная избирательная кампания в современной истории Польши: квалифицированный кандидат в президенты проиграл с небольшим отрывом человеку, которому не место в избирательном бюллетене. Рафал Тшасковский, мэр Варшавы, говорящий на пяти языках, бывший министр правительства и член Европейского парламента, против никому ранее не известного главы Института национальной памяти Кароля Навроцкого, ставшего избранным президентом.

Его кандидатура была взята из воздуха Ярославом Качиньским, давним лидером бывшей правящей нелиберальной, популистской партии «Право и справедливость» (ПиС). Хуже того, в течение предвыборной кампании были раскрыты шокирующие факты о прошлом Навроцкого, футбольного хулигана, среди друзей которого есть люди, осужденные за тяжкие преступления. Навроцкого обвинили в том, что он два десятилетия назад работал сутенером в отеле Grand Hotel в Сопоте и вымогал квартиру у пожилого инвалида. Это единственные скелеты в его шкафу? Ответ вряд ли имеет значение для крайне правых избирателей Польши.

Хотя экзит-полы в ночь выборов показали, что Тшасковский лидирует (50,30% против 49,70%), окончательные результаты все-таки принесли победу Навроцкому (50,9% против 49,1%). Не в первый раз Польша стала всемирным посмешищем. Мы можем вести войны и восставать против диктатур, как это сделала «Солидарность», свергнув коммунизм, но, по-видимому, не способны поддерживать нормальное, серьезное управление. Что бы мы ни строили, мы немедленно начинаем это разрушать.

Славомир Сераковский,
польский журналист,
социолог, директор
Института
перспективных
исследований

* Sierakowski S. Poland's War Against Itself. Jun 2, 2025
<https://www.project-syndicate.org/commentary/polish-election-karol-nawrockis-victory-makes-the-country-a-laughingstock-again-by-slawomir-sierakowski-2025-06/russian>

Поляки, похоже, забыли, что их страна однажды уже исчезла с карты Европы, что их национальная безопасность зависит от компетентного, ответственного правительства. Несмотря на реваншистскую Россию, ведущую по соседству войну с Украиной, они снова выбрали беспомощный фанатизм. В течение следующих пяти лет президентство будет контролироваться популистскими правыми силами, симпатизирующими друзьям президента России Владимира Путина, таким как Виктор Орбан. Более того, ПиС — не единственная правая партия, которая провела хорошие выборы. В первом туре Славомир Менцен из крайне правой, националистической, антиукраинской Конфедерации набрал почти 15% голосов, а откровенно антисемитский Гжегож Браун — более 6%.

Побежденным демократическим элитам Польши стоит задуматься об этих тревожных сигналах. В то время как уходящий в отставку президент Анджей Дуда был в первую очередь комичной фигурой — марионеткой, висящей на ниточках у Качиньского, — Навроцкий может оказаться го-

Самым мрачным является то, что антисистемно настроенные поляки моложе 40 лет выбрали республику ксенофобов Навроцкого

раздо более жестким и беспощадным. И угроза, которую он представляет, может расти, поскольку он будет иметь полную поддержку администрации президента США Дональда Трампа (которая уже вмешалась в выборы, заставив министра внутренней безопасности Кристи Ноем поддержать его во время

недавней остановки в Польше). Таким образом, стоит ожидать, что победа Навроцкого посеет нестабильность за пределами границ Польши. Польско-украинские отношения, несомненно, пострадают. Навроцкий открыто заявил, что не согласится на вступление Украины в НАТО и Европейский союз (отражая желания Путина). Он и ранее делал злобные антиукраинские заявления публично и в частном порядке. Еще опаснее то, что в мирное время оборону и внешнюю политику курирует правительство, а во время войны главнокомандующим вооруженными силами становится президент.

Как Навроцкий победил? Одно из объяснений — увеличение скандалов во время кампании возымело эффект бумеранга, подобный эффекту Трампа, создав впечатление, что кандидата несправедливо атакуют. Тогда как кампании Тшасковского не хватило позитивного послания, поскольку она была сосредоточена на разоблачении темного прошлого Навроцкого. По просьбе Тшасковского либеральный премьер-министр Польши Дональд Туск не участвовал в кампании почти до самого конца. Только в последние две недели он появился, чтобы призвать поляков открыть глаза.

Возможно, самым мрачным предзнаменованием является то, что антисистемно настроенные поляки моложе 40 лет выбрали республику ксенофобов Навроцкого вместо «современной Польши» Тшасковского.

Что теперь делать Туску? Его призыв к вотуму доверия для подтверждения его мандата может привести лишь к большему хаосу в момент, когда необходима демонстрация сплоченности для поддержания политической эффективности до конца парламентского срока, чтобы разработать стратегию для победы над ПиС и Конфедерацией на парламентских выборах 2027 года.

На практике правительство Туска будет в значительной степени ограничено административной ролью. Любые серьезные реформы будут обречены на провал, потому что Навроцкий, как и Дуда, просто наложит вето на все, что примет Сейм. Хотя правительство по-прежнему контролирует большую часть рычагов власти, все институты, которые ПиС демонтировала в период с 2015 по 2023 год, останутся невосстановленными.

К счастью, поскольку эти институты были дискредитированы, они продолжают быть маргинальными, что по иронии судьбы расширяет возможности правительства Туска для маневра. Либеральное парламентское большинство не так беспомощно, как может показаться, так как Туск по-прежнему имеет влияние в управлении страной и по-прежнему может позиционировать свою коалицию для успеха у избирателей.

Для Навроцкого все будет не так гладко. Одно дело победить Тшасковского с небольшим перевесом, и совсем другое — столкнуться с таким опытным политиком, как Туск. Навроцкому придется подчиняться непопулярному Качиньскому, потому что ему понадобится поддержка ПиС, если он надеется на переизбрание. Только на втором сроке он сможет отделиться. Но к тому времени крайне правая Конфедерация, которая набирает силу, может стать доминирующей в польском правом крыле. Война страны против самой себя вступает в новую фазу.

*Никита Соколов,
историк и публицист*

*Свобода человека в истории**

Когда мне предложили для выступления тему «Свобода человека в истории», то я сильно засомневался и подумал, что будет большим нахальством с моей стороны говорить на эту тему. Но уж взялся за гуж — придется сказать то, что историку надо сказать о свободе человека в истории.

Я начну с эпиграфа. Это самый короткий трактат о свободе, он принадлежит перу Дмитрия Александровича Пригова:

Только вымоешь посуду
Глядь — уж новая лежит
Уж какая тут свобода
Тут до старости б дожить

Казалось бы, исчерпывающая формула. Зажирает эта история, история как поток текучих, каких-то невнятных и невыразительных событий — она не позволяет даже думать ни о какой свободе: посуда грязная! Надо ее мыть, какая ж тут свобода.

Потом я подумал: где же еще говорить о свободе человека, как не в Риге, откуда родом сэр Исайя Берлин! На мой взгляд, это самый искушенный и многообразно важный защитник свободы человека. Я полагаю до сих пор непревзойденной его работу «Четыре эссе о свободе», хотя она и была опубликована в 1969 году. И совершенно не странно, что Берлин обратился к этой теме именно в то время, потому что тогда происходил примерно такой же слом мирового порядка, хотя и с другим знаком, как тот, что мы переживаем сейчас.

Ровно год назад отгремели парижские студенческие мятежи, полгода назад советские танки вломились в Прагу и задушили то, что там пыталось дышать из-под советского асфальта, — и тут Исайя Берлин заговорил о свободе! Вот ровно в этот момент стало необходимым говорить о свободе человека

* Выступление на семинаре Школы в Риге 31 мая 2025 г.

в истории, стало невозможным понимать ее как самодостаточную и самоочевидную вещь: она потребовала доказательств. Но между тем свобода человека в истории есть вещь, совершенно очевидная всем и, вообще говоря, доказательств не требующая.

Одна из важнейших частей рассуждений Исаяи Берлина — о том, как человек мыслит себя в мире. А мыслит он себя как существо моральное. И если он мыслит себя как существо моральное, то мы обнаруживаем, что опыт всего человечества за всю историю есть опыт морального суждения. Мы непременно выносим какое-то суждение о поступках наших ближних и дальних, говоря, что они поступили хорошо или дурно.

*Свобода человека в истории
есть вещь, совершенно
очевидная всем и доказательств
не требующая*

Но если мы дерзаем утверждать, что кто-то поступил хорошо или дурно, это значит, что он мог поступить иначе. То есть он был в какой-то степени свободен действовать, принять иной выбор, и тогда наше суждение о нем было бы совершенно иным.

Эта аргументация восходит еще к Канту, который утверждал, что (я процитирую не совсем складный русский перевод) «если бы законы, управляющие явлениями внешнего мира, стали бы управлять всем сущим, то нравственность была бы уничтожена».

Речь идет о представлении их детерминизма, то есть о предопределенности наших поступков, о том, что они диктуются некоторыми внешними обстоятельствами, сколь угодно важными. Так вот, если бы это было так, человеческая мораль не могла бы существовать. А она тем не менее существует, и мы продолжаем жить в этой кантовской морали и продолжаем выносить суждения о действиях наших ближних и дальних, опираясь на некоторые моральные установки.

Мы не могли бы этого делать, если бы человек не был свободен. Как-то странно было бы упрекать в неморальном поведении человека, давшего показания под пыткой. А именно это говорят нам исторические детерминисты: мы все действуем предопределенным образом в силу внешних обстоятельств.

На этом, собственно говоря, защиту свободы человека в истории можно было бы и закончить — на Канте. Но тут возникает вторая проблема. Я буду говорить о нескольких аспектах свободы для истории. Первый аспект — это Кант и мораль, и это очень важная вещь, которую Берлин повторил. Но затем место Канта занимает Огюст Конт, и возникает коллизия, свойственная первой половине XIX века, что детерминизм должен оправдывать существование науки.

Ведь какова логика Огюста Конта, который изобрел позитивную философию и настаивал на существовании позитивных наук, в том числе и о человеке? В те времена под наукой понималась процедура, которая на основе анализа фактов и при помощи известных манипуляций с этими

фактами выводит некоторые общие законы, которым подчиняются явления природы, и (как настаивал Конт) не только природы, но и социума. Возникла ужасная коллизия: а историческая наука, она, вообще говоря, наука? Если наука, то подай закон! А если не можешь подать закон, тогда это не наука! Историки приняли вызов Конта и следующие полтора столетия пытались вычислить общие законы истории. Колоссальные интеллектуальные усилия были потрачены на решение этой задачи, а она не решилась. Не обнаружилось никакого закона.

Первым претендентом после вызова Конта явился, строго говоря, гегельянский марксизм, когда была сделана попытка выстроить историю человечества в качестве такой «лестницы» и понимать все различие эмпирических фактов существующих народов и цивилизаций как стадийное расхождение: просто некоторые народы уже выше поднялись по этой «лестнице», а некоторые там внизу телепаются. Но «лестница» при этом одна. Она представляет из себя такую «пятичленку», как говорили в советское время, восхождения от одной общественно-исторической формации к другой: от первобытности через рабовладение к феодализму, капитализму и дальше к коммунизму. «Социализм — первая стадия коммунизма», как известно.

Прожила эта конструкция чрезвычайно недолго, потому что уже при жизни Маркса возник вопрос: а что делать с Египтом, Китаем? Восток в эту конструкцию совершенно никак не влезает: ну не желают они двигаться по этим «лестницам».

И к концу XIX века, когда мир в информационном смысле стал уже гораздо более компактным и сплоченным, стало понятно, что эта марксовская конструкция, построенная на локальном европейском материале, для мира не работает совсем. Мир гораздо сложнее, многообразнее, чем эта марксовская «пятичленка». И наука эту идею как бы забросила.

Опасность заключается в том, что то, что наука забросила и перестала обсуждать, выпадает в осадок, туда, где рождаются всякие политологи и мошенники-политтехнологи. Они заимствуют то, что наука откинула, и пытаются нам дальше объяснять про формации. А наука перестала этим заниматься уже в конце XIX века, когда стало понятно, что все не так устроено.

Тем не менее соблазн сделаться наукой в точном смысле слова по образцу химии, физики, астрономии оставался очень сильным. До самых 40-х годов XX века прилагались большие усилия для отыскания этих законов. И следующая влиятельная попытка изобрести эти законы была сделана в другом поле. Уже не физические законы — каковы, собственно, типологические законы марксистской диалектики, — а законы биологические попытались внедрить в историю.

Первые шаги в этом направлении были скорее публицистическими: Николай Данилевский в России и Освальд Шпенглер в Германии. Попытка научным образом обосновать эту концепцию была предпринята

британцем Арнольдом Тойнби в 1931 году. Он начал выпускать свою многотомную историю цивилизаций, в основе которой лежит идея закономерностей биологического порядка в истории. Никакой «лестницы» уже нет, никто никуда не восходит и не пытается, потому что это бессмысленно, человеческая история — это не лестница, а большая клумба, на которой расцветают разные растения. То есть цивилизация — это некое «особое растение», особого биологического вида, которое зарождается по неизвестным причинам, растет, развивается и умирает.

Несколько десятилетий выходил этот 12-томный труд — колоссальный плод универсальной образованности. Но кончилось все большим конфузом. Ведь если вы имеете в виду органическую аналогию, если цивилизации подобны живым организмам, то их кариологические виды возможно пересчитать, но никому до сих пор не удастся пересчитать цивилизации. Тойнби выделял 21 цивилизацию, позже другие сторонники этой концепции насчитали до 60. Но если не получается пересчитать биологические виды, значит, что-то с линейкой не так, что-то не так с калькулятором.

*Цивилизация – это
«особое растение», которое
зарождается по неизвестным
причинам, растет,
развивается и умирает*

Ученые очень впечатлились работой Тойнби, но в результате наука путем длительных дебатов к 60-м годам XX века цивилизационную концепцию тоже отбросила. Отбросила отчасти ровно потому, что в это время усиленно развивается научная генетика. Внедряя биологический закон в жизнь социума, следует подумать и о генах. Если вы говорите о цивилизации, значит, некоторый пучок институтов, который, по вашему мнению, образует специфику этой цивилизации, должен распространяться этим связанным пучком. Ровно это, собственно, образует биологический вид с генетической точки зрения. И если цивилизации такие отдельные биологические особи, то должны быть пучки институтов, которые в этом пучкообразном состоянии существуют и распространяются. Но исследования антропологов и историков показали, что не существует таких пучков. Как не существует гена эпикантуса.

Ровно так же не существует никакого пучка исторических институтов, которые бы таким пучком существовали. Под историческими институтами я имею в виду семью, способ выращивания детей, способ заключения брака, способ ухода, способ организации сексуальной жизни — все это институты в самом общем смысле слова. Не существует никакого пучка, который бы формировал специфику этих институтов. Частотность этих институтов существует в мире совершенно произвольно. Один и тот же тип семьи мы можем видеть и в Португалии, и в Индонезии.

На этом биологическая идея заглохла. Идея всемирного прогресса тоже. И тогда в дело вступила самая страшная, на мой взгляд, концепция.

В числе исторических мифологем, которые пыталась опробовать историческая наука, самая страшная и самая опасная — это гипотеза о том, что история движется кольцеобразно. Что история человечества совершает бесконечные круги по бесконечному кругу.

*Самая страшная
и самая опасная —
это гипотеза о том,
что история движется
кольцеобразно*

Идея давняя, из Екклезиаста: «Солнце восходит и заходит, и все возвращается на круги своя». Никто, однако (а попыток было сделано много), так и не произвел эффективной схемы этого круговорота. Первый опыт был сделан греком Полибием, человеком несчастной судьбы. Он неосторожно

что-то сказал про императора и попал в римское рабство. Будучи образованным человеком, он выдумал эту схему круговращения политической истории: сначала возникает некое «вождество», царство, потом оно по греховности человеческой природы извращается и превращается в тиранию, тирания свергается олигархами, олигархи, в свою очередь, вырождаются, тогда возникает демократия. Бедная демократия опять вырождается в охлократию, и тогда приходит царь-повелитель, и круг начинается заново. Римляне его послушали-послушали, но следовать по этому кругу отказались. Совершив первый поворот от древнеримских царей к императорам, дальше никуда не двинулись; следующую тысячу лет Восточный Рим благополучно существовал при императорах, ни к какой республике и охлократии не устремлялся.

После Первой мировой войны произошло разочарование в идее поступательного прогресса и возврат к концепции кольца. Выступил с этой идеей российский, а потом и американский социолог Питирим Сорокин. В 1927 году он опубликовал статью, где предложил вернуться к историческим циклам и назвал 100 претендентов на такие исторические циклы. В следующие 90 лет ни один из них не повторился.

*Когда сегодня идет
разговор о существовании
законов истории, знайте,
что это все мухлеж*

Когда сегодня идет разговор о существовании законов истории, знайте, что это все мухлеж. Наука не смогла открыть никакого исторического закона. Более того, она к 70-м годам XX века окончательно пришла к убеждению, что никако-

го закона исторического не может быть в принципе. Не может быть по простой причине: если бы был исторический закон в истории (какой-то закон, какая-то закономерность), то возможно было бы историческое предсказание. Можно было бы предсказать следующие ходы и следующее положение этой системы, сколь угодно сложной. То есть мы возвращаемся к идее еще XVIII века, к демону Лапласа.

Математик и физик Лаплас выдвинул гипотезу, что если бы нашелся такой великий ум, «великий дух» в тогдашних терминах, который мог бы объять состояние любого элемента, сколь угодно мелкого, в

Норман Дейли (Norman Daly). Цивилизация Ллурос. 1972

существующей системе, то он мог бы предсказать грядущие события с великой точностью. Демона Лапласа не существует по той простой причине, что в истории действуют не элементарные частицы, не бильярдные шары, которые худо-бедно подчиняются физическим законам, а человек, который, помимо массы и скорости, еще обладает свободной волей. И самый, на мой взгляд, убийственный в этом смысле аргумент — это знаменитый прогноз коммунистического «Манифеста» Карла Маркса. Когда Маркс в 1848 году опубликовал этот «Манифест», не было никаких сомнений, что грядет чудовище, пролетариат. Пролетариат образца 1848 года — это абсолютное животное, лишенное всяких следов культуры, не в антропологическом смысле, а в привычном нам смысле, бытовом. И сейчас эта скотина, не ограниченная никакими моральными скрепами, придет и уничтожит весь существующий порядок. Никто, казалось бы, в этом не сомневался. Но только вот речь Маркса прочитали не только Ленин с Плехановым, которые готовили эту самую пролетарскую революцию, а ее прочитали еще разные инженеры, благотворители, железнодорожные строители, которые начали учреждать больничные кассы, школы для рабочих детей. И через 100 лет после «Манифеста» нет пролетариата, его просто не существует в природе. Да, рабочие какие-то остались, синие воротнички, но это уже совсем не тот пролетариат, которому пророчил победу Карл Маркс.

И ровно в силу того, что любой прогноз, любое пророчество, обращенные к обществу, падают в головы людей, которые не просто обладают разумом, но и волей, возникают некоторые проблемы: люди начинают думать и начинают действовать соответствующим образом, дабы избежать прогнозируемого ужаса.

Мы с вами не смогли в должной степени противостоять надвигающемуся ужасу, не вполне его оценили, хотя многие из нас приложили большие усилия к тому, чтобы этот ужас не состоялся. Но это несколько не отменяет нашей свободы действовать в истории и несколько не отменяет важности этой свободы.

Почему сюжет о свободе именно в истории человека важен для гражданского общества? Дело в том, что главным содержанием современной исторической науки является принцип историзма. В самой простой и незамысловатой формулировке он означает, что является преступлением приписывать людям прошлого мотивы, им несообразные. Это преступление против истории.

Очень модно сейчас, особенно в России, говоря о бесконечной круговерти российских модернизаций и откатов, уравнивать Ивана Грозного, Николая I, Сталина и Путина. Но у них были совершенно разные мотивы. Иван Грозный занимался душевным спасением своего народа через муку. Петр Великий строил флот и не думал ни о каком «враждебном Западе». Николай I думал о «враждебном Западе», но совершенно не думал о том, что Россия должна как-то жить наособицу от этого Запада, а, наоборот, считал, что Россия есть важная часть Запада и хранитель западных ценностей, которые на Западе подвергаются сомнению. Россия,

*Почему сюжет о свободе
именно в истории человека
важен для гражданского
общества?*

безусловно, принадлежит к европейской культуре. Екатерина II написала в XVIII веке: «Русь есть европейская держава». Наказ Уложенной комиссии! Тогда это было всем очевидно. И, думаю, очевидно и сейчас любому человеку, который

попытается, например, поговорить с китайцами. Сразу станет понятно, что Россия — европейская страна, несмотря на все своеобразие. Нет никакой «единой Европы», как нет никакого «коллективного Запада». Португалия не похожа на Польшу, и это не мешает им быть европейцами, у них гораздо больше культурного общего с Россией, чем у России с Китаем, Индонезией или Индией.

Важно подчеркнуть, что мы можем выбирать прошлое по своему вкусу. На это обратил внимание всеми нелюбимый философ-провокатор XIX века Ницше, когда написал «О пользе и вреде истории для жизни». Пафос этого эссе заключается в том, что переизбыток истории вреден для общества и возможно такое отношение к прошлому, которое парализует общество и мешает ему двигаться вперед. Ницше сделал чрезвычайно важное наблюдение, которое совершенно не устарело. Он сказал,

что существует три модуса отношения к истории: с одной стороны, история принадлежит человеку гордящемуся; с другой стороны, она принадлежит человеку заботящемуся; и с третьей, она принадлежит человеку страдающему.

Человеку гордящемуся принадлежит так называемый монументальный разряд истории, где вся история состоит из великих предтеч и великих героев, которые являются образцами для подражания и предметом неизбывной гордости потомков. С этой историей мы с вами хорошо знакомы: в последние годы она в России одолевает все остальные виды истории.

Второй род истории, принадлежащий человеку заботящемуся, попечительному, Ницше называл «антикварным»: любая старинная вещь приобретает ценность только потому, что она старинная. Бабушкино платье с оборками, вот эти самые лампы и петлички на офицерских мундирах определенной эпохи определенного полка — они представляют самоценность, и о них надо позаботиться, их надо сохранить, положить в нафталин, чтобы они не исчезли навсегда.

*Мы можем выбирать
прошлое по своему вкусу.
На это обратил внимание
философ-провокатор Ницше*

И, наконец, свободному человеку, страдающему от несовершенства мира, принадлежит род «критической» истории. Истории, которая осуждает деяния предков, достойные осуждения, и осмысливает этот опыт не только в терминах великих свершений и великой гордости, но и в терминах ошибок и преступлений. Это важное наблюдение совершенно в России непопулярно и российским обществом не освоено.

Так вот, закончу тем, с чего начал, — Дмитрием Александровичем Приговым:

...Уж какая тут свобода
Тут до старости б дожить...

Но там есть второй куплет:

Правда, можно и не мыть
Да вот тут приходят разные
Говорят: посуда грязная —
Где уж тут свободе быть

Этот второй куплет чрезвычайно важен, потому что он переводит нас на другой план разговора: а что, собственно, руководит человеком? Его мотивы, что ли, совершенно произвольны? Нет, разумеется! Мотивы человека непроизвольны. И ровно этим занимается историческая наука по крайней мере последние 50 лет. Она занимается исследованием мотивов человека и приходит к выводу, что в разные исторические эпохи они совершенно разные. Попытка приписать мотив, несообразный эпохе, лишает нас способа понять эту эпоху, то есть обрушивает всю

историческую науку. В традиционном обществе, где существуют представления о леших и домовых, люди и ведут себя так, будто лешие и домовые существуют. Это очень важная вещь.

Благодаря Францу Боасу возникла гипотеза о самосбывающихся прогнозах, ее проверили, и она развернулась во вполне себе научную теорию. Американский философ и социолог Роберт Мертон сформулировал механизм самосбывающегося прогноза: некоторые представления, будучи

Попытка приписать мотив, несообразный эпохе, лишает нас способа понять эту эпоху

основаны на превратном восприятии ситуации, то есть исходя из ложных предпосылок, порождают новую модель поведения, которая превращает изначально ошибочную концепцию в

реальность. То есть вы можете сколько угодно доказывать человеку, что леших и домовых не существует, но если он в них верит, то он будет себя вести так, как будто они есть, — и мир меняется.

Как сказал евангелист Матфей, «по вере вашей да будет вам». Веруете в леших — будут лешие; веруете в свободу человека в истории — будет вам свобода в истории. И это, опять же, не научный факт — это факт, данный нам в очень разных ощущениях.

Я очень люблю первую речь Кароля Войтылы в качестве Папы Римского Иоанна Павла II. Он начал ее словами «не бойтесь». Он повторил это много раз в разном контексте. Чаще всего цитируют то место, где он говорит «не бойтесь открыться Христу», то есть свободе в его понятиях. Так вот, не бойтесь. И об этом говорит историческая наука, в данном случае — моими устами.

Дискуссия: вопросы и ответы

Алексей, Эстония: Я историк повседневности, живу в Эстонии. У нас громкий случай произошел на 9 мая этого года. Известный многим Нарвский замок каждый год вывешивает на своих стенах политические плакаты, обращенные к России. В этом году был плакат с лицами Путина и Гитлера и какими-то слоганами. Основная дискуссия и критика разворачивались вокруг идеи, что «Россия лучше Третьего рейха, Путин лучше Гитлера». Мой вопрос заключается в том, опасно ли с точки зрения организационных, политических, коммуникативных практик такое упрощение и уравнивание, которое не сводится к простому «лучше или хуже», а сводится в том числе к мотивации. Опасно ли это для политической организационной практики?

Н. Соколов: Это напоминает мне анекдот брежневских времен, как политбюро решало, не заменить ли из политкорректности старую русскую поговорку «Незванный гость хуже татарина» на поговорку «Незванный гость лучше татарина».

Спор этот, на мой взгляд, вполне схоластический и в значительной степени разрешенный резолюцией Европарламента 2009 года о жертвах тоталитарных режимов, где жертвы и того и другого режима были уравнены. Но обратите внимание, что здесь корректность решения заключается в том, что уравнены оказались жертвы, пострадавшие. Безусловно, режимы разные, они действуют в разной технологической, в разной информационной среде, и поэтому способы борьбы с ними, конечно, будут разные.

Простые аналогии в истории не работают. Они мешают понимать различия и, соответственно, парализуют волю и способы противодействия злу. Потому что зло всегда выступает в новом обличье, всегда вооружено новыми инструментами как технического, так и идейного порядка и требует изобретательности и творчества, чтобы ему противостоять.

Поэтому я большой противник простых аналогий «Путин = Гитлер». Путин не равен Гитлеру по многим параметрам, и не равны те сообщества, с которыми они символически сопряжены. А вот некоторые действия — да, вполне вписываются. Я вижу некоторые аналогии и Мюнхенскому договору, по которому продали Чехословакию, в нынешних событиях. И это, на мой взгляд, опасная аналогия, и о ней надо думать. Потому что если есть какая-то ценность в исторических опытах, то это именно ценность прошлых ошибок и преступлений. Их надо внимательно анализировать, чтобы учуять запах в настоящем.

Одна из самых сложных проблем — это прошлое в настоящем. Как им манипулируют, как его используют разные политические игроки и что с этим делать.

Е. Немировская: Спасибо большое за эту замечательную лекцию, за предмет для обсуждений, размышлений. Как-то все смирились, что Сталин оказался возможен, оттепели возможны, потом Брежнев, Путин... Русский народ все стерпит и даже (и это совсем непонятно) смиритсЯ, что ведет ужасную, трагическую для себя войну. Все как-то привыкли, что русская история держит человека в определенной конструкции, он себя повторяет в каждом поколении. И есть фундаментальная черта, которая называется страх, которая породила, наверное, вот эту социальную пассивность, никакого активизма.

Почему целая нация, которая жила всегда в работающей демократии, так активно смиряется с Трампом? Она его не только приняла, выдвинула, проголосовала большинством, но она еще и никак не реагирует (через свои сильные институты прежде всего). Прошло полгода, по-моему, для Америки это разрушительно. Это что-то историческое или психологическое? Для меня этот психологический срыв очень интересен.

*Зло всегда выступает
в новом обличье, всегда
вооружено новыми
инструментами*

Н. Соколов: Здесь сразу несколько сюжетов, о которых следует поговорить.

Возвращение Сталина: что же вы хотите, когда России в 2000-е годы подменили идентичность! Это главная историческая манипуляция путинского режима. У каждой европейской нации, принадлежащей к европейскому типу культуры, существует то, что антропологи называют «миф-основание». То есть то историческое событие, с которым нация связывает свое возникновение. У французов это День взятия Бастилии. В Советском Союзе это была Великая Октябрьская социалистическая революция.

Для новой России после 1991 года ни Октябрьская революция, ни взятие Бастилии не могли быть такой отправной точкой. Естественным мифом основания современной России мог бы быть август 1991 года,

*Эти ценности –
достоинство, права
человека, свобода – были
глубоко чужды тем
гэбэшникам, которые
оседлали рычаги власти*

когда граждане крупных городов по собственному почину поперли на танки — с авоськами, безоружные, — остановили эти танки и послали подальше эту самую кремлевскую коммунистическую власть навсегда. Своими авоськами послали, потому что с оружием там никого, конечно, не было. И весь этот реставраторский ГКЧП поджал

хвост и испарился. Вот этот момент и был моментом рождения новой России — демократической, свободной, уважающей права человека и его достоинство.

Но ровно эти ценности — достоинство, права человека, свобода — были глубоко чужды тем гэбэшникам, которые оседлали рычаги власти в следующие годы. И тогда на место августа 1991 года была выдвинута мифологема «Великой Победы»: «Мы наследники Великой Победы, мы нация, родившаяся в мае 1945 года». Почему вы, какое отношение к маю 1945-го вы имеете? Вы самое раннее 1955 года рождения. При этом «Великая Победа» (что важно!) совершенно отрывается от чудовищной войны, она как-то возникает сама собой. Войны как бы не было, исчезает вся сложность многообразия судеб людей в военное время — есть или герой фронта, или герой тыла.

А шестьдесят миллионов в оккупации, как-то переживших войну? В последние, самые последние ельцинские годы начали публиковать воспоминания коллаборантов (знаменитый дневник смоленского бургомистра, например), начался разговор о многообразии судеб этих людей, об оstarбайтерах, которые были угнаны на работы в Германию. Все они были лишенцами после войны, были поражены в правах, их подозревали в сотрудничестве с врагом, в шпионаже. Все это многообразие судеб накрылось медным тазом громокипящей победы, и человек совершенно исчез, собственно, вся история исчезла.

Откуда взялась «Победа»? Кто победил в Великой Отечественной войне советского народа? Уж точно не советский народ. Кстати, почему она Великая Отечественная? А во Второй мировой мы не участвовали? В сентябре 1939 года мы не вступили во Вторую мировую войну? А в ноябре 1940 года мы не атаковали Финляндию в соответствии с договором с Гитлером? Это совершенно ложная конструкция, и она не позволяет проникнуть в ход войны. Ведь что такое «причины временных неудач Красной армии в 1941 году»: «техническое несовершенство», «внезапность» — все эти сталинские клише? Какая «внезапность»? Было известно, что накапливаются дивизии на границе, авиация перебрасывается на ближние аэродромы подскока. В мае Генеральный штаб переводит советские военные округа в состояние фронтов, переместив их на боевые позиции в полевые пункты управления. В мае уже было понятно, что все сейчас начнется.

«Техническое превосходство». Не было никакого технического превосходства у Германии! Советский Союз в десять раз превосходил Германию по численности вооружения и как минимум в авиации и танках превосходил качественно, потому что немцы в значительной степени воевали на довольно допотопных чешских «Татрах».

И при этом три миллиона пленных в первые четыре месяца войны, когда сдавались целыми полками. Что это значит? Народ не хотел воевать за Сталина. Должно было случиться много событий, чтобы к концу лета 1942 года народ понял, что немцы, которые несут новый порядок, — это совсем не те немцы, которых видели на этих же территориях в 1918 году, после Брестского мира. Тогда-то пришел культурный немец, поезда стали ходить по расписанию и эта вся большевизия рухнула. А теперь пришел совсем другой немец. Об этом же никто не знал, потому что после заключения пакта Молотова — Риббентропа о Германии перестали сообщать. Германия как бы «стала вполне успешной социалистической, дружественной державой». Сталин или кто-то из его клеветников сказал, что «дружба советского и германского народа, скрепленная кровью, есть долгосрочный факт» (скрепленная кровью поляков, по всей видимости, иначе нечем было).

Так что этот «таз громокипящей победы» закрывает нам возможность понять нашу собственную историю в войне.

Теперь про то, что неблагоприятно в России с исторической картиной. В общественном сознании России живет картина, созданная, не побоюсь этого слова, в 30-е годы XIX века и впоследствии оприходованная товарищем Сталиным. Какое представление выносит об истории тот, кто не занимается историей специально?

Была великая держава Киевская Русь, там правил великий князь киевский. Потом князей-дураков стало много, они растащили эту великую державу на удельные лоскутья. И настала русскому народу такая беда — пришли татары, всех завоевали, 200 лет Русью помыкали, потом пришли

Дункан Роулинсон (Duncan Rawlinson). Блэк-Рок Сити, Burning Man. 2016

московские князья, железной рукой в ежовых рукавицах народ собрали. И русский народ обязан эту власть любить, как бы она опричным образом ни хулиганила, потому что без этой вертикали власти ему, русскому народу, конечная погибель.

Все вздор, от первого до последнего тезиса. Древняя Русь не была единым государством. Это была странная конгломерация отдельных земель, иногда даже не княжеств, потому что некоторые земли как-то князей призывали, и там не было постоянного княжения и не было постоянной княжеской династии. Удельный период совершенно не был периодом

Древняя Русь не была единым государством. Это была конгломерация отдельных земель

упадка, а был периодом необычайно-го цветения социального творчества. В разных землях оттачивались разные юридические модели, возникали разные культурные школы, живописные, школы летописания, разные

местные законодательства. Это был период великого творчества. Да, не было никакой единой власти, но кто про нее тогда думал!

Владимирские и суздальские были отдельно. Новгородцы вообще себя считали наособицу. А Волынь жила себе своим чередом. Не было никакого «русского народа»: «русский народ» — это гораздо более позднее изобретение. Некоторые историки считают, что русская нация — это

продукт наполеоновских войн. И действительно, нация современного типа, которая называет себя русской, происходит из 1812 года.

Так что эта модель проецирует в сознание современного человека? Я много раз убеждался, что у всех в головах остаются ровно этот стереотип, ровно эта матрица: «Было великое, не надо растаскивать, не надо тревожить вертикаль власти, и все будет хорошо». О чем это говорит? О том, что мы готовы согласиться, что «Русь идет своим, особым путем».

Потому что нигде никогда не бывало такого, чтобы что-то начиналось с единого централизованного государства: технологически невозможно ни в X веке, ни в XIII. Нет ни почты, ни телеграфа,

ничего такого, что позволяло бы технологически управлять такой территорией из единого центра. Это было бы чрезвычайно неэффективно, но и совершенно невозможно.

Но товарищ Сталин лично вписал в школьный учебник всю эту мишуру и ахинею про Александра Невского и его исторический выбор, про его героическую борьбу с тевтонами. И в результате сознание нации отравлено этим стереотипом. История мыслится как история государства, которое считается сильным, только если оно способно действовать произвольно и внутри своих рубежей, и снаружи. То есть если оно может показать кузькину мать, то оно настоящее, правильное государство. А если оно как-то отстывает, как во времена Ельцина, Горбачева или Александра II, то это уже какое-то не то государство — слабину дает государство, оно ненастоящее.

Я думаю, что нечто похожее происходит и с Трампом. У американцев нет никакого единого исторического курса. Там свои исторические учебники пишут в отдельных штатах, а иногда даже в отдельных графствах. И на этом фоне порой возникают скандалы между Севером и Югом по поводу истории Гражданской войны. А Трамп выплыл ровно на том, что слишком быстро пошла эта новая волна модернизации, на мой взгляд.

Подобный чрезвычайно психологически сложный для человека период историки фиксируют в России в начале XX века и говорят о нем как о напряжении, вызываемом модернизацией. При всей условности термина «модернизация» есть некоторый смысл в этом определении. И по всей видимости, нечто похожее происходит в Америке, которая не выдерживает этого нового витка модернизации, связанного с феминизмом, с лукизмом...

Семен: Я занимаюсь исследованием истории архитектуры. Мой вопрос связан с актуализацией исторической политики. Лет 20 назад мне казалось, что события первой половины XX века — это давнее прошлое. Но сейчас эти события стали намного ближе, стали частью сегодняшней повестки. Актуализируется историческая политика, происходит переписывание истории, замена истории мифами. Причем это происходит,

*Возможно ли будущее
без мифа о прошлом?*

как мы видим, по всему миру. Как вы думаете, эта часть оруэлловской формулы — «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим» — актуализируется? И возможно ли, чтобы государство сосредоточилось на созидательной деятельности по формированию будущего без актуализации этой исторической политики единоправильных терминов и создания этого мифа? Возможно ли будущее без мифа о прошлом?

Н. Соколов: Возможно. И очень многие культуры живут, совершенно не прибегая к этому мифу. Попробуйте объяснить швейцарскому гражданину, что такое «историческая политика», он будет чрезвычайно этим озадачен. А польскому гражданину это объяснить легко. В разных культурах это по-разному функционирует.

Насчет того, кто владеет прошлым. Почему вы полагаете, что государство владеет прошлым? Я совершенно в этом не уверен. Россия — большая страна. Об этом уже говорилось, но дело не в объеме. Если вы отъедете от Москвы на север на 500 верст — там будет Великий Новго-

*Мы Сталина так
и не похоронили. Мы
не договорились о том,
что он такое: великий
герой или великий
преступник*

род, и у него совершенно другое представление о себе. Вот в Новгороде с 1862 года стоит монумент в память тысячелетия России. А помните, кого из российских царей там нет? Ивана Грозного! Потому что новгородское общество XIX века сказало: «Что?! Этого палача сюда к нам в качестве кумира и памятника?!» В России образца 1862 года существовало

влиятельное гражданское общество, которое могло Ивана Грозного с памятника «Тысячелетие России» убрать. Сейчас ничего такого, конечно, нет. Думаю, в любом городе есть о чем поспорить. Даже в моем родном Вышнем Волочке и то найдется разная память о Петре Великом, который копал эти каналы.

Так что без истории жить можно, без истории жить гораздо спокойнее. Американцы замечательно живут себе без истории, у них она короткая, но очень драматичная, поэтому про древнюю историю XVII–XVIII веков они пришли к согласию, а гражданская война продолжается. В Америке бесконечно сносят одни памятники и ставят другие, бесконечно оскверняют мемориалы то южан, то северян.

В России гражданская война вообще не затихала. Она продолжается, на мой взгляд, в форме вот этой героизации Сталина и противодействия ей. Мы Сталина так и не похоронили. Мы не договорились о том, что он такое: великий герой или великий преступник, палач или маршал победы? Ну да, он и то и другое, только что для нас важнее?

Саша: Я социальный психолог, и для меня история скорее интерес, но не профессия. Поэтому действительно ценно услышать такой глубокий разбор идеи о том, что не нужно упрощать, что не нужны простые аналогии. Но что бы вы посоветовали почитать человеку, который хочет

понять, что происходит в России сейчас, может быть про какой-то период истории нашего региона?

Н. Соколов: Не существует литературы исторической вообще. Современная историческая литература не описывает народную судьбу, она совершенно этим не занимается, этим занимаются разные мошенники. Я пытался это несколько раз сказать: как только вы слышите разговоры о российской цивилизации, о русском мире и российской судьбе, значит, перед вами мошенник. Потому что историческая наука давно оставила попытки говорить о национальной судьбе, о национальном пути, о «зондервегах».

*Не существует
никакого единого
«российского народа»*

Историческая наука, как всякая наука, отвечает на вопрос, истинно или ложно некоторое утверждение — о прошлом в данном случае: «Было или не было это?», «Так или не так думал Иван IV, когда учреждал опричнину?». Несколько лет назад вышла чрезвычайно провокативная работа Андрея Юрганова, который повернул к нам опричнину совсем новой стороной, совершенно неожиданной. Горячо рекомендую эту книжку, она в Сети есть.

Поэтому не существует никакой литературы по истории нашего региона вообще. Существует разнообразная литература по разным вопросам, по разным аспектам бытования России. Женская судьба в России — это одна литература. История русского кабака, чрезвычайно интересная и важная для понимания русской истории, — это другая литература.

Историческая наука отвечает на вопросы.

Саша: Я уточню. Есть распространенный стереотип о том, что «русские не приемлют демократии и свободы и созданы для насилия и рабства». То, что сейчас происходит, как Путин узурпировал страну, возможно, есть какие-то события в истории, которые могут пролить свет на то, почему мы оказались снова в точке тоталитаризма.

Н. Соколов: Почему мы здесь оказались — это длинный разговор, вполне себе содержательный, а не спекулятивный. На этот счет уже существует довольно большая литература. Насчет генетического рабства. Не существует никакого «однородного народа». Гомогенный народ — это фикция, которую выдумывает власть. Не существует никакого единого «российского народа», даже ВЦИОМ не может такое выдумать. Так же точно и исторически его не существует.

Вы никогда не задумывались, почему в классической исторической литературе — у Соловьева, у Ключевского — присутствует два разных написания: «козаки» и «казаки»?

Козаки — это вольные гулящие люди, которые жили общинами. О формировании их общин есть несколько гипотез, но самая основательная говорит о том, что это беглые люди, бежавшие из центральных областей Московского государства на окраины, спасаясь от крепостной

зависимости прежде всего. Именно поэтому они были вольные и спокойные, именно поэтому они сыграли такую важную роль в Великой Смуте XVII века.

Смуту оболгали в сталинские времена безобразно, изобразили ее какой-то то ли крестьянской войной, то ли иностранной интервенцией. Великая Смута была гражданской войной внутри московского общества. Да, каждая из сторон звала иноземных партнеров. Одна партия звала шведов, другая партия звала литовцев, которые тогда были в Польско-литовской унии, но польское государство не участвовало, только отдельные польские магнаты. А война-то была внутри русского общества.

А кто с кем воевал, собственно? Грубо говоря, воевали сторонники опричной конструкции государства и сторонники антиопричной конструкции государства по литовскому образцу, с сеймами и выборным королем. Ведь не только князь Курбский бежал в Литву, но массово бежали и простые мужики, и торговые мужики, просто об этом нам в школьном курсе не рассказывают. Так что не существует никакой генетической предопределенности.

Первое наступление на козаков происходит при Петре Великом в 1707 году, когда на Дон отправляется экспедиция боярина и воеводы Долгорукого, чтобы оттуда вывезти назад беглых. А между тем уже несколько столетий действовало правило, что с Дона выдачи нет. Успел на Дон попасть — все, вольный человек. И когда Петр Великий при помощи Долгорукого дотягивается до Дона, там начинается восстание, подавить которое послали полки гетмана Мазепы. Вот это как в современное сознание вместишь? Такие штуки очень хорошо иллюстрируют сложность истории и ложность примитивных представлений о ней.

Полтавские мазепинцы надавали по шеем взбунтовавшимся донским козакам, и они ушли на Кубань, стали там жить. Но их и здесь стали доставать, тогда они ушли в Турцию: православные козаки ради сохранения своей веры и своих вольных обычаев ушли в Османскую империю и там следующие 200 лет жили своими очень закрытыми общинами, сохранившими русский язык времен Петра Великого и старинный дониконский обряд. Это так называемые некрасовцы. До самого последнего времени они там существовали.

Екатерина II, в свою очередь, разрушила Запорожскую Сечь: преобразовала козачьи окраины, а из бывших козаков сформировала казаков, младшее дворянство. Это было военнотрудовое сословие, но как бы второго уровня — менее привилегированное, чем традиционное дворянство. И что же вы думаете, все козаки это приняли, что ли? Нет, конечно! Тут же опять с Дона началось бегство.

Нет никакого «гена свободомыслия», его не существует. Вспомним Александра Невского. «Исторический выбор для России совершил великий благоверный князь Александр Невский, который нас отвернул от Запада и надавал по шеем псам-рыцарям, зато заключил союз с монголами,

в результате возникла Московская Орда, как ее называют всякие злодеи и иностранные агенты».

Минуточку! Князь Александр Невский совершенно никакого выбора не совершал. Он совершил поездку в Орду за ярлыком: ему очень нужна была ордынская помощь против мятежного Новгорода, который его терпеть не мог и непрерывно гонял взащей за то, что он покушался на городские вольности. Но имейте в виду, что гонять князей — это не привычка взбалмошных новгородцев, а повсеместный обычай на Руси в то время. Мне очень нравится выражение тех времен «князю казали, путь чист», то есть сказали: вали отсюда! И этот самодержец, по мнению Карамзина, вынужден был топать, куда сказано. Потому что никакой князь не мог тягаться в военной силе с городом. В воображении современного человека военные силы Древней Руси — князь и его дружина. А за что служил дружинник?

Из зала: За землю.

Н. Соколов: Земля становится предметом обеспечения службы в Московском государстве в XV столетии. А вот тот древнерусский дружинник, он за что служил?

Из зала: За дележ, пьянки и имущество...

Н. Соколов: Да, пирование — важнейшее занятие князя. Во время пира он раздает кольца, кубки, мечи. Ценность в чем? Важно понимать мотивы: он не имущество раздает и не драгоценный металл. По понятиям того времени, вот в этом драгоценном металле, который взят в бою в качестве трофея, заключается и часть княжеского фарта, удача. Нематериальная сила аккумулируется в этом драгоценном металле. Князю служат за этот фарт. Так вот, фартовый князь к концу удачной карьеры мог таким образом накопить около 100 дружинников, известен случай, когда было 140 дружинников. Это — его военная сила. И если какие-нибудь печенеги с половцами насканивают, то князь со своей дружиной в качестве силы быстрого реагирования скачет на границу и по возможности вламывает этим печенегам. Если что-то серьезное, то поднимается городской полк — так называемая тысяча, тысяцкая организация военного ополчения земского. Во главе ее стоит тысяцкий, а подразделяется она на сотни с сотскими и десятки с десятскими. А сколько тех тысяч? В Новгороде было 20 тысяч.

Важная деталь для понимания Древней Руси: в Западной Европе простолюдину запрещалось иметь меч, а на Руси не запрещалось, и русский простолюдин выходил с мечом, очень часто конный, а иногда и «в лады», как пишут наши летописи. И что князю делать с этим полком в десять, двадцать тысяч? Дружинники, конечно, профессиональное войско, но сотня против десяти тысяч! Поэтому и «путь чист».

*Нет никаких генетически
не предрасположенных
к демократии народов*

Гриша Брускин. Из серии «Логии». 1986

Нам твердят, что Александр Невский в XIII веке выбрал восточную ориентацию вместо западной, но не существует никакого способа передать этот выбор. Нет никакого механизма, который бы его обеспечил. И если вы сейчас повторяете, что выбор сделал для вас Александр Невский, то это вы сейчас выбрали. Вот вы сию минуту выбрали.

Нет никаких заповедей, нет никаких генетически не предрасположенных к демократии народов. Этот разговор мог бы иметь, хотя и провокационный, но какой-то смысл, если бы у нас перед глазами не было двух Корей. Разве корейцы южные и корейцы северные — генетически разные? Нет, конечно! Просто у одних были Кимы, а у других не Кимы, и нации по-разному воспитались. 40 лет существовала ГДР, и мы до сих пор видим на электоральных картах различия в этих предпочтениях Восточной и Западной Германии. До сих пор это существенно.

Нет никакого гена: люди формируются обстоятельствами, люди формируются культурой, люди формируются собственными взбалмошными идеями, больше никак.

Правопорядок не является монополией*

Я буду придерживаться простого плана: краткое введение, базовое обсуждение взаимосвязи между мировым порядком и международным правом, более подробное обсуждение того, какое место занимает и какую роль играет международное право в современной геополитике и, наконец, как поддерживать международное право в наши дни.

Я считаю, что вопрос, может ли глобальный порядок основываться на международном праве, является очень актуальным, ведь если посмотреть на текущую ситуацию, можно увидеть, что международное право сталкивается с множеством вызовов. Некоторые из них возникают из-за появления новых проблем, таких как климат, кибербезопасность, цифровые технологии, будущие поколения и искусственный интеллект, которые становятся все более актуальными в международном праве. Но еще важнее то, что эти проблемы и вызовы возникают также из-за изменения поведения государств в вопросах торговли, беженцев, пограничных споров, конфликтов и т.д. И дело не только в том, что государства ведут себя плохо, но и в том, что некоторые из самых фундаментальных правил, установленных в 1945 году, сейчас постоянно нарушаются. Мы имеем дело с массовыми нарушениями международного гуманитарного права — есть абсолютно очевидные случаи, многократно повторяющиеся случаи использования запрещенного химического оружия и распространения ядерного оружия, в том числе странами, подписавшими договор о нераспространении. Происходят нападения на суверенные государства. А единственный орган, который должен заниматься фундаментальными нарушениями международного права, Совет Безопасности ООН, находится в тупике, что явно не помогает.

Мануэль Лафон
Раннуй, посол
Франции в Латвии

* Выступление на семинаре Школы в Риге 22 апреля 2025 г.

Другой способ посмотреть на текущую ситуацию, другой взгляд на этот вопрос заключается в том, что у нас также есть проблемы, спровоцированные рядом игроков на международной арене; проблемы, связанные с претензиями других держав на соблюдение международного правопорядка.

Правопорядок не является монополией кого-либо, и мы на самом деле боремся за толкование и отстаивание международного права. Таким образом, мы сталкиваемся с инструментализацией права, которую

*Мы находимся
в переходном периоде
на пути к другому
направлению развития
международного права*

иногда называют «правовой войной». Мы используем право, используем судебные дела. Это происходит и в национальном контексте, и в международном. Множатся обвинения в двойных стандартах: вы не можете утверждать, что право на вашей стороне, потому что в другой ситуации вы действуете

не в соответствии с законом. Мы сталкиваемся с увеличением, а не с уменьшением числа жалоб, подаваемых в международные суды. В некоторых учреждениях, таких как Совет по правам человека Организации Объединенных Наций, раньше существовало меньшинство государств-единомышленников, авторитарных режимов, которые защищали себя, но теперь они являются альтернативным большинством, поэтому пытаются не только защищать свои интересы, но и продвигать иную интерпретацию международного права в области прав человека или даже иное международное право в области прав человека.

Мы сталкиваемся с проблемами, которых раньше не существовало, например, при выборах судей. С 1945 года все постоянные члены Совета Безопасности ООН имели постоянного судью в Международном суде. Так было всегда. Это не правило, это такая была практика. В 2017 году Великобритания впервые проиграла эти выборы, уступив индийскому кандидату, что, очевидно, усугубило ее разочарование в тот момент. А в 2023 году выборы проиграл российский судья. Эти вызовы соблюдению верховенства закона, возможно, являются данью, которую пороки должны платить добродетели, т.е. полностью игнорировать международное право сложнее, чем пытаться манипулировать им в своих интересах.

Третья точка зрения: текущий момент очень хорошо определяется, если принять идею о том, что мы переходим от одного глобального порядка к другому. Когда закончилась холодная война, мы наблюдали появление нового порядка. Вопрос, конечно, действительно ли он появился, но идея заключалась в том, что этот порядок будет не только в большей степени основан на международном праве, но и будет больше законов. Будет прогресс как в плане установления норм, так и в плане механизмов их обеспечения. Но этот прогресс застопорился, и сейчас мы, вероятно, находимся в другом переходном периоде на пути к другому порядку и, следовательно, к другому направлению развития международного права.

Бэнкси. Инсталляция. 2024

Итак, если посмотреть на общие взаимоотношения между мировым порядком и международным правом, то все очень просто. Традиционная точка зрения считает, что мировая политика основана на реальной политике — на насилии, силе, власти, и все. Таким образом, традиционное представление о международных отношениях — это область для жесткой, реальной политики. Конкуренция и вопросы безопасности — ключевые движущие силы. Следствием этого является классическое, так называемое реалистическое видение, согласно которому международное право лишь иллюзия или прикрытие для политики силы.

Вопрос в том, действительно ли это всего лишь прикрытие для силовой политики? Во-первых, очевидно, что наличие нарушений закона не означает, что закона не существует. Такая же ситуация и в национальных системах. Есть закон, и есть его нарушения. Но что еще важнее, как я уже упомянул вначале, государства демонстрируют поведение, при котором они отдают дань добродетели. Им нужно создать видимость того, что они действуют в соответствии с законом. В последнее время многие страны выходят из договорных соглашений. Что поразительно — они делают это очень формально и законно, в соответствии с положениями самих договоров. Они подписывают письмо в ООН. Они говорят, что оно вступит в силу через *икс* месяцев и так далее. Таким образом, в некоторых смыслах закон должен иметь значение.

Еще одна причина, по которой интересно изучать международное право, заключается в том, что речь идет не только о конкуренции или

международном праве. На самом деле конкуренция использует в своих интересах правовой аспект. Традиционно великие державы стремятся избавиться от всего, что они считают правовыми ограничениями для себя, и любят налагать правовые ограничения на других. Так было в случае с США, когда они находились на пике своей мощи, в так называемый однополярный момент. Они поддерживали Международный уголовный суд, но не хотели быть частью его Устава. Они поддерживали Договор о

*Даже реальная политика
в конечном счете нуждается
в чувстве порядка*

запрещении наземных мин, но не хотели быть стороной этого договора. И если посмотреть на то, что делает сейчас Китай, то он поступает точно так же. Он считает, что наличие кли-

матических договоров — это очень хорошо, и налагает обязательства на крупные промышленно развитые страны, но не на себя. Потому что Китай — развивающаяся страна и у него нет такой же истории. У всех есть свои аргументы, почему обязанности должны быть дифференцированы.

Таким образом, конкуренция — это также конкуренция за влияние на правовые системы, а не просто конкуренция, игнорирующая правовой аспект. И даже реальная политика в конечном счете нуждается в чувстве порядка. Дело не только в том, что закон — часть конкуренции. Если вы являетесь великой державой, то наименее затратный (не только с точки зрения денежных затрат, но и во всех отношениях) и наиболее эффективный способ навязать свое видение, уважение к существующему балансу сил — это наличие определенных правил. Потому что порядок, правила, которые сопровождают порядок и обеспечивают некоторую предсказуемость и регулярность, способствуют предотвращению эскалации, когда возникает проблема или происходит несчастный случай, и способствуют координации, когда это необходимо. Очень редко бывает, чтобы великая держава заявила: «Мне не важен никакой порядок». Она хочет продвигать порядок, а для этого ей нужны определенные правила. По сути, она стремится к легитимности как для себя, так и для своих правил. И поэтому — по крайней мере, в элементарном аспекте взаимодействия государств — нужны некоторые правила. Вопрос следующий: что является элементарным аспектом сосуществования государств и можем ли мы стремиться к чему-то большему, чем просто элементарные элементы взаимодействия государств?

Что происходит сейчас? Вот четыре пути. Они совершенно не равны по своей важности. Первая тенденция — это то, что я только что озвучил: идея перехода. Является ли происходящее просто изменением правил? Мы переходим от одного набора правил, который по большей части был установлен в 1945 году или в конце холодной войны, к другому набору правил? Существует нарратив, особенно со стороны России и Китая, что нынешние правила играют на руку США, и они действительно играют на руку США, потому что были разработаны в США, и, мол, поэтому

нужно их изменить. Это немного эгоистичный аргумент, так как, например, одним из важных элементов набора правил, который Россия критикует в последнее время, являются так называемые Хельсинкские принципы 1975 года, которые Россия очень четко согласовала с США и европейскими странами. Китаю не нравятся меры по укреплению доверия, потому что он считает, что это гораздо больше отвечает интересам США, чем его собственным. Ему не нравится разоружение, потому что сначала, мол, нужно развить свой арсенал, а потом уже можно говорить о разоружении. Ему не нравятся правила об облегчении долгового бремени. Хорошо, когда другие следуют этим правилам, но Китай говорит, что он развивающаяся страна, имеющая очень специфический подход к помощи в целях развития, и поэтому он не должен быть связан правилами об облегчении долгового бремени и так далее и так далее. Поразительно, что когда другие державы оспаривают этот набор правил, начинает расти критика этих же правил, в том числе в Соединенных Штатах. Торговля — лучший тому пример. Нынешняя администрация критикует торговую систему, которая, по моему мнению, до избрания Трампа президентом в первый раз считалась большинством стран мира очень выгодной для США.

Идея второй тенденции касается поведения государств. Дело в том, что мы вернулись к политике силы. Мы подчиняемся конкуренции великих держав. Мы имеем дело не только с вопиющими нарушениями основных принципов международного права, но и с нарушениями со стороны великих держав. Но есть и подражание этому поведению со стороны средних и региональных держав. А раз мы вернулись к правилам силовой политики, международное право отходит на второй план. Один из аргументов в пользу этой тенденции состоит в том, что люди не только нарушают закон, но и выступают против договорных обязательств. Люди не только выходят, например, из Совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению ядерного разоружения Ирана, но и нападают на сам механизм и вводят санкции против тех, кто пытается применять эти соглашения. То же самое с Парижским соглашением по торговле. Есть также нападки на организации. Очевидно, что Россия сейчас имеет рекордное количество вето за последние 15 лет. Она явный лидер по количеству вето в Совете Безопасности ООН. И Россия не особо заботится о том, чтобы предложить альтернативу. Она не говорит: «Мы считаем, что вместо этого нужно сделать вот так». Она просто говорит: «Нет, нас устраивает, что Совет Безопасности ООН зашел в тупик по этому вопросу, по тому вопросу и по тому вопросу». Агентство ООН по оказанию помощи и организации работ, которое занимается палестинскими беженцами, также подвергается целенаправленным нападкам, хотя его роль заключается в обеспечении выполнения обязательств сторонами, а также в защите прав палестинских беженцев. Происходят также нападки на международные суды, на орган по урегулированию

споров Всемирной торговой организации, на международные уголовные суды. Возможно, даже на Международный суд, на Трибунал по морскому праву и так далее.

Третья тенденция — это идея ценностей и идентичности. Дело не только в том, что правила отступают, но и в том, что происходит фрагментация набора правил. С почти 200 странами в ООН становится все сложнее вести переговоры по глобальным договорам, крупным международным правовым соглашениям. Последний раз успешные торговые

*Мы вернулись к политике
силы. Мы подчиняемся
конкуренции великих
держав*

переговоры проводились еще до создания Всемирной торговой организации. Последним крупным многосторонним глобальным соглашением по торговле стал Договор о создании Всемирной торговой организации в 1994 году. То есть

более 30 лет назад. Если посмотреть на ситуацию с правами человека, то становится очевидной и эта фрагментация. Опять же, мы видим, как Москва, а также Пекин очень четко критикуют так называемый западный или американский правопорядок, основанный на правилах, что, по сути, является не просто нападками на сами правила, а, скорее, нападением на универсализм: возможно, нам нужен другой набор правил в зависимости от того, какой регион мы рассматриваем.

И четвертая тенденция, которая, к сожалению, не самая динамичная в настоящее время, — это глобальные общие ресурсы. Существуют вещи, которые должны были бы навязать нам больше правил, показать нам, почему нам нужны правила. Так, одной из причин активного формирования международного права в XIX веке было фактически развитие международных и транснациональных обменов и деятельности. То есть международное право было необходимо для связи, почтовой, телеграфной, для транспортировки морской и по рекам. А также в области интеллектуальной собственности, в области общественной гигиены и во всех аспектах, связанных с торговлей. Существует очень прочная правовая и нормативная инфраструктура для международных обменов, которая помогла глобализации принять ту форму, которую она имеет сейчас, и она останется, какой бы ни была форма глобализации. Если разрушить глобализацию, то, возможно, нам не понадобятся эти правила, нормы и стандарты, но если она просто изменит форму, нам потребуются какие-то правила такого рода. Речь идет не только о так называемом техническом вопросе, но и о гораздо более серьезном вопросе безопасности, потому что глобальные общие ресурсы — это не только климат, торговля и здравоохранение, но также безопасность и мир. Был момент, когда идея стратегической стабильности стала важна. И у США, и у СССР было по атомной бомбе, и во время Карибского кризиса эти страны оказались очень близки к глубокому, сложному кризису и поняли, что стабильность — это хорошо. И был разработан целый набор

механизмов, а также правил по распространению, разоружению, контролю над вооружениями, мерам укрепления доверия. В целом речь идет не только о глобальных общественных благах, таких как климат и здоровье, но и об интересах стабильности. То же самое касается финансовой стабильности, поэтому и существует МВФ. То же самое касается глобального здравоохранения, поэтому и существует Всемирная организация здравоохранения.

Что же мы можем сделать, учитывая текущую ситуацию? Первое, что нужно понимать, занимаясь внешней политикой, — нужно взаимодействовать с миром, который есть, а не с миром, который вы хотели бы иметь, поэтому нужно быть готовым к конкуренции. Но готовность к конкуренции не означает, что надо отказаться от сотрудничества. Существует тенденция к возвращению конкуренции между великими державами, но, как я уже объяснял, сотрудничество по-прежнему необходимо. Очень трудно поддерживать международные отношения, если дипломатия или внешняя политика основаны только на сделках. Сделки превращаются в отношения, если к ним добавляется что-то еще, если на их основе построено что-то еще. Необходимо партнерство. Если вы разрушите его, то, очевидно, разрушите вместе с ним многое другое. Даже во время холодной войны было сотрудничество, например, в борьбе с оспой или, как я уже сказал, в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия. И это существовало в гораздо менее взаимозависимом мире, чем тот, в котором мы живем сейчас. Усиление многосторонности является следствием этого. Часть проблемы сейчас заключается в том, как создать определенную степень доверия, как придать определенную надежность этим многосторонним институтам. В некоторых случаях есть полномочия покинуть эти институты. В других случаях есть полномочия (иногда те же самые), чтобы блокировать их. Я упомянул право вето в Совете Безопасности ООН. Поразительно, что, несмотря на эту динамику, почти все другие страны хотят остаться в этих институтах. И есть причина, по которой они хотят там остаться. У них есть заинтересованность в этих институтах, это важно для них. Поэтому нужно избегать вакуума, оставаться там, реформировать эти институты и делать их актуальными. Занимать те места, где формируется, обсуждается, интерпретируется, а иногда и инструментализируется международное право. Сохранять высокие законодательные амбиции.

Как я уже сказал, устанавливать нормы очень сложно. Сейчас над этими вопросами работает ряд людей, которые говорят: «Мы больше не будем заключать никаких соглашений. Мы просто постараемся защитить и отстоять то, что у нас есть сейчас, и этого вполне достаточно». Да, сейчас сложнее, чем раньше, принимать законы, разрабатывать соглашения

*Глобальные общие ресурсы –
это не только климат,
торговля и здравоохранение,
но также безопасность и мир*

и тем более их утверждать, но это не невозможно даже в случае очень сложных и политически чувствительных тем. В 2021 году в ОЭСР и странах G20 было достигнуто соглашение о минимальном налогообложении крупных транснациональных предприятий. Теперь посмотрим, как это будет развиваться с нынешней администрацией США. В 2023 году был подписан договор, касающийся в основном морского биоразнообразия в открытом море и районах за пределами национальной юрисдикции.

*Нужно
взаимодействовать
с миром, который есть,
а не с миром, который
вы хотели бы иметь*

Франция работает над тем, чтобы этот договор вступил в силу в июне следующего года, потому что в июне во Франции состоится большая конференция ООН по океанам. В прошлом году была принята Конвенция против киберпреступности. А недавно у нас появился проект соглашения по подготовке и

реагированию на пандемии, который будет представлен на рассмотрение Всемирной ассамблеи здравоохранения. Из 194 государств-членов только три не поддержали проект соглашения.

И последний пункт: нам необходимо поддерживать и укреплять международные суды, даже когда мы не согласны с некоторыми их решениями. Иногда нам необходимо их реформировать. Это явно относится к органу по урегулированию споров Всемирной торговой организации. Но речь идет не только о суде. Речь идет также об ответственности государств. Меня очень впечатляет, как государства голосуют в Генеральной Ассамблее ООН по некоторым из самых спорных вопросов дня, будь то Украина, Ближний Восток или любая другая тема, которую только можно представить, ведь в наши дни хватает спорных международных тем. И что они конкретно делают в области международной политики. Можно ввести санкции, можно выделить финансовую помощь для поддержки климатических преобразований, для оказания гуманитарной помощи. Можно помочь в документировании военных преступлений, как это было недавно в Сирии, и сейчас очень полезно, что мы это сделали. Сегодня мы документируем военные преступления в Украине.

В качестве выводов перед началом дискуссии я упомянул минимальные и максимальные правила. К чему нам стремиться? Минимумом является сосуществование общества суверенных государств. Максимумом, вероятно, то, что люди представляли себе после холодной войны. Считаю ли мы, что вернулись к минимальному или можем стремиться к чему-то большему? Вероятно, мы можем сделать даже больше, мы можем сделать лучше, но ценой того, что не все будут участвовать в этом процессе. Та ли это плата, которую мы должны принять?

Второй момент — это непрерывность внутренних и международных нападок на верховенство права. На международном уровне ревизионистские государства нападают на международное право и верховенство международного права, но на внутреннем уровне на верховенство права

Саад Элтиней (Saad Eltinay). Из серии «Живой и вечно растущий». 2022

нападают авторитарные режимы и нелиберальные демократии. И часто эти нападки распространяются на международное право. Россия хочет выйти из Европейского суда по правам человека. Также есть ряд европейских стран, которые не очень заинтересованы в подчинении Европейскому суду по правам человека. Я упомянул конфликт США с органом по урегулированию споров Всемирной торговой организации.

Третий момент касается релятивизма. Двойные стандарты — это классическая проблема, когда мы говорим о международном праве. Вчера обвинение в двойных стандартах было, по сути, способом призвать государства-члены жить в соответствии с теми стандартами, которые они провозглашали. Сегодня мы находимся в ситуации, когда это подрывает и делегитимизирует не только государства, но и сами стандарты: «Вы не должны судить меня по этому стандарту, потому что никто на самом деле его не соблюдает. Так что это не стандарт». Поэтому проблема не в двойных стандартах, проблема может быть в нулевых стандартах. И мой последний пункт касается специфики уставов Организации Объединенных Наций, потому что я считаю, что это амбициозное видение того, что означает «минимальный». Это универсально. Мы должны придерживаться идеи, что не должно быть разных правил в зависимости от того, где мы живем. Все должны быть частью ООН. Она основана не только на суверенитете, который является ключевым лозунгом популистов и

*Мы должны придерживаться
идеи, что не должно быть
разных правил в зависимости
от того, где мы живем*

авторитарных лидеров, но и на равенстве суверенных государств. Безопасность находится в центре внимания, потому что это главный вызов, с которым мы сейчас сталкиваемся, но этот принцип также учитывает и другие аспекты: гуманитарные, права человека, экономическое развитие. Она уделяет много внимания международному праву и ставит страны, государства-члены, в центр системы, но добавляет уровень коллективного и независимого или по крайней мере автономного механизма, который может помочь укрепить доверие. Не только доверие к государствам, но и доверие к системе, к нормам и к их выполнению.

Дискуссия: вопросы и ответы

Айдар: Спасибо большое, господин посол. Вопрос про вероятные реформации международных институтов, функционал которых — это защита, в том числе международного права. И вот в сегодняшних условиях, когда сильные государства, в том числе в военном плане, нарушают эти самые международные законы, — что с этим делать? Как будто бы существующие сегодня институты типа Организации Объединенных Наций не справляются с этой задачей. Может быть, система нуждается в какой-то глобальной реформации?

Анжелина: Здравствуйте. Я студентка Европейского гуманитарного университета. Вы несколько раз упомянули Россию и Китай, но мы также видим, что после того, как Трамп вновь стал президентом, США вышли из нескольких организаций, таких как Всемирная торговая организация, Парижское соглашение по климату, Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата и так далее. У меня вопрос о том, как это вписывается в динамику изменения мирового порядка и верховенства права.

Диана: Я представляю Школу транснационального управления, Европейский университетский институт. Я хотела бы задать вопрос о том, как вы оцениваете роль негосударственных субъектов, включая организации гражданского общества, научные круги, корпорации и многие другие, в условиях растущей поляризации и неспособности национальных государств выполнять свои основные функции и достигать поставленных целей.

М. Л. Рапнуй: Отличные вопросы, спасибо. Что касается реформы международных институтов, хотел бы я иметь простой ответ. К сожалению, у меня его нет. Я не юрист и не профессор права. Я прежде всего дипломат. Я считаю, что речь идет не только о правовой или институциональной реформе. Есть ряд реформ, которые можно было бы рассмотреть, но в значительной степени речь идет о том, что мы делаем с этими инструментами в политическом плане, а для этого часто требуется время. Я всегда привожу в пример Международный уголовный трибунал по

бывшей Югославии и Руанде, которые были созданы в 1993 и 1994 годах соответственно, в основном потому, что государства и, в частности, Совет Безопасности ООН в то время не очень хорошо знали, как решать эти проблемы. И тогда мы подумали, что теперь, когда у нас есть решение, мы будем действовать политически, отправим миротворцев, проведем переговоры и так далее. Но затем эти трибуналы приобрели собственную динамику и начали говорить: «Послушайте, вы чему-то научились, теперь вам придется с этим жить». И это заняло время, но Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии был вновь активирован для Косово. В то время люди думали, что это помешает миру. Это не помешало миру в 1995-м, не помешало миру в 1999-м. И не только не помешало миру, но в конце концов позволило преследовать преступников. Некоторые из них умерли, не дождав- шись суда и приговора. Но, по крайней мере, дело сдвинулось с мертвой точки. Я думаю, что ключ к решению проблемы заключается в обеспечении соблюдения закона. Это ключевая проблема международного права в наши дни.

*Обеспечение соблюдения
закона – ключевая проблема
международного права
в наши дни*

Что касается выхода США, то это будет глобальное изменение, изменение порядка, если другие государства последуют их примеру или если это останется постоянной политикой США. Что меня поражает, так это то, что в прошлом это было обычным явлением: когда США выходили из какой-либо организации ООН, сначала вместе с ними уходили несколько государств, потом еще несколько, а потом еще несколько. На этот раз подобного не происходит. И эта администрация выходит из Парижского соглашения по климату после того, как Байден вернулся, после того, как предыдущая администрация пришла к власти, и так далее. Поэтому есть идея преемственности. Сейчас мяч находится больше на стороне США: насколько эта политика заслуживает доверия, чтобы действительно стать чем-то более глубоким? Пока мы не знаем, что будет после этой администрации; мы видим ряд штатов, которые убеждены, что им лучше остаться в поезде и, прежде чем выпрыгнуть из него, посмотреть, вернутся ли США в поезд.

Что касается роли гражданских организаций, мне очень нравится ваш вопрос. Я был вынужден его опустить, потому что доклад и так слишком длинный. Это одна из тех вещей, которые действительно изменились в последнее время. Существует ряд вопросов, которые будут решены с правовой точки зрения гораздо лучше, если это будет сделано на уровне гражданского общества. Не все может быть решено в соответствии с международным правом, иногда более эффективно действовать на уровне гражданского общества. Администрация Трампа вышла из Парижского соглашения по климату во время его первого президентства, но одновременно США добились наибольшего прогресса в осуществлении

Парижского соглашения. Это кажется странным, если не принимать во внимание, что местные правительства, международные компании, ученые, фонды, НПО — все они, независимо от позиции президента, считают правильным двигаться в сторону перехода к более зеленой экономике с меньшими выбросами углекислого газа. Это в их собственных экономических интересах. И если это сделают другие, то нам стоит остаться

*Иногда более эффективно
действовать на уровне
гражданского общества*

конкурентоспособными и инвестировать в это. Таким образом, они сделали это, вероятно, несколько иначе, чем сделали бы, если бы остались в Парижском соглашении. Эти международные нормы

сыграли свою роль в трансформации экономики США, даже несмотря на то, что США больше не были их частью.

Я упомянул кибернетический, цифровой, искусственный интеллект. Как нам реализовать международное гуманитарное право в киберпространстве? Это серьезная тема для обсуждения. Что сделала Франция, так это привлекла ряд заинтересованных сторон (и не только компании, которые отвечают за различные аспекты киберпространства) и сказала им: есть вещи, которые вы должны делать сами, на своем уровне. Это называется Парижским призывом к доверию и безопасности в киберпространстве. Это было очень эффективно, намного эффективнее, чем переговоры ООН.

Модератор: Говоря о роли гражданского общества, я не могу не упомянуть кампанию We The Peoples, которую мы как Школа поддерживали. Эта кампания о важности гражданского общества была запущена «Демократией без границ». Господин посол сказал фундаментальную вещь: в международной системе отношений не должно быть вакуума. ООН перегружена и нуждается в реформах, но ее невозможно отменить. Нужно пытаться реформировать ее до последнего, и эта инициатива как раз призывает гражданское общество к большему участию в международных отношениях и в тех решениях, в которых до сегодняшнего дня участвовали только государства.

Женя, Россия: Спасибо большое, господин посол. Скажу от лица всех журналистов, которые здесь сейчас присутствуют: мы бы с удовольствием приехали на журналистский форум во Францию, были бы рады приглашению. Я журналист из России, у меня такой вопрос: мы много говорим о переменных тенденциях, об автократиях, и меня многие годы волнует одна статья уважаемой в 2007 году газеты «Коммерсант» — описание закрытого заседания Совета Россия — НАТО, на котором выступал некий Владимир Путин, президент России, который сообщил, что Москва воспринимает приближение НАТО как реальную угрозу... Он рассуждал о Грузии и говорил, что если НАТО предоставит план действий по членству в НАТО Грузии, то Россия признает Абхазию и

Южную Осетию, опираясь на «косовский прецедент». Когда же речь зашла об Украине, Путин вспыхнул и, обращаясь к Бушу, сказал: «Ты же понимаешь, Джордж, что Украина — это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территории — это Восточная Европа, а часть подарена нами». И тут же прозрачно намекнул, что если Украину все же примут в НАТО, то это государство просто прекратит свое существование. Это было за год до событий в Грузии, за семь лет до событий в Крыму и за 15 лет до начала полномасштабной войны в Украине. О каких тенденциях мы говорим? Я просто не понимаю, как за столько лет — за 15 лет до начала большой войны — международное сообщество никак не защитило Украину, никак не поспособствовало защите и безопасности Грузии. Почему мы сейчас сидим, ахаем и охаем, что в 2022 году началась эта война?

*Международное сообщество
не защитило Украину,
не поспособствовало защите
и безопасности Грузии*

Сара Малконян, Армения: Я бы хотела, чтобы вы подробнее рассказали о перспективах стратегической автономии ЕС.

Участник: Спасибо большое, господин посол, за замечательное выступление. Когда я был в России, я изучал процедуры предоставления убежища и восприятие политического преследования государствами — членами Дублинской конвенции. И я вижу, что между национальной безопасностью и демократией существует большое противоречие. Некоторые государства в Европейском союзе понимают этот вопрос немного иначе. Я также считаю, что они уже давно не сталкивались с таким гуманитарным кризисом. У нас есть беженцы из Украины, у нас есть беженцы из России, у нас есть беженцы из многих стран. И я вижу, как эти решения принимаются, они разные, нет гармонизации закона в отношении обработки заявлений о предоставлении убежища, восприятия политического преследования, нет никаких конкретных руководящих принципов. Государства понимают это все по-разному. И вы говорили о том, что существует фрагментация ценностей и законов. Не думаете ли вы, что в Европейском союзе и, скажем, среди наших демократических государств также существует такая фрагментация закона? Как вы полагаете, будет ли это меняться и как это можно привести к какой-то гармонии?

М. Л. Рапнуй: По поводу журналистской программы — она упоминается уже во второй раз — мы обсудим это с коллегами. Эти программы были остановлены, не только эта конкретная программа, все такие программы в этом конкретном контексте, но мы понимаем, что это была хорошая идея, и думаем, чем их можно заменить.

Теперь по поводу того, почему все удивились. Во-первых, я не уверен, что все удивились. Не были готовы, возможно, так было бы корректнее, но я не думаю, что удивились. Во-вторых, мне кажется, что какое-то

количество людей в России, в Москве, также были удивлены. Факты, направление, возможно, были не так уж удивительны, а вот ускоренное развитие некоторых акторов явно удивило. И причина, по которой это так удивительно, заключается в том, что это абсолютно саморазрушительно. Те аргументы, которые вы привели из интервью Путина, стали, по сути, последствиями войны, а не ее причиной. К сожалению, я посвятил достаточно времени дипломатии, чтобы знать, что одна из самых больших проблем — это неспособность правильно интерпретировать поведение другого. Это просто туман международных отношений, как Клаузевиц говорил о тумане войны. Сейчас есть ряд людей, которые смотрят на то, что говорит Макрон, совсем не так, как они смотрели на это несколько лет назад. Некоторые люди, кажется, примиряются с тем, что они думали о Трампе раньше, и с тем, что они видят сейчас. Так происходит история. Мне кажется, я мог бы дать вам философский ответ, но вы все равно были бы раздосадованы этим чувством удивления. К сожалению, я боюсь, что это реальность, с которой нам приходится иметь дело, когда мы разрабатываем политику.

Что касается стратегической автономии, я могу объяснить все очень просто: стратегическая автономия, по сути, означает, что вы не хотите быть зависимыми от других в контексте некоторых вещей, которые являются стратегически важными для вашего существования. То есть в случае с обороной, в случае с экономикой, в случае некоторых базовых аспектов, которые делают вас менее уязвимыми или более устойчивыми к кризису. Когда Франция начала говорить о стратегической автономии, все думали, что это обычная антиамериканская французская риторика, мы видели это раньше и так далее. Затем возникла проблема доминирования 5G и Huawei в этом секторе. И люди подумали, что, может быть, это хорошо — не слишком зависеть от такого игрока, как Huawei в 5G, потому что 5G — это коммуникационная сеть. Это стратегически важно. Мы уверены, что хотим зависеть от Huawei? Затем появился COVID, и люди поняли, что быть зависимыми, например, от лекарств в плане цепочки формирования стоимости или даже от некоторых очень простых вещей, таких как маски, может быть проблемой. Потом началась полномасштабная война в Украине, и люди начали рассматривать этот вопрос с точки зрения энергетики и зависимости от энергии.

Что действительно изменилось за последние несколько лет, так это консенсус вокруг данной идеи. Теперь не все будут использовать стратегическую автономию. Люди в некоторых странах, в том числе и во Франции, используют разные выражения. Президент говорит о стратегической автономии, но также и о европейском суверенитете. Иногда он озвучивает более детальные предложения о том, как избавиться от зависимости, уязвимости и так далее. Но консенсус вокруг этого направления действительно укрепился. Сейчас существует консенсус не только в отношении того, что многие государства-члены присоединились к

Дэвид Сеймур (David Seymour). Антивоенное шествие, Сент-Клауд. 1936

движению, но и в том, что комиссия в Брюсселе внесла предложения по энергетике, обороне, искусственному интеллекту, стратегическим отраслям промышленности и так далее. Многие еще предстоит сделать, и это то, о чем прямо сейчас говорят европейцы. Например, по вопросу обороны, как мы можем потратить больше и как мы можем иначе использовать деньги, которые мы собираемся потратить, в том числе для уменьшения нашей зависимости от вопросов обороны.

Что касается фрагментации в ЕС. ЕС был фрагментирован и до того, как начал это рассматривать. Так что тот факт, что сейчас ЕС это рассматривает, не решит по волшебству все вопросы с фрагментацией. Но весь смысл в том, чтобы ЕС рассматривал эти вопросы и делал это с какими-то правовыми

и не только правовыми текстами. Нужно иметь не просто единый текст, но и единое толкование. Иметь общее агентство по внешней границе — Frontex. Единый суд — Суд Европейского союза, который будет толковать текст и его смысл. Проводить политические дискуссии о том, как мы справляемся с тем фактом, что на самом деле существует большой консенсус. Есть несколько государств-членов, и их действительно немного, тех государств, которые все еще не согласны. Но мы движемся вперед. Чем больше вы углубляетесь в детали, тем больше обнаруживаете расхождений и вариаций толкования, которые фактически

*Нужно иметь общее
агентство по внешней
границе и единый суд,
который будет толковать
текст и его смысл*

существуют также и на внутреннем уровне. Реальность такова, что если вы во Франции пойдете в суд в Марселе или в Лилле, вы получите разные решения. Если вы идете на апелляцию, то будет работать правовая система. Это сложно, и на уровне ЕС это займет больше времени, но я думаю, что именно этим и занимается ЕС. Это предотвращает фрагментацию. И наоборот, кризис 2015 года показал очень фрагментированную реакцию. И с тех пор идея заключалась в том, что нам нужно изучать вещи, которые мы не изучали раньше, потому что мы не можем смириться с этой фрагментацией.

Леван, Грузия: Прошло 100 дней с тех пор, как была незаконно заключена в тюрьму грузинская журналистка Мзия Амаглобели. В моей стране, Грузии, Мзия голодала 40 дней в знак протеста. Она стала символом свободы СМИ в нашем регионе в условиях растущего подавления независимых СМИ. Я хотел, чтобы вы знали об этом. Грузия в данный момент впадает в партийную диктатуру, и у грузинского народа заканчивается время. Мой вопрос: как Франция, будучи страной с прочной демократической традицией, может поддержать независимых журналистов и политических заключенных в Восточной Европе, особенно в странах, где свобода СМИ находится под угрозой? Потому что в Грузии независимые СМИ сейчас на грани вымирания. Мы видим, что Франция с нами, и мы глубоко благодарны. Но олигарх Иванишвили, который контролирует правящую партию, держит большую часть своего богатства во Франции. Не думаете ли вы, что Франция находится в уникальном положении и может сделать больше для Восточной Европы и Грузии? Мне интересен ваш дипломатический взгляд.

Анастасия: Вопрос для меня болезненный, но очень простой, касающийся Беларуси и белорусов. Какие инструменты международного публичного права мы можем применить к режиму Лукашенко, чтобы с ним бороться, чтобы выпустить политзаключенных? И подскажите, пожалуйста, как работает система, почему при выборе докладчика по Беларуси в ООН нам предоставляется возможность выбирать из тех, кто очень мало имеет отношения к Беларуси, кто в лучшем случае живет в стране-соседке, но, в принципе, в Беларуси не бывал, не видел ничего из того, что происходило на улицах и т.д.? В прошлом году выбирали спецдокладчика по Беларуси, и единственный кандидат, который более-менее был в курсе ситуации в стране, являлся представителем... России, а выбрали в итоге представителя Латвии. Как так, почему про белорусов не говорят белорусы? Ведь как там говорили: ничего о нас без нас?

Модератор: Я могу коротко сказать, что Нилс Муижниекс, который сейчас является спецдокладчиком по Беларуси, не худший вариант. И в этом смысле мы в равном положении, потому что спецдокладчиком по России является Мариана Кацарова из Болгарии. Мне кажется, нет такого правила, что человек должен обязательно быть из страны.

М. Л. Рапнуй: Хорошо, что вы ответили, потому что я не знаком детально с этой темой. Я не уверен, что правильно понял первую часть вашего вопроса.

Анастасия: Он был о политических заключенных с 2020 года. Тысячи людей в Беларуси считаются политическими заключенными. Ни один законный представитель, ни одна семья, никто не может контактировать с политическими заключенными или обычными... Назовем их обычными заключенными. По сути, белорусские власти запретили любые контакты с людьми, которые сейчас находятся в заключении. Какие у нас есть варианты воздействия с точки зрения международного права? Что мы можем сделать, чтобы как-то бороться за наших людей, которые заключены режимом? Может быть, санкции? Нам нужны какие-то правовые решения для таких случаев.

М. Л. Рапнуй: Отчасти причина, по которой ЕС вводит санкции против Беларуси, связана с положением как раз политических заключенных. Освобождением некоторых заключенных режим Лукашенко хочет добиться приостановления или отмены части санкций. И я думаю, что существует широкий консенсус на уровне ЕС, что этого совершенно недостаточно для изменения режима санкций. Что еще мы можем сделать, чтобы помочь? Я твердо верю, что санкции являются полезным инструментом. Я хорошо знаю, что это инструмент, который обеспечивает воздействие в долгосрочной перспективе, но это не универсальный инструмент, который может решить все. Я ранее говорил о том, что иногда приходится думать о том, чтобы найти решение вовремя. Это подводит меня к тому, что сказал наш грузинский коллега: у грузинского народа нет на это времени. Я цитирую вас: у них больше нет времени. Это проблема формирования политики — вы часто оказываетесь с набором вариантов, которые окажут влияние только через какое-то время. Тем временем положение в стране не просто остается плохим, но ухудшается. Это не абстрактная ситуация, но, как вы оба описали, это очень личные и индивидуальные решения. И международное право обеспечивает не только нормы, но и механизмы — специальных докладчиков, а также ряд других процессов, различный уровень действий. Не только ООН, но и Совет Европы и сам Европейский союз постараются убедиться в том, что эти случаи не будут забыты, не будут оставлены на обочине и будут актуальными для политиков, которые должны с этим разбираться. Еще одна вещь, которую мы делаем в поддержку независимой журналистики, — нужно не просто иметь политику общей поддержки для журналистики без каких-либо деталей, но также работать с организациями, которые занимаются отдельными случаями и конкретными ситуациями в странах. Важно сохранять хорошее

*Международное право
обеспечивает не только
нормы, но и механизмы —
специальных докладчиков*

разделение труда, например, с такими организациями, как «Репортеры без границ». Поддерживать тесный контакт, чтобы перейти к независимой журналистике и свободе средств массовой информации.

Думаю, есть две основные проблемы, с которыми мы столкнулись сейчас, и мы пытаемся понять, что мы можем сделать на правовом уровне для создания инструментов и механизмов, которые помогут. Первая: то, о чем вы говорили, — что происходит внутри страны, где больше репрессий, больше цензуры, меньше свободы, больше контроля над организацией СМИ и так далее. Как поддержать независимую журналистику, в том числе из-за границы. Это одна из вещей, которую Франция делает здесь, например, с журналистикой в изгнании как из Беларуси, так и из России. Мы также поддерживаем украинскую журналистику в изгнании, но очевидно, что это другой контекст. Тут речь идет не столько о независимости и свободе СМИ, сколько о военной ситуации в стране.

Но также есть ситуация с экономикой, и это поразительно, как сейчас цифровая платформа меняет работу по вопросу независимости журналистики. Не может быть много хорошей независимой журналистики, если информационное пространство заполнено глупыми постами о котиках, фальшивыми новостями и искаженными фактами. Влияние независимой журналистики совершенно иное. Поэтому мы пытаемся работать и с более традиционными аспектами того, как вы действуете, как вы укрепляете и строите пространство. Но также мы работаем и с тем фактом, что вы находитесь на принимающей стороне информационного пространства. Дело не только в том, что существуют независимые журналисты, — проблема в том, что они говорят в пустоту. Поэтому мы пробуем разные подходы к этому вопросу, чтобы появилось информационное пространство, в котором будет место для независимых голосов. И это одна из тех проблем, которые мы сейчас решаем в Париже.

Люди превыше всего*

Инна Березкина, модератор: Спасибо всем нашим коллегам и коллегам из Украины за то, что начиная с марта 2022 года мы встречаемся, мы все время на связи. И сам факт доверия, то, что мы можем встречаться, говорить и работать вместе, — это наша невероятная удача. За это мы всегда будем благодарны.

Я представляю коллег: Наталья Ящук — координатор работы с гражданскими заложниками; Михаил Савва — эксперт Центра гражданских свобод, являющегося нобелевским лауреатом; Лариса Пыльгун занимается проектами, нацеленными на помощь гражданским заложникам и военнопленным. Все они участвуют в работе по документации военных преступлений с первого дня войны.

Я хочу рассказать немного о проекте People First («Люди превыше всего»), в котором мне повезло работать с самого начала. Этот проект объединил на сегодняшний день более шестидесяти украинских, российских и международных правозащитных организаций и инициатив.

Это первая кампания, в которой украинские и российские организации выступают вместе. Кампания выдвигает требования немедленного и безусловного освобождения тысяч гражданских украинских заложников, которые находятся в России, тысяч украинских детей,

военнопленных и российских политзаключенных, которые осуждены за антивоенную позицию. Сейчас идут разговоры о том, что бы мы включили и белорусских политзаключенных, потому что эта кампания за международное право, которое должно измениться. В центре международного права должен стоять человек и права человека.

*В центре
международного права
должен стоять человек
и права человека*

Наталья Ящук: Я координирую направление преодоления последствий войны в Центре гражданских свобод уже четвертый год. До этого я занималась реинтеграцией детей Донбасса в Украину, работала на прифронтовой территории с детьми. Первое, что я начала делать во время полномасштабного вторжения, — это эвакуировать детей с прифронтовых территорий на Донбассе.

Мы решили показать вам небольшой ролик о людях, их больше двух тысяч. И все они должны быть освобождены без всяких обменов.

Этот ролик создавался, когда крымский татарин Нариман Джелал** был еще в местах заключения. И какова была наша радость, когда его

* Выступления на семинаре Школы в Риге 1 июня 2025 г.

** Нариман Энверович Джелал или Джелалов — украинский крымско-татарский политик, преподаватель, политолог и журналист. — Прим. ред.

освободили! Он как-то шел по Крещатику, спустился в переход — у нас есть такой творческий переход, где мы разместили плакаты из коллажей, — увидел их, остановился и сказал: «Оказывается, в Украине говорили обо мне и таким необычным способом». Мне захотелось показать вам эти плакаты, развешенные еще до его освобождения. Этот проект мы сделали с молодыми коллажистами, создавшими свой первый коллажный фестиваль в Украине, и теперь эти коллажи ездят по всему миру. Сейчас они в Брюсселе, а до этого были в Гааге. Вот так творчество соединилось с правозащитой. Так мы привлекаем внимание к нашей проблематике.

Из упомянутых в проекте сейчас на свободе только Нариман. Но мы надеемся, что Валентин Выговский тоже скоро будет освобожден. Ирина Данилович, крымская правозащитница и журналистка. Есть люди из Херсона, например, Ира Горобцова, которая во время полномасштабного вторжения помогала медикаментами врачам, собирала гуманитарную

*Мы не называем
это «обменом», потому
что люди не товар
и не деньги,
их нельзя менять*

помощь, за что была арестована и более двух лет удерживалась в состоянии инкоммуникадо на территории симферопольского СИЗО. Недавно, как мы говорим, «разморозили» ее дело, и сейчас предстоит суд.

Я также подготовила небольшую презентацию о том, что происходит сейчас на временно оккупированных территориях и на территории Российской Федерации, в местах несвободы, где содержатся наши гражданские люди, военнопленные и дети. Они находятся в мариупольском СИЗО вместе с женщинами. Их осудили и осуждают за то, что они не хотели и не хотят смириться с тем, что оккупировали Мариуполь, Донецк, Луганск. За то, что они пели не те песни, просто за непокорность. Я бы хотела рассказать, какой путь эти люди проходят. Среди них есть те, которых освободили, но их очень мало. И мы, кстати, не называем это «обменом», потому что люди не товар и не деньги, их нельзя менять.

Когда российские войска заходили на территорию, например, Киевской области, происходило все очень быстро. Гражданские люди не знали, как реагировать. Первое, что отключалось в населенных пунктах, — электричество, газ и вода. А людям нужно как-то выживать. Что они могли в этот момент сделать, как объединялись? Кто-то возил воду из колодца, кто-то смог достать из погреба продукты — они собирались вместе и выживали в тех условиях, за что и были наказаны.

Например, сосед Саввы был пленен только за то, что у него руки были в мазуте, он всю жизнь занимался ремонтом автомобилей. И когда его забирали, то обвинили в том, что он чинит технику для украинской армии. А у него просто такая профессия, и он остался в Буче, потому что у него там дети и семья. И такое происходило практически на каждой территории, куда заходил российский солдат.

Что делали мы, кроме того, что документировали? Старались найти наших людей. Потому что звонки и сообщения сыпались один за другим. Мы получали сотни звонков в день. И каждый раз узнавали новую историю о том, что забрали дочь, сына, мужа, и неизвестно, где они и что с ними. Мы пытались отслеживать, куда этих людей могли вывозить. Одним из таких пунктов была Наровля (Беларусь), куда свозили людей из Киевской области и уже оттуда распределяли в места лишения свободы на территории Российской Федерации.

В дальнейшем мы как правозащитники обратились в международные организации, которые обязаны защищать гражданское население. В частности, в Международный комитет Красного Креста (МККК). Что сделал этот комитет? Очень быстро создал Центральное агентство по розыску, туда 90% обращений поступало от граждан Украины о том, что пропали гражданские люди, дети, военные.

К сожалению (возможно, это норма для Российской Федерации), Россия создала фиктивное справочное бюро, куда Красный Крест мог отправить запрос: вот у нас есть сведения, что человека забрали прямо дома,

или на улице, или на работе и вывели. Где он сейчас? Ответа, как правило, не было. За более чем три года получили ответы только по 900 гражданским лицам, которые были помещены в места несвободы. А таких людей намного больше. Наши уполномоченные по без вести пропавшим говорят о том, что на сегодняшний день зафиксировано более шестидесяти тысяч таких случаев как с гражданскими, так и с военными. Международный комитет свои функции выполнять в таком формате явно не может.

Недавно впервые за время существования Центрального агентства по розыску МККК они опубликовали информационную справку, что было зафиксировано четыреста тысяч звонков и сообщений о том, что разыскивается тот или иной человек, пострадавший на территории Украины.

Более того, нам удалось за время нашей работы отследить более двухсот мест содержания военнопленных и гражданских лиц на территории Российской Федерации и на временно оккупированной территории. И из всего этого количества МККК не был допущен в 186 мест. Соответственно, на сегодняшний день невозможно идентифицировать, кто находится на территории того или иного учреждения.

Об этом говорит и сам Красный Крест. Хотя они рассказывают всем, что не принимают ничью сторону, а выполняют только свою задачу, но на данный момент они вынуждены признать, что их миссия на территории Российской Федерации невыполнима.

Следующее, что мы сделали, — обратились к международному гуманитарному праву и криминальному праву. То есть в Рабочую группу

*На данный момент Красный
Крест вынужден признать,
что его миссия на территории
Российской Федерации
невыполнима*

102 украинских музея и художественной галереи было повреждено во время войны, по данным организации ОБМІН

ООН по насильственным исчезновениям и в Совет Безопасности ООН. Были резолюции, была фиксация всех нарушений. Проводили огромное количество мероприятий на площадках ОБСЕ, ООН, Совета Безопасности ООН, в Совете Европы, в Европарламенте. За эти три года мы исколесили весь мир несколько раз. Мы часто говорим главе нашей организации Александре Матвийчук: «Саша, как ты выдержишь такой безумный график?» Она отвечает: «Я живу на характере».

Так вот, мы все сейчас «живем на характере», чтобы выдержать то, что происходит с правами человека в мире. Речь не только об Украине. Украина — это показатель. Международное гуманитарное право, которое на сегодняшний день существует, не работает либо работает очень плохо. Пример: наши обращения в Комитет против пыток и в Рабочую группу по насильственным исчезновениям. Они задохнулись от наших обращений и от наших дел, потому что не ожидали такого количества совершенных преступлений по отношению к человеку.

Что мы сделали в 2023 году? Есть инициатива, в рамках которой мы документируем военные преступления, она называется «Трибунал для Путина». Ее реализуют три самые большие правозащитные организации в Украине: Харьковская правозащитная группа, Украинский Хельсинкский союз по правам человека и Центр гражданских свобод, и еще более

50 таких организаций. В 2023 году на базе зафиксированных военных преступлений, согласно Конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, было подано обращение в Международный уголовный суд по поводу многочисленных случаев насильственного исчезновения именно гражданских лиц. Я думаю, коллеги тоже расскажут о том, как не работает наше международное гуманитарное право, о том, в каком состоянии люди возвращаются из мест несвободы. И вы поймете, почему мы часто говорим об Освенциме и о ГУЛАГе: потому что это повторилось, и это происходит на территории Российской Федерации сегодня.

Лариса Пыльгун: Я из Украины. Обычно я говорю, что из Киева, но на самом деле я живу между Бучей, Ворзелем, Гостомелем, и из окна своей квартиры мы с Михаилом в первый день войны наблюдали первый бой в Гостомельском аэропорту.

Я с 2015 года занимаюсь оценкой программ и проектов, направленных на помощь людям, пострадавшим от войны, и хочу обратить внимание на то, как предоставляется международная помощь Украине. Знаю, что во многих странах уже говорят, что «все Украине, много Украине, забыли о проблемах в других странах». Но, к сожалению, Украине помощь предоставляется, мягко говоря, неэффективно и нерезультативно.

*Украина без вашей помощи
в любом формате выжить
в условиях войны не может*

Прежде всего хочу сказать большое спасибо. Украина без вашей помощи в любом формате — без денег, без информационной поддержки, без моральной поддержки — выжить в условиях войны не может, к сожалению.

Война у нас длится с 2014 года. Полномасштабная война — с 2022 года. По состоянию на сегодня мы потеряли практически треть территории. А последняя цифра, которую озвучил наш президент, — 26% потерянных территорий. Около трети территории потеряно, огромная территория заминирована разными способами, не говоря уже о том, что очень много прилетает с неба. И когда мы сможем освободить землю от того, что взрывается, мы не знаем. Пока что нет никакого понимания, как это делать. Соответственно, мы теряем сельское хозяйство, потому что не можем сеять, не можем сажать. Очень много людей погибло, очень многие потеряли здоровье, очень много тех, у которых нет рук и ног. В маленьком селе под Киевом, где около 15 пятиэтажек, уже 16 погибших — это только в одном селе. Есть села, где нет мужчин вообще.

При этом с 2014 года Украина получает очень много международной помощи в разном формате. Это и деньги, и экспертиза, и обучение, и гуманитарная помощь. Если бы этой помощи не было, не знаю, что было бы с Украиной. Но, с другой стороны, мы вынуждены констатировать, что эта помощь распределяется очень неэффективно, потому что она

распределяется в соответствии с гуманитарными принципами, по которым работают международные и гуманитарные организации. А гуманитарные принципы в Украине, к сожалению, не работают вообще. Об этом говорят и люди, и эксперты, которые приезжают работать в Украину. Что такое гуманитарные принципы? Главный принцип — помощь не предоставляется тем, кто помогает армии. То есть помощь должна быть совсем нейтральной. Даже международные эксперты, которые привозят гуманитарную помощь в Украину, говорят о том, что этот принцип выполнить невозможно, потому что в Украине каждая бабушка помогает армии.

Когда в соответствии с этим принципом не оказывают помощь людям, потому что они помогают армии, когда не работают с общественными организациями, потому что они помогают армии, — это, мягко говоря, неправильно. Есть много хороших международных экспертов, которые закрывают глаза на многие вещи, нарушают принятые инструкции и правила, так как видят, что по-другому нельзя. Но есть и другие, которые приезжают и, не выходя из офиса, работают строго по инструкции. Их не интересует, кто с кем и за что воюет, и они совершенно не хотят слышать, что им говорят целевые аудитории. Как правило, в результате огромные деньги просто выбрасываются на ветер. В условиях войны, в условиях чрезвычайного риска все меняется очень быстро. Когда подаешь заявку на помощь, а она рассматривается полгода, то за эти полгода люди или уезжают, или погибают, не говоря уже об изменении ситуации на оккупированной территории. Такой инструмент, как мониторинг и оценка предоставляемой помощи, тоже работает неэффективно в условиях Украины. Я общаюсь с людьми, общаюсь с властью, провожу сотни интервью в рамках своего исследования, обобщаю результаты, пишу отчеты, пытаюсь объяснить центральному офису международной организации, где проблемы. И, к сожалению, часто слышу в ответ, что «все это очень интересно, но мы менять ничего не будем, потому что Украина — одна из десятков стран, где происходят конфликты, поэтому под вас мы подстраиваться не будем». В результате миллионы евро используются неэффективно.

Что значит «неэффективное использование»? У каждого человека есть какие-то особенности или потребности. Каждый нормальный организатор любого мероприятия узнает, кто не ест мясо, кому нужны особые условия для проживания, кто приедет с детьми или с животными. Когда в Украину привозят гуманитарную помощь, то всем не спрашивая раздают, например, муку и консервы. В детские дома привозят мешками муку и консервы, притом что детям нужны молоко и творожок. И привозят из-за границы, хотя наш бизнес просит: «Нам надо зарабатывать, мы здесь, мы хотим работать, нам надо куда-то девать свою продукцию, чтобы она не пропала, это скоропортящийся продукт — зерно, мука. Купите у нас и раздайте людям». Как результат, неизбежен конфликт между

бизнесом и международными гуманитарными организациями, между властью. Есть территории, куда власть не пускает международные организации, потому что они мешают местному бизнесу, так как раздают то, что потом некуда девать.

Есть неправительственные организации, которые готовы делать все так, как нам надо, реагировать адекватно на потребности людей, но, к сожалению, международные организации не хотят работать с НПО, им удобнее работать через власть. И они не смогли понять за время работы в Украине, что не власть там главная. В Украине главное — неправительственный сектор, люди. 80% всего, что нужно армии, делают люди. Неправительственные организации получили разрешение покупать оружие, потому что надо защищать свои города. Мы не просим у власти, мы делаем сами. Все, что делается в Украине, делается руками людей. К сожалению, международные организации этого ни видеть, ни слышать не хотят.

*Международные организации
не хотят работать с НПО,
им удобнее работать через власть*

И мы не просто говорим об этом на таких мероприятиях. Я, Михаил, наши коллеги — мы сделали большое исследование о самоорганизации украинского общества во время войны. Если кому-то интересно, оно есть на русском и английском языках в открытом доступе. Мы говорим, что и как мы можем, а нам отвечают: «Все это интересно, но мы ничего менять не будем».

Я обращаюсь ко всем: пожалуйста, говорите! Это деньги, и это налоги людей, которые распределяются неправильно.

Михаил Савва: Я эксперт Центра гражданских свобод, доктор политических наук, профессор, в прошлом российский правозащитник, политзаключенный, сейчас украинский правозащитник. И я выпускник Школы 1998 года.

Я хочу дополнить моих друзей и коллег и поговорить с вами в рамках темы «Справедливость для Украины как солидарность».

Но прежде расскажу, как Школа помогла нам. В 2022 году мы с Ларисой организовали волонтерский хаб в небольшом селе Киевской области. Мы жили не у себя: наш дом был в оккупации, мы отъехали на несколько километров, но из зоны боевых действий не уезжали. Потому что у нас было много работы: документирование военных преступлений, волонтерская работа. И вот я онлайн принимал участие в семинаре Школы в марте 2022 года и сказал о том, что у нас проблема: мы организовали фуры с едой из Европы, но они не могут проехать, стоят на западной границе Украины, нужны деньги на солярку. Сказал просто для того, чтобы охарактеризовать, что есть у нас и такие сложности. И после семинара мне написал один из участников, и фуры пошли. Солидарность принципиально важна. Не только для нас и не только сейчас, но особенно

для нас и особенно сейчас, потому что так получилось, что с режимом Путина фактически воюет пока только Украина.

Хочу рассказать о существующих возможностях включения в эту работу. Мотивация при этом может быть разной. Например, моя мотивация: я воюю с режимом Путина. Был такой забавный случай. В марте 2022-го мы с Ларисой приехали в Киев чтобы загрузить машину гуманитаркой с нашего склада и развезти ее по селам. А Киев был тогда почти пустой, и любая машина, которая появлялась на улицах, останавливалась полицией, проверяли документы. Молодой украинский полицей-

*Война в Украине вскрыла
огромное количество проблем,
и одна из них –
неэффективность
международных структур*

ский внимательно изучает мой экзотический документ — удостоверение беженца — и спрашивает: «А что вы в Украине-то делаете? У вас тут написано, что вы гражданин РФ». Он ко мне обращается по-русски, я ему отвечаю на украинском: «Я тут с режи-

мом Путина воюю». — «А давно?» — «С 2013 года». — «Так войны тогда еще не было». И я не выдержал: «Это у тебя не было!»

Мотивации могут быть разными, но я продолжу то, о чем сказала Лариса: о реформе работы и подходах международных гуманитарных организаций. Война в Украине вскрыла огромное количество проблем, и одна из них — неэффективность международных структур. Да, нужна реформа, нужна перезагрузка, начиная с Организации Объединенных Наций. Это работа по реформированию международного гуманитарного права. Не работают Женевские конвенции по многим причинам. Они были разработаны гениальными людьми, но очень давно. Их подписывали в 1949 году, когда не было, например, интернета. И поэтому сейчас российские власти глумятся: в Женевских конвенциях написано, что можно военнопленным общаться телеграммами — вот и общайтесь, а об электронной почте там ничего не сказано. Это один из примеров.

Слабость Женевских конвенций состоит еще и в том, что это очень мягкие конвенции первого поколения, там практически нет действенных санкционных механизмов. Это такие документы, которые написаны джентльменами для джентльменов, и если кто-то не хочет их выполнять, он не выполняет, как это делает сейчас режим Путина.

Что можно делать? Есть довольно много инструментов, которые можно использовать при желании. Есть острейшие проблемы, о которых мировое сообщество не знает или не может их принять, потому что это не может вписаться в сознание нормального европейца или североамериканца: ну такого не бывает, потому что это чудовищно! Нет, такое бывает. Например, Россия не применяла при задержаниях гражданских механизм интернирования, предусмотренный Женевскими конвенциями. Механизм интернирования предполагает, в том числе, возможность человеку обжаловать его задержание и высылку. Женевские конвенции

запрещают содержание и военнопленных, и гражданских в закрытых камерах. Я был на тюремном режиме, я знаю, что это такое. Это как минимум два вида голодания. Во-первых, сенсорное голодание, когда нет новых эмоций: вы не видите ничего нового месяцами, иногда годами, и это позволяет тюремщикам работать с психикой человека, ломая его. Со мной этого не случилось, но я был готов к такому.

И во-вторых, голодание кислородное. В камерах просто не хватает кислорода, снижается иммунитет, начинается туберкулез. Большое количество украинцев, которые возвращаются из плена, больны туберкулезом именно потому, что их в нарушение Женевских конвенций держали в закрытых камерах.

Нужно просто распространять информацию. Это принципиально важно. Следующая возможность — это участие в таком виде восстановления справедливости, как прекращение нарушений. Прекращение нарушений в нашем случае — это, например, возвращение домой людей, которых незаконно лишили свободы.

Последний так называемый обмен (мы действительно стараемся не произносить это слово), последнее взаимное освобождение тысячи на тысячу показало мошеннический характер российского режима. В Стамбуле договорились о том, что среди

освобожденных должны быть гражданские, не только военнопленные, по 120 человек с каждой стороны. Россия вернула 120 гражданских, но все 120 — бывшие заключенные. Или украинские заключенные, которые досиживали свой срок в России, потому что оказались на оккупированных территориях, или украинцы, которые годами жили в России, совершили там преступления и отсидели. Российская Федерация таких всегда после их освобождения депортирует — это норма, это правило. Она хотела депортировать, но просто не знала как. А тут обмен — и она отдает этих гражданских Украине. Это гопники из питерской подворотни, такой вот стиль, но Россия будет продолжать это делать, если мы ее не остановим.

Необходимы санкции, необходимы требования в адрес европейских властей и других стран о введении специального пакета санкций за нарушения в отношении украинских некомбатантов, то есть гражданских. Эти люди, от 7 до 16 тысяч (мы даже точно не знаем сколько, потому что от нас скрывают эту информацию), должны быть освобождены, но их не отпускают без давления, и последний обмен это показал.

Необходим специальный пакет санкций в отношении конкретных тюремщиков (мы знаем этих людей) и в отношении трех российских государственных структур, которые, безусловно, являются преступными организациями.

*Необходим специальный
пакет санкций в отношении
трех российских госструктур,
которые являются
преступными организациями*

Первая организация — это военная полиция Министерства обороны. На оккупированных территориях Украины людей задерживают без судебных решений и лишают свободы на неопределенный срок на основании распоряжения военного коменданта. А военные комендатуры — это подразделения военной полиции.

Вторая преступная структура — Федеральная служба исполнения наказаний. И украинских гражданских, и украинских военнопленных содержат в отдельных следственных изоляторах исправительных колоний и российских тюрем.

И третья преступная структура — Федеральная служба безопасности. На территориях Российской Федерации украинских гражданских задерживают, опять же, без суда, на основании распоряжения руководителя регионального управления ФСБ. То есть вот этот полковник или генерал, начальник управления ФСБ по краю, области или республики, просто подписывает бумажку о лишении свободы и потом каждые три месяца продлевает срок содержания под стражей.

Есть очень важная вещь, о которой говорила Наталья, — документирование военных преступлений. Почему это важно и почему это не может делать только власть?

Объясню на примере. Мое первое документирование вместе с Ларисой — это 3 марта 2022 года, когда мы недалеко от Житомирской трассы, километрах в двадцати от Киева, увидели российскую военную колонну в 300–500 метрах. Идет военная колонна в сторону Киева, впереди боевая машина пехоты. И в это время на трассу выезжают два гражданских

*Мы будем искать тех,
кто совершил эти
преступления, и они
будут отвечать*

автомобиля со стороны Ирпеня и Бучи, им просто нужно было пересечь трассу, дальше была дорога на Киев. Но они оказались в прицеле оператора БМП, и он их расстрелял у нас на глазах. На БМП стоит 30-миллиметровая пушка, и этих людей просто разорвало

на куски. Но когда колонна прошла, нам удалось это сфотографировать, найти номерные знаки этих машин. В каждой машине погибло по три человека: мужчина, женщина, ребенок. Мы это определили просто потому, что их ноги оставались в машине, а верхние части тел были разорваны полностью. И мы это зафиксировали. Уже следующая российская колонна просто раскидала и раздавила все, что там оставалось, и следы преступления исчезли. Если это не документировать сразу, то огромное количество преступлений останутся незамеченными, и мы не сможем найти виновных.

Сейчас в Европе достаточно много украинцев, которые вынуждены были уехать и которые были жертвами или свидетелями преступлений, — это желательно фиксировать. Мы будем с этим работать долго, наверное, десятилетия. Но мы будем искать тех, кто совершил эти преступления, и они будут отвечать.

Алиса Йоффе. Лента новостей. 2021

Дискуссия: вопросы и ответы

Александра: Я из Литвы, мой вопрос касается гуманитарной помощи. Какой, по вашему мнению, самый эффективный способ помощи? Я стараюсь донатить как можно больше, всегда ищу личные инициативы. Вопрос о гуманитарной помощи не в денежной форме. Например, в начале полномасштабной войны много людей из Литвы посылали еду. Как, по вашему мнению, деньги — это единственный эффективный способ поддержки или нет?

*Если хотите помогать,
то найдите тех, кому
доверяете, и спрашивайте,
что им надо*

Елена: Я представляю берлинскую организацию Demokrati-JA. Один из наших проектов в Германии — лоббирование усиления военной помощи для Украины со стороны Бундестага. Как вы считаете, какую помощь Германия сейчас может оказать Украине, то есть в какую сторону нам лучше лоббировать?

Александра: Мой вопрос к Михаилу. Может быть, вы знаете, какие конкретно санкции нужно применять против военной полиции и ФСИН? Эти люди в основном невыездные из России, и я не знаю, есть ли у них имущество в Европе.

Арсений: Наталья говорила о людях, которые находятся в заключении в России, об украинцах, которые под стражей. Какова позиция правозащитных международных организаций в отношении этих людей? Есть какие-то инициативы, чтобы им как-то помочь?

Л. Пыльгун: По поводу помощи. Можно было бы, наверное, просто сказать, что да, нужны деньги. Деньги нужны, но не только.

Вот вчера мой друг из Украины написал в фейсбуке о том, что он в свободное от основной работы время ходит по магазинам, ищет какие-то детские игрушки, от которых можно отрезать резиновые части определенного размера, чтобы помочь людям, собирающим дроны. Иногда нужно именно что-то вот такое, чего в Украине нет.

Последний месяц мы с Михаилом ходили в секонд-хенды, покупали одежду для ребят. Потому что, когда их привозят в госпиталь, с них все снимают, и их надо во что-то переодеть: от трусов до штанов, рубашек, курток. Сейчас лето, нужны футболки. Мы покупали, стирали, утюжили, паковали, передавали через волонтеров. Собирали еще на бензин волонтерам. И в какой-то момент нам сказали: «Ребята, стоп, потребность закрыта». Если хотите помогать, то найдите тех, кому доверяете, и спрашивайте, что им надо. Сегодня, возможно, нужны продукты, а завтра нужны таблетки, а послезавтра нужен бензин. Потребности очень быстро меняются.

Но то, что точно надо, — это распространять информацию через журналистов по всем каналам связи. Потому что во время информационной войны, если кто-то один сказал — это потерялось. Но если сделать это оперативно по всем каналам, то есть шанс, что нас услышат.

М. Савва: По поводу направлений поддержки от Бундестага и по поводу формата санкций. Важна любая поддержка. Современная война — это комплексная война, где используется все. Но эта война стала войной дронов. 80% боевых поражений наносят дроны, и только 20% — все остальное: стрелковое оружие, артиллерия, танковая стрельба. Поэтому все связанное с производством дронов принципиально важно. Производство дронов в Украине рассредоточено. Две тысячи производств. Это означает, что их делают фактически в квартирах. Нет завода, который можно разбомбить. А Европа сама зависит от китайских комплектующих, мы знаем эту проблему.

Вопрос о формате санкций. Да, эти люди невыездные, за границу отдыхать они не ездят. У некоторых из них есть имущество за границей, и они очень боятся, что об этом домике в Испании узнают. Но главное не это. Главное, что санкции против этих трех российских преступных организаций должны остановить контакты с ними других стран. То есть необходимо отсутствие контактов с ФСБ, с военной полицией и с Федеральной службой исполнения наказаний, отсутствие взаимодействия, отсутствие правовой поддержки, отсутствие совместных программ.

Н. Яшук: Документирование военных преступлений — это очень важная составляющая. Потому что люди с оккупированных территорий так или иначе пытаются выехать в Европу либо вернуться на территорию, подконтрольную Украине. Необходимо взаимодействие с оккупированными территориями. Помощь здесь людям, которые выезжают. Мы пытаемся документировать военные преступления на оккупированных территориях через обращения к нам. Такие обращения приходят постоянно: буквально позавчера мы получили обращение от супруги священнослужителя, у которой нагло отобрали дом. Но нужно быть подготовленными к тому, что вы услышите во время документирования военных преступлений.

Был, например, случай. Мы поехали в Киевскую область и задокументировали убийство ребенка. Семья пыталась эвакуироваться, военные это увидели и одной пулей прошили двух детей. Один ребенок погиб, второго забрали — якобы оказать помощь. Мама бежала сзади и просила ее взять с собой. Она все-таки со вторым ребенком осталась. А умершего ребенка не дали похоронить. И папа ночью на каталке, замотав ребенка в тюль и соорудив ему гроб, пытался сделать это сам. Такие случаи очень сильно психологически выбивают из колеи. Про гуманитарную помощь я повторяю то, что говорили коллеги. С первых дней полномасштабного вторжения я являюсь еще и членом женского ветеранского движения. Мы скооперировались так, что не принимали абы какую помощь, у нас были четкие запросы: четкие запросы на медицину, на дроны, потому что была своя так называемая дронаря.

Документирование военных преступлений – это очень важная составляющая

Сейчас уже можно легко отследить специализацию неправительственных гражданских организаций. Каждая НГО вошла в какую-то коалицию: кто-то помогает детям, кто-то помогает дронами. Кто-то помогает людям, потерявшим конечности, — и это большой проект Superhumans. Вот по таким движениям можно отследить, какая из команд, какая из организаций какую помощь требует.

Вы спрашивали, как мы как НГО относимся к людям на оккупированных территориях? Мы очень ждем, чтобы их освободили наши Збройні сили України. Потому что террор, который происходит на оккупированных территориях, — это другая форма войны. И оружие, которое там используют военные, — это «долгосрочное убийство» каждого человека. Через пыточные проходят практически все жители на оккупированных территориях. Если люди не соглашаются получать российские паспорта — а без них там вообще передвигаться нельзя, — то их пытаются... У нас зафиксированы случаи, когда людей убивали в пыточных. И мы знаем, кто убивал, как и где это происходило.

М. Савва: Я коротко дополню. Украина и украинцы сейчас пытаются через линию фронта помогать тем, кто на оккупированных территориях,

потому что это зона абсолютного отсутствия права. Есть программы, направленные на дистанционное обучение: дать возможность детям учиться на украинском языке через линию фронта. Но наиболее актуальна сейчас эвакуация. Эвакуация людей, которые находятся в опасности. Это всегда спецоперация гражданского общества, когда человека, а чаще семью нужно вывезти через Россию, Беларусь или другим путем, чтобы

Террор, который происходит на оккупированных территориях, – это другая форма войны

люди оказались в безопасности, а потом еще помочь с легализацией в Европе. А иногда их еще там начинают судить за использование, например, поддельных документов или еще за что-то, без чего они бы не выжили.

Л. Пыльгун: Гражданское общество в Украине — это не только неправительственные организации, это просто люди. Потому что каждый живой человек, каждая семья делает то, что может. Особенность украинского общества, украинцев, украинского народа в том, что люди объединяются не вокруг лидера, а вокруг проблемы. Как только проблема оказывается решена, группа распадается и объединяется вокруг другой проблемы. Можно подчас услышать, что «меньше помогают, меньше донатов». Нет, это не донатов и помощи меньше, это проблем больше. Если раньше знакомый воевал и все друзья объединялись, чтобы ему помочь, то сейчас уже в каждой семье есть человек, которому надо помогать: кто-то на войне, кто-то на линии фронта, а кто-то вернулся, и его надо лечить, а кого-то надо эвакуировать.

Если хотите помогать, обращайтесь внимание еще и на частные объявления (опять же, людей, которым вы доверяете). И есть еще правило: не отвечать на запросы тех, кого вы не знаете.

Н. Ящук: По поводу санкций. Нельзя недооценивать этот инструмент по отношению к военным преступникам. Мы долгое время собирали документы, в которых, по нашим расследованиям, содержится информация о том, кто причастен к военным преступлениям из региональных отделений ФСБ, из военной прокуратуры, из военной полиции. Один из результатов такой работы — введение Канадой санкций в отношении нескольких военных преступников.

Поэтому мы продолжаем работать. Мы призываем, чтобы нам помогали расследовать, кто причастен к преступлениям. Например, Виктория Рощина была убита фактически в СИЗО, и ее изуродованное тело без органов передали Украине через пять месяцев после ее гибели. Поверьте, это не единственный случай. У нас уже более двухсот переданных тел. Среди них и главы местных администраций, они тоже были убиты. Это все Херсонская область.

Филипп: Я из России, сейчас в Финляндии. Вы сказали про изменение международных организаций. Я понял, что нужно от них требовать. Если

бы получилось устроить хороший массовый протест, с какой организации стоит начать давление, чтобы дальше сработал принцип домино?

Н. Ящук: Мы давно шутили о том, что будем жечь шины под главным офисом Красного Креста. Но нужно не забывать, что эта международная организация не гражданская. Мы ездили с Михаилом, встречались с представителями Красного Креста, пытаюсь дать им инструменты для взаимодействия и для того, чтобы они хоть как-то могли делать свою работу. Нет какого-то однозначного ответа, с какой организации начать. Но наши люди начали с Международного Красного Креста.

М. Савва: Нужно работать с правительством Финляндии, которое является донором Международного комитета Красного Креста. Они будут разговаривать с Женевой, с правительством профессионально, показывая, сколько денег они дают и какой от этого эффект.

Л. Пыльгун: Гуманитарка пришла в Украину через Всемирную продовольственную программу (WFP), это они сказали: «Нам очень интересно, но мы ничего менять не будем». Помощь в Украину также заходит через UNDP, там тоже все очень сложно. И было бы неплохо Всемирную продовольственную программу и UNDP немножечко потряхнуть.

Александр, Грузия: Сегодня есть разные версии того, как война в Украине должна закончиться. Каков правильный и достойный выход из легальной политической и гуманитарной перспективы? И какие красные линии Украина не способна нарушить в договоренностях?

Мария, Италия: Я три недели назад была в Киеве. Украина истекает кровью. Когда вы пересекаете границу, вы начинаете ощущать каждой клеточкой своего организма, как эта великолепная, прекрасная страна с великолепным народом истекает кровью на наших с вами глазах.

Что касается гуманитарной помощи, я всем очень рекомендую получить контакты военных врачей, военных хирургов, которые могут каждый день или каждую неделю каждому из вас писать: «Нам на этой неделе нужны 100 пластырей для определенных видов пулевых ранений». Эти 100 пластырей, условно говоря, помещаются в небольшой чемоданчик, даже в сумочку, которую при желании каждый может довести до украинской границы за полдня из наших европейских городов и вернуться обратно.

Приехав в Киев, я тоже привезла с собой чемодан таких пластырей и кровоостанавливающих бинтов, которые спасут 200 человеческих жизней, 200 солдат. Я надеюсь, что спасут, если врачи успеют эти средства к ним применить. Это то, что каждый присутствующий в этом зале может сделать буквально сейчас.

И у меня вопрос, связанный с детьми, потому что, на мой взгляд, это вообще самая больная тема. Как вы думаете, возможно ли чисто гипотетически пролоббировать такой закон на международном уровне, чтобы

не только политики, чиновники, которые причастны к депортации детей, но и каждый, кто каким-то образом имеет дело к детям во всей длинной цепочке, затем, на протяжении всей своей жизни, преследовался как человек, причастный к human trafficking, т.е. к торговле людьми. Потому что это human trafficking. Как вы думаете, это реально?

Тимерлан: Я правозащитник, гражданский активист из Казахстана. Как вы думаете, что может сделать гражданское общество в Казахстане, как надавить на государство, чтобы хотя бы меньше предоставлялось помощи России в обход санкций?

М. Савва: Ответ на вопрос Александра. На днях большой американский банк J.P. Morgan, который входит в «большую четверку», сделал прогноз возможных сценариев завершения войны в Украине. 50% ве-

Мы тоже умеем принимать реальность, но такой реальности, как в Грузии, в Украине точно не будет!

роятности — это так называемый грузинский сценарий, то есть заморозка боевых действий по существующей линии фронта, что хорошо. Но следующим шагом, по мнению экспертов J.P. Morgan, в Украине возможен при-

ход к власти пророссийского режима, как это произошло в Грузии. Российский режим увидел такую возможность и хочет реализовать эту схему в Украине. Грузинский кейс крайне негативен для Украины. Мы тоже умеем принимать реальность, хотя это иногда бывает очень тяжело, но такой реальности, как в Грузии, в Украине точно не будет! По крайней мере, мы сделаем все, чтобы этого не произошло.

Вопрос о том, что еще можно сделать. Одна из недавно созданных украинских правозащитных организаций, «ЛИБЕРТА», включает в себя выходцев из Казахстана. Это люди, которые пытаются установить контакты с элитами Казахстана и донести до них правду, в том числе через творческих людей. Я участвовал в большом расследовании о механизмах, которые используют режимы центральноазиатских стран для обхода санкций. О том, как через Казахстан идут комплектующие для военной техники, о том, что делает киргизский режим, туркменский и так далее, и о том, как перекрывать эти лазейки. Мы можем дать рекомендации, что делать, но мы не можем проникнуть в казахстанские реалии, чтобы понять, какие новые лазейки будут придуманы для обхода санкций.

Мы постоянно находим в российской технике, уничтожающей Украину, иностранные комплектующие. Около нашего дома в Киевской области до сих пор стоит российская военная колонна, сгоревшая еще в 2022 году. Этот металлолом в основном увезли на переплавку, но часть колонны оставили, и там такая табличка: «Уважаемые граждане, не снимайте никакие детали с этой военной техники. Мы их снимем и будем изучать». И эти детали могут оказаться французскими, казахскими, китайскими, какими угодно.

Н. Яшук: Я объединю два вопроса: про справедливость и про военных преступников, которые удерживают наших детей.

О справедливости. Как правозащитники мы боремся, и мы на пути создания трибунала. За все военные преступления должен быть дан ответ. И эту ответственность должна нести не только верхушка власти Российской Федерации, но каждый, кто поддержал войну в Украине. Каждый гражданин Российской Федерации должен осознать, что произошло и что творили на территории Украины российские военные.

О детях. Пусть не расслабляются россияне, которые взяли и отобрали наших детей, поместили в детские дома, дали им другие имена и фамилии: мы проводим расследования, и эти расследования не останавливаются. Центр гражданских свобод нашел полторы тысячи детей. Мы знаем, какие им дали имена, кто это сделал, кто их усыновил, в каких семьях они находятся и где. Мы будем очень благодарны, если вы будете делиться информацией с нами о местонахождении новых детей, которые внезапно появились на той или иной территории, в той или иной школе или садике. Потому что эта информация для нас всех очень важна.

Это относится не только к детям, которых переместили из детских домов. Это относится и к детям, которых вывезли из Мариуполя, чьи родители погибли либо были задержаны. У нас есть дети, у которых один родитель, например, остался на оккупированной территории, а второй выехал на территорию, подконтрольную Украине, и потом этот второй манипулирует ребенком. Это тоже наши дети. Поэтому мы будем благодарны за такое документирование.

О Казахстане. Михаил упомянул организацию «ЛИБЕРТА», созданную в 2023 году. Она очень тесно сотрудничает с Астаной, более того, с посольством Украины в Казахстане. На территории посольства Украины в Казахстане находится памятник А. Мациевскому, который был убит за то, что сказал «Слава Украине!» и не покорился оккупантам. Это была инициатива в том числе и организации «ЛИБЕРТА».

Относительно творчества. У нас есть несколько проектов, от фильмов до выставок. Коллажи — не единственная выставка, есть и другие. Мы с удовольствием поделимся и опытом, и наработками, которые у нас есть. Сейчас в Киеве проходит «Книжный Арсенал», большой книжный фестиваль, где мы возрождаем украинскую поэзию, многие писатели приезжают и представляют свои новые книги. Появилось много издательств. Издательство «Виват» было обстреляно, все, что находилось там, было уничтожено, но они живут и продолжают свою деятельность.

На «Книжном Арсенале» мы презентовали закладки с цитатами украинских поэтов и рисунками наших гражданских, сидящих в ростовском

*Каждый гражданин
России должен осознать,
что произошло и что
творили на территории
Украины российские
военные*

Нет войне. Граффити в Санкт-Петербурге. 2022

СИЗО. У нас есть также видеопроект: стихи, написанные для людей, которых мы ждем из мест несвободы. Стихи написаны нашими поэтами, как молодыми, так и очень известными. Поэт С. Жадан тоже принял участие в проекте.

У нас есть отдельная кампания в защиту военных медиков Украины. Российская Федерация удерживает военных медиков в местах лишения свободы. Это предусмотрено Женевскими конвенциями, но есть одно большое но: их можно удерживать, если их квалификация и специализация нужна в местах содержания. Наши медики не просто содержатся в ужасных условиях, они еще и профессионально страдают оттого, что не могут своим же людям оказывать медицинскую помощь, у них нет такой возможности. И если вы хотите помочь военным медикам, у нас есть организация «Военные медики Украины», к ним можно обращаться.

И. Березкина: Мы вас призываем говорить о том, что вы здесь услышали. Требуйте соблюдения норм международного права! Присоединяйтесь к кампании People First и поддерживайте Украину всем, чем вы можете! Слава Украине!

Убивать непросто

Не убивай.

Исх. 20:13

Историки, интересовавшиеся знаменитым полем под Геттисбергом, где происходило одно из самых громких сражений американской Гражданской войны 1861–1865 годов, обратили внимание на поразительное на первый взгляд обстоятельство: 90% дульнозарядных ружей, собранных после завершения битвы, оказались заряженными, причем некоторые из них заряжались несколько раз — в стволах оставалось два или более патрона. Комментируя этот любопытный факт, «звездный» американский социолог, еще в 2008 году опубликовавший рецензируемое здесь фундаментальное исследование о природе насилия в человеческих сообществах, пишет: «Это подразумевает, что по меньшей мере половина солдат к тому моменту, когда они были убиты или бросили оружие, раз за разом выполняли действия по заряданию своих ружей, но не стреляли» (с. 128). Похожие открытия позже делались американскими исследователями других сражений, включая Первую и Вторую мировые войны, корейскую войну, вьетнамскую войну. Иначе говоря, люди с оружием в руках, волею судьбы попадавшие в те или иные кровавые мясорубки прошлого столетия, весьма часто предпочитали, пусть даже неявно, уклоняться от участия в них, игнорируя призывы командиров, идеологические штампы, религиозные инвективы.

Отталкиваясь от этих и других подобных фактов, Рэндалл Коллинз пытается убедить своих читателей в том, что человеческим существам, которым тысячами приписывали агрессивность, жестокость, тяготение к насилию, на самом деле не только неприятно, но до крайности невыносимо убивать ближних. Более того, настаивает он, обнаруживая хотя бы малейшую возможность уклониться от применения силы в конфликте с собратьями-людьми, нормальный человек всегда будет делать именно это либо напрямую, либо скрытно.

Коллинз Р. Насилие. Микросоциологическая теория. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

Ссылаясь на проводимые сразу же после боя опросы американских солдат, воевавших на Тихом океане в 1943-м и в Европе в 1944–1945 годах, автор утверждает, что сознательное воздержание от прямого участия в конфронтации с противником является широко распространенным явлением: «В типовом случае лишь 15% военнослужащих фронтовых

*Коллинз пытается
убедить своих читателей
в том, что человеческим
существом невыносимо
убивать ближних*

частей стреляли в бою из своего оружия, а в наиболее боеспособных подразделениях этот показатель достигал максимума в 25%» (с. 109). Отсюда делается вывод, который многим из нас покажется обнадеживающим, особенно после просмотра очередного выпуска новостей: по всей ве-

роятности, в любых боевых действиях участвует лишь небольшая часть солдат с обеих сторон. Или, рассуждая более широко, «насилие совершать трудно» (с. 70).

Насилие, однако, зрелищно, и поэтому его широко пропагандирует, популяризует, продает массовая культура, особенно кинематограф. Именно он затеняет естественные паттерны человеческого поведения, не имеющие почти ничего общего с подвигами бьющихся на экранах в кровь воинов, сыщиков, ковбоев и прочих. То есть получается, будто человек только думает, что он зол, но он не таков, это самооговор. Разумеется, кому-то может показаться, что подобные рассуждения противоречат лежащим на поверхности фактам, ведь последние столетия, и особенно XX век, стали ужасающим праздником насилия, а XXI век, как нередко многим из нас видится, подхватил эту эстафету. Для Коллинза, однако, это не аргумент.

*Насилие становится
все более отталкивающим
и отвратительным
не потому, что люди
неуклонно дичают*

Во-первых, по его мнению, насилие становится все более отталкивающим и отвратительным отнюдь не потому, что люди неуклонно дичают, а потому, что магистральной линией его развития уже давно сделалось максимальное отстранение человека от тех орудий, которыми он

уничтожает своих собратьев. Причем эта миссия не просто делегируется технике: ущерб наносится дистанционно, с больших расстояний, не позволяя, скажем, пилоту бомбардировщика или оператору дрона непосредственно видеть кровавые результаты своих деяний, иначе говоря, степень готовности стрелять в противника зависит от физической дистанции до этого человека. Если «во Второй мировой войне на артиллерию или авиабомбы пришлось около 75% потерь, а доля потерь от пуль составила менее 10%» (с. 135), то сегодня разрушение и уничтожение превращаются в нечто вроде компьютерной игры, которая тем не менее с повреждением человеческой природы никак не связана. Напротив, из-за искусственных барьеров, которые воздвигаются техническими

устройствами между агрессором и жертвой, нападающим и защищающимся, люди лишаются возможности ужаснуться тому, что натворили, и проявить лучшие свойства своей натуры.

Во-вторых, если уж речь заходит о самой этой натуре, то у автора нет ни малейшего сомнения в том, что человек (вполне в духе предначертаний Руссо) добр по самой своей природе, от рождения, а вот «образ человека, представленный Гоббсом, эмпирически неверен» (с. 53). «Человеческая эволюция происходила таким образом, что у людей появилась особенно высокая чувствительность к сигналам микровзаимодействий, которые подаются другими людьми. <...> К нашим “системным настройкам” относится стремление к вовлеченности и солидарности при взаимодействии — в силу этого обстоятельства насилие и является столь затруднительным делом» (с. 82–83). Здесь мы фактически имеем дело с оптимизмом, который хочет базироваться на фундаментальных особенностях естественного устройства человека.

Таким образом, согласно авторской гипотезе, в человеческом существе самой природой заложена антипатия к убийству себе подобных. Конечно, американский социолог отдает себе отчет в том, что этот запрет не настолько силен, чтобы с ним время от времени не могли справляться другие мощные социальные силы, но неоспоримым для него остается следующий факт: «Если убийство все же происходит, люди испытывают дурные ощущения, а их дискомфорт проявляется в различных физических и психологических симптомах» (с. 171). Откуда же тем не менее берутся военные зверства и коллективные преступления? Коллинз выводит эти феномены из однотипных ситуаций, которые он именует «наступательной паникой». Локальное превосходство в численности и силе, вдруг обнаруживаемое в тот или иной момент схватки, способно создать эмоциональный подъем, делающий массовое уничтожение даже не сопротивляющегося противника «морально санкционированным»; «гротескное наслаждение насилием и демонстрация жестокости при последующем отсутствии моральной ответственности» воспроизводили себя во множестве случаев массового уничтожения людей, от резни в Нанкине, учиненной японцами в 1937-м, до сожжения американцами вьетнамской деревни Сонгми в 1968-м. Автор поясняет: «В момент подобных актов насилия совершавшие их лица находились в герметично закупоренной зоне общих со своим окружением эмоций, в особой реальности, которая в момент насилия не только подавляла все прочие моральные чувства, но даже в ретроспективе была непроницаема для памяти или внешнего морального осуждения» (с. 245).

В книге Рэндалла Коллинза скрупулезному анализу подвергается не только военное насилие, но и другие его разновидности. Это своего рода

*Это своего рода энциклопедия,
куда попали и домашнее
рукоприкладство, и уличный
бандитизм, и насилие в спорте*

Николаас Чиао (Nicholaas Chiao). *Посвящение*. В дни войны и мира. 2022

энциклопедия, куда попали и домашнее рукоприкладство, и уличный бандитизм, и поединки в мужских коллективах, и насилие в спорте. Автор, конечно же, отдает себе отчет в том, что попытка заставить каждого придерживаться идеалистического кодекса хороших манер не сработает, но в то же время, отталкиваясь от собственной трактовки насильственного поведения как аномального, он не сомневается в возможности «снижать интенсивность некоторых разновидностей насилия, замещать серьезное насилие его относительно мягкими и ритуальными формами» (с. 859). Оптимизма, подобного тому, который излучается этой прекрасной книгой, сегодня отчаянно не хватает, и поэтому людям с нормальным мировосприятием она категорически рекомендована. И пусть вас не смущает внушительный объем, не вписавшийся даже в тысячу страниц, — на каждой из них можно обнаружить что-то интересное. За чтение можно приниматься прямо сейчас, тем более что автор уже пообещал подготовить второй том, где «охват материала будет шире именно за счет того, что осталось за кадром» в первом томе (с. 99).

Андрей Симбирцев

Покинуть пещеру: философия, которую можно прожить

В издательстве Tiefbau — дочернем, но по сути зеркальном проекте платформы ÜBERBAU — вышла книга Рана Лахав «Покидая платонову пещеру: практика философского консультирования». Это не просто рассказ о философии, это путеводитель, сопровождающий читателя в его собственном философском странствии.

Ран Лахав — доктор философии и магистр психологии Мичиганского университета, один из основоположников современного философского консультирования. Это международное движение стремится вернуть философии ее изначальное предназначение: быть способом осмысления жизни, преодоления внутренних преград, открытия подлинных горизонтов. Более двадцати лет Лахав обучает философов, создает книги и статьи, проводит семинары и философские ретриты. Живя в уединении сельской местности Вермонта, он продолжает путешествовать и делиться своим подходом с теми, кто ищет в философии не умозрительные построения, но возможность глубже понять себя и жизнь вокруг.

«Покидая платонову пещеру» — это и описание практики философского консультирования, и своего рода основа авторской концепции глубинной философии, которую Ран Лахав более полно раскрыл в последующих работах. Уже здесь проступают характерные черты этого подхода: фокус на внутреннем созерцании, внимательном присутствии, тишине как форме мышления и отказ от философии как набора идей в пользу философии как формы существования.

В современном поле философской практики можно найти самые разные, порой противоборствующие течения: здесь и рационально-логическая терапия Элиота Коэна, и провокационный диалог Оскара Бренифье. На их фоне подход Лахав выделяется своей созерцательной глубиной. Его задача — не убедить, но расширить понимание. Не спорить, но слышать.

Лахав Р. Покидая платонову пещеру: практика философского консультирования / Пер. с англ. А. Белоглазова, под ред. Д. Симановского. Sol Cognita, 2025.

Ран Лахав — доктор философии и магистр психологии Мичиганского университета

Его философия — это путь к внутренней свободе, к выходу из интеллектуальной пещеры в пространство, полное подлинного света.

Ключевым образом книги становится знаменитая аллегория Платона о пещере. В «Государстве» Сократ предлагает представить людей, с рождения скованных цепями, видящих лишь тени на стене и принимающих их за реальность. Один из них освобождается, выходит наружу и открывает мир света. Сначала он потрясен, ослеплен, но постепенно начинает видеть по-новому. Вернувшись, он рассказывает другим о том, что увидел. Его с удовольствием слушают, но идти за ним не готов никто. Можно представить, что со временем внутри пещеры возникает философское сообщество: здесь пересказывают услышанное, сочиняют новые толкования — и продолжают смотреть на стену.

Автор предлагает разорвать этот круг: «Аллегория платоновой пещеры не теряет актуальности, напоминая о стремлении нашего сердца расширить границы существования и жить более глубокой, насыщенной жизнью. Наш повседневный мир обычно ограничен “пещерой” — поверхностной и комфортной обыденностью. Мы живем словно на автопилоте, механически выполняя повседневные дела. Лишь в редкие моменты самопогружения мы осознаем всю ограниченность нашей повседневности. Тогда и рождается стремление вырваться за пределы этих незримых стен и начать жить более полной, свободной жизнью».

Появление этой книги в Tiefbau закономерно и глубоко созвучно издательской философии в буквальном смысле слова. ÜBERBAU — молодое издательство в Риге, чья миссия — выпускать книги, освещающие будущее глобального мира. Это философия, устремленная к горизонту. Команда ÜBERBAU выбирает работы, всерьез пытающиеся ответить на вопрос «Что делать?», будь то утопия, теория, этический вызов или радикальное мышление. Не ограничиваясь жанром, эпохой или языком оригинала, ÜBERBAU расширяет воображаемое и реальное пространство современного человека.

Tiefbau — его альтер эго, созданное той же командой, но с иным направлением. Если ÜBERBAU всматривается в будущее, то Tiefbau направлен вглубь, к основам. Его суть выражает цитата Генри Торо: «Под грязным слоем мнений, предрассудков и традиций, заблуждений и иллюзий, под всеми наносами, покрывающими землю в Париже и Лондоне, Нью-Йорке, Бостоне и Конкорде, под церковью и государством, под поэзией, философией и религией постараемся нащупать твердый, местами каменистый грунт, который мы можем назвать реальностью и сказать: вот это есть и сомнений тут быть не может».

Книга Лахава органично вписывается в эту издательскую линию. Это книга о возвращении к себе. О живом, непосредственном взгляде внутрь — без посредников и вторичных объяснений. О поиске «твердого, каменистого грунта» в эпоху, когда все зыбко, неустойчиво и иллюзорно.

Р. Л.

Контрапункт

Об американской независимости

Российскому опыту за прошлые сто лет как нельзя лучше подошла бы характеристика, данная Достоевским в романе «Идиот» одному из самых грустных его персонажей: «Это был человек замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам».

«Анекдотические неудачи» — так могла бы называться многотомная хрестоматия по новейшей российской истории. Последние сто лет многие «эпохальные события» сначала в Санкт-Петербурге, а потом и в Москве имеют все признаки «анекдотических неудач». Один только переход власти от Романовых к марксистам выглядит как уникальный по своим масштабам исторический анекдот — комедийный и ужасный одновременно. А ведь после него были еще и коллективизация, и борьба с троцкистами, и многое другое, не менее увлекательное, включая замену марксистов на бородатых вроде-бы-традиционалистов.

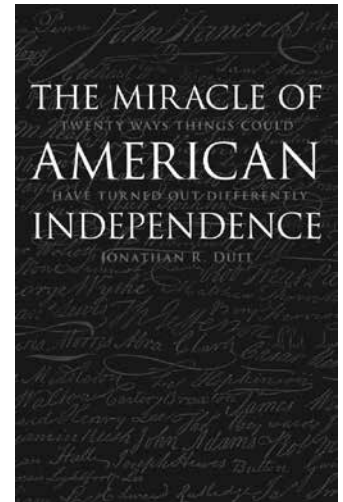
Неудач у России в самом деле как-то слишком много, каждая приводит к волнам внутренней и внешней эмиграции, после каждой на кладбищах появляются тысячи и тысячи преждевременных надгробий, а в психиатрических клиниках (и монастырях) — толпы новых страждущих, чье возвращение к разумной жизни вряд ли когда-нибудь случится.

На фоне непрерывной достоевщины российского опыта история США кажется почти игрушечной. Общее настроение заметно светлее, несмотря на Войну за независимость, Гражданскую войну и столетия легального рабовладения. Даже сегодня, когда США далеко не в лучшей своей форме, мигранты с перспективными профессиями и идеями выбирают именно их.

Сравнение исторических треков США и РФ легко может навести на мысль о каком-то проклятии или трагической предрасположенности к неудачам,

Максим Горюнов,
философ

Dull J. R. *The Miracle of American Independence: Twenty Ways Things Could Have Turned Out Differently*. Lincoln: Potomac Books, 2015.

которая делает российский путь таким извилистым. И о счастливом талисмани, благодаря которому американские шоссе в направлении счастья выглядят заметно прямее.

*Даже сегодня, когда США
далеко не в лучшей своей
форме, мигранты
выбирают именно их*

Возможно, так оно и есть: все дело в талисмани и проклятии. С другой стороны, как любят повторять в кабинетах на Зубовском бульваре в Москве, «не все так однозначно». В библиотеках американской академии без труда можно найти ра-

боты о том, что успех отцов-основателей США, во-первых, был построен на твердом фундаменте «анекдотической неудачи» британской колониальной администрации.

И во-вторых, о том, что сами отцы-основатели причастны к нескольким катастрофам настолько романовского масштаба, что не каждый Романов смог бы позволить себе такой размах.

В книге американского историка Джонатана Далла «Чудо американской независимости: двадцать вариантов, как все могло бы сложиться иначе», написанной в жанре «а что если...», показано, насколько маловероятным был успех Американской революции и как высоки были шансы у американцев на «анекдотическую неудачу».

*Перспективы
республики на новом
континенте были
сомнительными*

Джонатан Далл в течение тридцати с лишним лет работал в архивах Бенджамина Франклина (солидный мужчина на стодолларовой купюре). Первая книга Далла вышла еще в семидесятых и была посвящена роли французского военного флота в победе американцев над британцами.

Благосклонные отзывы на нее можно найти в толстых академических журналах по обе стороны Атлантики.

Свои размышления о хрупкости первого американского успеха автор начинает с малоизвестного факта: военный корабль, который в 1776 году перевез Бенджамина Франклина из Америки во Францию, на обратном пути попал в шторм и затонул. Миссия Франклина заключалась в том, чтобы убедить французского короля поддержать борьбу американцев за республику, и у него это получилось. Учитывая, что миссии американцев в другие европейские столицы ни к чему не привели, затонувший корабль с Франклином на борту вполне мог поставить крест на перспективах демократии в Северной Америке.

Всего Джонатан Далл перечисляет двадцать альтернативных сценариев, указывая на те моменты в истории, когда «все могло пойти не так» и «повернуть не туда» во вполне знакомом российскому читателю смысле — когда у самых больных фантазий появляется возможность стать былью «всерьез и надолго».

К примеру, как считает автор, в 1776 году, когда Франклин оказался в Париже, у короля Людовика XVI было достаточно оснований для того,

чтобы отказать американцам в помощи. Недавно закончившаяся война с Англией обошлась Франции в астрономическую сумму. Средства на войну были взяты у кредиторов, долг нужно было отдавать. Еще одна большая война была не по карману и могла привести к тяжелым экономическим и даже политическим последствиям. В случае с Америкой театр военных действий располагался на другом континенте, что, очевидно, увеличивало стоимость участия в конфликте. Французский флот на тот момент заметно уступал британскому, что, опять же, умножало вероятные затраты.

Открытым оставался вопрос: как американские революционеры собираются отдавать свои долги? Если они проиграют, их казнят, как британский король и пообещал. Если выиграют, то откуда они возьмут так много денег?

Далл перечисляет двадцать альтернативных сценариев, указывая на те моменты в истории, когда «все могло пойти не так»

В экономике того времени североамериканские колонии были не самыми богатыми и приносили в британскую казну не так много. По-настоящему доходными были колонии в Карибском море. Ямайка с ее сахарными плантациями могла бы помочь французскому королю решить его проблемы с кредиторами, но на Ямайке никто не хотел республику. Республика нужна была на американском севере, где доходы были ниже, а неповиновение властям достигало впечатляющей высоты.

Учитывая все это, Далл предлагает следующий вариант развития событий: выслушав аргументы Франклина, король принимает решение отклонить его предложение, мол, «риски от поддержки американцев высоки, а выгоды сомнительны». Согласно рекомендациям французских финансистов, Людовик направляет все свои силы на выплату долгов, приведение в порядок налоговых служб, улучшение работы судов, образование, развитие наук и тому подобное.

Мудрое решение короля скоро приносит свои плоды: Франция быстро восстанавливается, кредиторы в восторге от выплаченных долгов, европейские банки выстраиваются в очередь, предлагая новые кредиты на новые проекты его величества.

На другом берегу океана ситуация абсолютно противоположная. Для американцев решение Людовика озабочиться благополучием своего королевства означает, что их армия лишается поставок пороха, мушкетов и первоклассной французской артиллерии; военные операции нужно планировать самим, без опоры на знания и опыт французских специалистов — профессиональная французская армия не будет стоять рядом с вооруженными чем попало американскими гражданами. Без поддержки Парижа американцы не могут привлечь иностранные займы, поскольку никто не верит в их успех и никто не хочет одалживать тем, кому грозит виселица.

Оставшись в одиночестве, опираясь только на свои силы и случайные успехи контрабандистов, американцы уклоняются от боевых действий; их техническое отставание слишком очевидно. Джордж Вашингтон виртуозно скрывает от европейских наблюдателей нехватку ресурсов и из всех сил старается сохранить армию, но солдаты, не видя перспектив, дезертируют каждую ночь.

Британцы умело используют ситуацию. Поскольку вмешательство французского флота не грозит и к десанту французских войск готовиться не надо, британская армия может действовать решительно. Довольно

*Революция могла
завершиться и до переговоров
Франклина с Людовиком*

скоро у нее может появиться возможность выиграть войну в одном большом сражении.

По мере приближения к поражению революции резко усиливается поддержка сторонников британского короля. Отряды ополченцев-лоялистов помогают британской армии, с каждым днем их становится все больше. Моральный дух колонистов стремительно падает, и все больше ассамблей начинают требовать примирения с Британией. Умеренные лидеры публично дистанцируются от тех, кто слишком громко приветствовал Декларацию о независимости, и активно ищут возможность показать свое уважение короне.

В результате Британия предлагает колониям ограниченную автономию под своей властью. Колонии соглашаются. Британское правление восстанавливается, Американская революция терпит полное поражение, вчерашние революционеры ищут спасения от преследований в Париже, который переживает небывалый расцвет.

Согласно другому сценарию автора, революция могла завершиться и до переговоров Франклина с Людовиком. Армия Вашингтона могла быть побеждена и рассеяна уже в первые месяцы после прибытия британских войск в Америку. В самом начале у британцев были все шансы на быструю победу. Нехватка пороха и отсутствие опыта у американцев делали их крайне уязвимыми для атак профессиональной армии. Американцы были полны энтузиазма, и их готовность рисковать своими жизнями впечатляла.

С другой стороны, ситуация с оружием была настолько плохой, что тот же Франклин всерьез предлагал использовать луки и стрелы и даже проводил расчеты, сколько именно понадобится того и другого, чтобы надежно защитить республику от посягательств заокеанского короля. Дж. Далл утверждает, что быстрая победа не получилась, потому что британские генералы несколько раз упускали возможность нанести американцам поражение. С точки зрения Лондона речь шла не о революции, а о еще одном возмущении подданных по поводу чрезмерных налогов — известный и понятный сюжет.

Рецепт гуманного — по меркам XVIII века — подавления такого рода возмущений предлагал использовать устрашение. Оружие скорее демонстрировалось, чем применялось. Заново покорять свои же колонии британцы не считали целесообразным: завоевание и сопутствующие разрушения дорого обходятся. Армия своим грозным видом должна была помочь восставшим опомниться, трезво оценить свои перспективы и как можно скорее вернуться к королю со смиренными мольбами о прощении.

Избегая дополнительных обременений для казны, британцы действовали осторожно и в результате раз за разом позволяли американцам перегруппироваться, собраться с силами, дожидаться удачи. Они дали американцам время, и это было крайне недальновидно с их стороны. Время позволило американцам одержать несколько побед и найти союзников — и это изменило ход событий. Если бы британцы меньше заботились о тратах, у Американской революции осталось бы не так много шансов на успех.

Какая судьба ждала бы участников революции в случае поражения? Не исключено, что они вошли бы в историю примерно так же, как российские декабристы: несколько сотен мужчин со всеми возможными в их обществе привилегиями, желая занять место монарха, обманули своих солдат, вывели их под пушки и оглушительно проиграли. Американская революционная армия, безусловно, отличалась от российской, которая вышла на Сенатскую площадь. Начать хотя бы с того, что американцы брали в руки оружие добровольно. С другой стороны, как скажут философы, добровольность не всегда дружит с рациональностью. И тем более с инстинктом самосохранения.

Добровольность не отменяет того факта, что армия Вашингтона защищала экспериментальный политический проект. Новая Римская республика должна была появиться после победы. О том, как именно она будет выглядеть, было больше споров, чем согласия. Перспективы республики на новом континенте в мире процветающих абсолютистских монархий были сомнительными. Чтобы вести людей на смерть ради настолько туманного будущего, нужно не ставить под вопрос рациональность решений. Декабристы скрывали от солдат свои намерения; отцы-основатели не особенно акцентировали внимание на том, за что именно ополченцы готовы отдать свои жизни, — в случае поражения эти ситуации выглядели бы схожими.

Самый обидный сценарий катастрофы, предложенный Даллом, выглядит так: распад Штатов сразу после подписания мирного договора с Британией в 1783 году. Сложности могли начаться уже на следующий день. США на тот момент — хрупкая конфедерация вчерашних колоний. Штаты управляют собой сами и с подозрением относятся к соседям. С

*Армия Вашингтона
защищала
экспериментальный
политический проект*

еще большим подозрением они относятся к центральному правительству. Решения, касающиеся конфедерации, требуют единогласного одобрения всех штатов — у каждого есть право на вето.

Схожая модель управления была в то время у Республики Соединенных провинций, Голландской республики, которая являлась известным примером неэффективности. Речь Посполитая, старейшая республика на континенте, управлялась еще хуже, и к концу века ее территории были поглощены тремя соседними империями.

Далл утверждает, что без сильного центра США рисковали распасться на соперничающие объединения штатов. Распад мог привлечь внимание Великобритании и привести к повторному поглощению империей. У Испании тоже были виды на американские территории, особенно на юге. О том, насколько вероятным было повторение польского сценария в Северной Америке, можно судить по галопирующей инфляции, торговым спорам между штатами, нарастающей частоте конфликтов с коренными народами.

Множащиеся проблемы подтолкнули отцов-основателей — а также кредиторов, уставших ждать возвращения своих вложений и процентов по ним, — к реформам с целью создания сильного централизованного правительства, способного влиять на ситуацию в экономике. Реформы столкнулись с ожесточенным сопротивлением антифедералистов — преимущественно с юга, — видевших в централизации покушение на суверенитет штатов и личные свободы граждан. С их точки зрения, создание сильного центра возвращало в Штаты дух британской деспотии, от которого американцы только недавно избавились.

В этот период существование американского проекта зависело и от политической изобретательности, и от удачи. К счастью для Штатов, у них был Джордж Вашингтон — военный лидер, уважение к которому было сильнее взаимных претензий. Его авторитет и стоическая сдержанность сделали реформы возможными, и эксперимент продолжился.

Что случилось бы, если бы не Вашингтон?

В XVIII веке люди были беззащитны против самых простых, на наш взгляд, болезней. Привычка Вашингтона к долгим верховым прогулкам в непогоду могла прервать его жизнь несколькими годами ранее. Какая тогда судьба ждала бы Штаты?

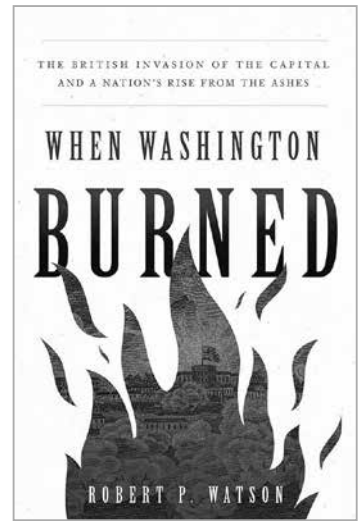
Материалы для рассуждений о возможных плохих сценариях можно найти в книге историка Роберта П. Уотсона «Когда Вашингтон горел: британское вторжение в столицу и возрождение страны из пепла». Основной сюжет книги малоизвестен российскому читателю: 25 августа 1814 года британская армия сожгла столицу Штатов. Автор ставит это событие в один ряд с Перл-Харбором, атакой на башни-близнецы в 2001 году и недавним штурмом Белого дома сторонниками Трампа.

Причину того, что британцам удалось захватить Вашингтон, автор видит в коллективной некомпетентности. Ни военное командование США, ни гражданские офисы не справились со своими обязанностями. Решения были одно хуже другого. Командующий Армстронг игнорировал донесения о планах британцев взять столицу вплоть до взятия ими столицы. Только когда в Вашингтоне загорелись первые правительственные здания, он согласился с тем, что у британцев явно есть планы на Вашингтон.

В книге особенно живо изображены сцены растерянности государственных служащих. К примеру, когда британцы подожгли Белый дом, в пожаре сгорели личные вещи первых трех президентов. Мебель, книги, альбомы Джефферсона, Адамса и самого Вашингтона были навсегда утрачены: их не вывезли из-за паники.

Важнейшие документы — Декларация о независимости, Билль о правах, Конституция — были чудом спасены несколькими чиновниками Государственного департамента Штатов. На тот момент этим чиновникам было всего по двадцать с небольшим лет. Их более зрелые коллеги, охваченные паникой, забыли об основополагающих документах своей страны. Если бы не гражданская доблесть нескольких молодых людей, документы, провозгласившие независимость Штатов, легко могли оказаться в коллекции британского короля. Также в королевские руки могла попасть корреспонденция Джорджа Вашингтона, флаги его армий и флаги британских полков, захваченные в ходе Войны за независимость. Молодые люди действовали в спешке, без предварительного плана, на свой страх и риск. Декларация вместе с другими бумагами была положена в простой льняной мешок и на первой попавшейся повозке увезена. Не менее катастрофично выглядела эвакуация Библиотеки Конгресса, в которой находились в том числе и архивы первых лет республики.

Несмотря на новости о наступлении британских войск, директор библиотеки уехал на минеральные источники. Целью поездки было «омоложение». По мере приближения британцев к столице его возвращение каждый раз откладывалось. Уезжая, он закрыл свой кабинет, в котором хранились отчеты о работе комитетов палаты представителей. Самое главное, в кабинете хранился так называемый секретный журнал

Watson R. P. *When Washington Burned: The British Invasion of the Capital and a Nation's Rise from the Ashes. Washington, DC: Georgetown University Press, 2023.*

Британцам удалось захватить Вашингтон в результате коллективной некомпетентности

Конгресса, в котором были материалы, касающиеся национальной безопасности, внешней дипломатии и военной стратегии.

В критической ситуации, оставшись без руководства, архивы оказались брошены на произвол судьбы. Их спасением занимались рядовые сотрудники библиотеки, чье чувство долга оказалось сильнее страха. Служащие всех департаментов в столице были призваны в ополчение; убедить военных в необходимости отпустить нескольких чиновников, чтобы спасти архивы, было непросто. Когда получилось, до появления войск его величества оставалось несколько суток. С огромным трудом им удалось найти телегу подходящего размера и волов. На телегу было погружено столько документов, сколько она могла выдержать; волю, двигаясь со скоростью никуда не спешащего пешехода, повезли архивы республики прочь из столицы.

Катастрофа стала результатом десяти лет смелых экспериментов в государственном управлении, утверждает автор. Предыдущий президент,

*Когда в 1812 году началась
война с британцами,
американцы были
к ней не готовы*

Томас Джефферсон, считал сокращение бюджета главным рецептом улучшения жизни граждан. Государство плохо распоряжается деньгами, считал Джефферсон. Чем меньше государство, тем лучше. В соответствии с этой догмой

расходы на оборону были сведены к минимуму. Предполагалось, что в случае необходимости гражданского ополчения будет достаточно.

Кроме армии, Джефферсон не любил налоговые службы. Автор Декларации о независимости считал, что граждане, столкнувшись с трудностями, сами могут найти средства для их решения. Частный сбор средств на постройку, допустим, моста через реку однозначно лучше регулярного налогообложения, как это было принято в Европе.

Следующий президент, Мэдисон, разделял отвращение Джефферсона к армии и налогам и тоже предпочитал ополчение и самопомощь. В течение десяти лет в Штатах не строились новые военные корабли, не ремонтировались форты, не обновлялись арсеналы. Военные делали карьеры без ознакомления с искусством ведения войны. Поскольку армия была как будто не нужна, правильный путь к высшим званиям лежал через искусство политической лояльности к президенту и удачный брак.

Нет ничего удивительного в том, что, когда в 1812 году началась война с британцами, американцы были к ней не готовы. Лондон перебросил через океан солдат, которые участвовали в войнах против Наполеона. Ими командовали офицеры с многолетним боевым опытом. Встреча ветеранов политических интриг с ветеранами боевых действий закончилась предсказуемо. В этой «анекдотической неудаче», стоившей американцам столицы, есть и знакомые российские ноты, вселяющие надежду: совсем позорному разгрому помешал климат.

Амеде Форестье. Подписание Гентского договора, канун Рождества 1814 года. 1914

Необычная в тот год жара резко снизила темп британских войск. На марше солдаты постоянно падали в обморок от солнечных ударов, несколько умерло от перегрева. Когда столица была уже захвачена и подожжена, случился ураган, а за ним — мощное торнадо. Ветер выкорчевывал деревья, переворачивал дома и вырывал посевы на полях. Армия их величества пробыла в Вашингтоне немногим более суток. Переждав тяжелый ливень с обломками черепицы, она оставила город, опасаясь следующей порции природных катаклизмов. По легенде, адмирал Джордж Кокберн, командовавший британцами, на выезде из города спросил у местной женщины: «И это та погода, к которой вы привыкли?»

Эпоха классического Просвещения давно закончилась, но цивилизационные процессы, запущенные просветителями, продолжают. Подтверждением этой живой традиции является и сама Школа гражданского просвещения, и дискуссии на страницах «Общей тетради». Однако многие достижения цивилизационного развития в последние годы оказались вновь под угрозой, идущей не с Востока или Юга, а изнутри самого Запада. Риски для политической свободы и верховенства права вырастают из нового интеллектуального движения — «Темное просвещение».

Клаус Мертес, статья которого публикуется ниже, анализирует, как миллиардер Питер Тиль, наставник Вэнса и приятель Маска, и его единомышленники из Кремниевой долины используют теорию жертвоприношения Рене Жиара для создания идеологии власти и корпоративного государства. В фокусе анализа Мертеса находится одна из важнейших христианских тем — жертвоприношение. По его мнению, Тиль интерпретирует идеи Жиара об агрессивном основоположении культуры, т.е. о миметическом насилии и фигуре козла отпущения для того, чтобы оправдать монополизацию власти и антилиберализм. Тиль представляет себя и подобных ему трансатлантических олигархов жертвами либерального общества и государственности, игнорируя собственное участие в создании конфликтов и кризисов.

Мертес подчеркивает опасность идеологической трансформации жертвы в инструмент политического манипулирования и демагогии. Он с исключительной точностью указывает, что самоидентификация олигархов как жертв позволяет им претендовать на мессианский статус освободителей от якобы несправедливого и коррумпированного либерального режима, усиливая авторитарные амбиции своих последователей. В итоге фигура жертвы, столь важная для понимания искупления и свободы, принесенных Христом, превращается в свою противоположность: в новый рычаг легитимации насилия и монополии власти, что угрожает демократическому порядку и свободе. Мертес призывает критически переосмыслить использование понятий жертвы и жертвоприношения, чтобы предотвратить их эксплуатацию в целях установления авторитарных режимов и прерывания живой просветительской традиции.

Михаил Минаков

Олигарх как жертва*

Никакой гегемонии без теории! Кто думает, что тузы высокотехнологичной индустрии подлизываются к новой власти в Белом доме из одного лишь оппортунизма, тот недооценивает значение происходящих там на наших глазах перемен. На самом деле то, что сейчас совместно придумывают несколько миллиардеров, далеко выходит за пределы примитивного трампизма¹: это тщательно проработанная идеология, которая, как это ни удивительно, выступает в образе теологии. А ее пророк — американский миллиардер германского происхождения Питер (Петер) Тиль.

Аргументация, которую приводит Тиль, абсолютно богословская, причем он производит впечатление знатока в этом деле. И тем не менее почти все в ней ложно, а многое к тому же опасно. Поэтому теологическая критика его взглядов будет, может быть, полезнее, чем обычное возмущение Маском².

Философ

Тиль пытается представить олигархов жертвами, а монополистов — освободителями. Опирается он при этом на идеи одного французского философа культуры и литературоведа по имени Рене Жирар (1923–2015), который был профессором Стэнфордского университета в Калифорнии, где учился Тиль. В 1980-х годах Жирар стал открытием для теологии, поскольку предложил критическую по отношению к религии теорию жертвы. В отличие от Фрейда, Жирар считал, что в исходном состоянии общества желание людей не было от природы фиксировано на одном определенном объекте: желание, утверждал он, разгорается в человеке под влиянием желания Другого. Это желание носит характер подражания, мимесиса.

Клаус Мермес,
преподаватель
гимназии и публицист,
настоятель
иезуитской общины
в берлинском районе
Шарлоттенбург,
член редколлегии
журнала *Stimmen
der Zeit*

* Mertes K. *Der Oligarch als Opfer* // *Die Zeit*. 2025. № 22.

Другой, таким образом, наделяется двойственной ролью: он одновременно и образец для моего желания, и мой соперник. Миметическое соперничество ведет к межчеловеческому насилию, оно заражает все больше членов общества и в конце концов перерастает в насилие всех против всех. Возможность выхода из этого рокового замкнутого круга

*Другой наделяется
двойственной ролью:
он одновременно и образец
для моего желания,
и мой соперник*

появляется, когда насилие всех против всех превращается в насилие всех против одного — кого-то, кто в результате случайного выбора оказывается козлом отпущения. На него канализируется насилие, и наступает мир. Значит ли это, что без козлов отпущения нет конца насилию?

В жертвенных ритуалах религий, в том числе в ритуале, связанном с козлом отпущения, который древние иудеи совершали на Йом-кипур (Левит 16), Жирар видел ритуализованное повторение первого спонтанного самосуда. Цель этого повторения — обеспечить основу для мира между всеми людьми. Однако мир этот гнилой. То как бы «священное», что должно спасти нас от миметического насилия, в то же самое время несет в себе всю ложь и жестокость своего происхождения: вину возлагают на жертву, которую убивают, чтобы благодаря ей достичь умиротворения миметического кризиса. Насилие не преодолевается, а лишь прикрывается.

Жертва

В своей книге «Вещи, сокрытые от создания мира» (1978, на немецком вышла в 1983 году под названием «Конец насилия») Жирар изложил свои наблюдения, касающиеся библейских повествований. В них, пишет он, проявляется иной подход к насилию — например, когда Каин, убивший своего брата Авеля, оказывается защищен от самосуда каиновой печатью или когда Иосиф, проданный своими братьями («все против одного»), впоследствии прощает их.

В критике жертвоприношений пророками наметился разворот идеологии козла отпущения на 180 градусов. Полное осуществление этого разворота мы наглядно видим впоследствии на примере Иисуса: теперь не жертва виновата в том, что она жертва; виноваты те, кто делает Его жертвой. Те, кто принес козла отпущения в жертву на кресте, считая, что «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11:50), убили невиновного. Идеология виновности жертвы разрушена — для Жирара это «беспрецедентное в истории человечества духовное преображение», переход на сторону жертвы. Это «духовное преображение» выглядит столь революционно потому, что невиновность жертвы утверждается через ее ненасильственность. Распятый выходит из орбиты мимесиса. Полный отказ жертвы от насилия разоблачает это идеологически прославляемое насилие. Ненасилие побеждает насилие.

Для Жирара это была не просто историко-религиоведческая гипотеза. Он видел в ней ключ к пониманию современности и современных отношений насилия. Его критика идеологии насилия указала многим путь выхода из кризиса вовлеченности в насилие и вновь сделала возможной включение библейской теологии искупления в дискурсы социальных наук: Божий гнев, который якобы должен был пасть на распятого ради того, чтобы мир мог примириться с Богом, оказался переосмыслен как миметический гнев всех против одного; Иисус, согласно теории Жирара, умирает не в акте жертвоприношения, адресованного Богу, «а против всех жертвоприношений — чтобы вообще больше никаких жертвоприношений не было». Одна жертва, отменяющая все жертвы, — не жертва, потому что об нее разбивается сама идеология жертвоприношения.

*Полный отказ жертвы
от насилия разоблачает
идеологически
прославляемое насилие*

Олигархи

В Кремниевой долине уже некоторое время наблюдается жираровский ренессанс. Его главная фигура — упомянутый Питер Тиль, интеллектуальный отец и инвестор компаний вроде «Пейпала», «Фейсбука» и «Палантира», приятель Илона Маска и уже во время выборов 2016 года сторонник Трампа. Новый вице-президент США Джей Ди Вэнс называет его своим наставником. С помощью пожертвования в десять миллионов долларов Тиль поддержал кандидатуру Вэнса во время борьбы за место в Сенате штата Огайо. Оба они деятели нового, стремительно развивающегося движения постлиберального католицизма в США, к которому все чаще примыкают и протестанты. К католицизму Джо Байдена или папы Франциска это направление не имеет никакого отношения, кроме желания его преодолеть.

Вэнс перешел в католическую веру в 2019 году под влиянием политолога-католика Патрика Динина³. Тиль же вырос в семье, принадлежавшей к протестантской свободной церкви, и, по его собственным словам, относится к своему конфессиональному прошлому «как-то не-ортодоксально», что означает, вероятно, «неким образом отклоняясь от господствующего учения церкви».

Кто выигрывает, кто проигрывает?

Тиль и Вэнса объединяет неприятие современного либерализма с его индивидуальными правами и свободами, а также убежденность в том, что немногие должны решать будущее многих. Тиль прямо говорит: демократия и свобода несовместимы. Уже в 2009 году он сформулировал это так: «Судьба нашего мира находится, возможно, в руках одного человека, который создает или распространяет необходимый нам механизм свободы».

Но при чем тут Жирар? Тиль познакомился с ним в конце 1980-х годов, когда изучал философию в Стэнфордском университете. Позже он писал в восторженной манере: «Идеи Жирара — это ворота в прошлое, к человеческим истокам, к нашей истории. Это ворота в настоящее, к межличностной психологической динамике. Это ворота в будущее, что касается вопроса о том, куда мы движемся, если эти миметические желания выходят из-под контроля и ведут к апокалиптическому насилию... Это всеобъемлющая теория, исключительно мощная и совершенно не похожая на то, что обычно можно услышать».

Монополия

Из теории мимесиса Жирара Тиль делает несколько выводов. Первый, самый известный: «Конкуренция — это для проигравших» (competition is for losers). Чем больше люди похожи друг на друга, тем острее они конкурируют и погружаются в насилие. Это касается и бизнеса. Тот, кто хочет быть победителем, не вступает в конкуренцию за лучший продукт, а создает уникальный, новый продукт.

В своем бестселлере «От нуля к единице» Тиль пишет: «Все успешные компании не похожи на другие. Сравните авиакомпании с Google... <...> Google зарабатывает так много, что сейчас стоит в три раза больше, чем все авиакомпании США, вместе взятые. Авиакомпании конкурируют друг с другом, а Google стоит особняком».

*Со снятием вины с козла
отпущения опасность
апокалипсиса не исчезает*

Альтернатива конкуренции — создание монополии. Отсюда принципиальная позиция «против тренда» (contrarian), которую Тиль исповедовал еще в студенческие годы в Стэнфорде. Сегодня ее можно

было бы сформулировать так: иди всегда против мейнстрима! Действуй всегда вопреки общему или принятому мнению! В экономике это означает: пытайся получать прибыль, идя против мнения большинства, например, покупая акции компании, которая сейчас не в чести у большинства инвесторов. Короче, уходи от конкуренции.

Освобождение или апокалипсис

Во-вторых, Тиль делает из теории Жирара вывод, что статус-кво — это откат назад. Жирар утверждает, что обнаружил в истории поворотный момент, разорвавший цикл насилия — распятие Иисуса. Это преодоление миметического цикла, по его мнению, подтверждает библейскую концепцию времени: весь ход истории направлен не по кругу, как верили древние народы, а вперед, к некой цели. Остановка означает откат. Стагнация ведет прямо к апокалипсису, считает Тиль.

Время по этой логике стремится вперед — к Царству Божию. Чтобы не отстать, необходимы великие цели — такие, какие были у США в

прошлом: проект «Манхэттен», высадка на Луну или выдвинутый в 1974 году Никсоном план победы над раком до конца тысячелетия. Но вот уже несколько десятков лет в политике царит застой, а общество опять погрязает в новых миметических конфликтах, проявляющихся, например, в идентитарных политических взглядах и конкуренциях. Тиль хочет указать на выход из этого положения.

Но, помимо этого, он стремится еще и спасти мир от гибели. Со снятием вины с козла отпущения опасность апокалипсиса не исчезает. «Для Жирара сочетание мимесиса и разгадки архаической культуры означает, что современный мир несет в себе сильный апокалиптический элемент», — пишет Тиль.

Тиль рано осознал, что социальные сети способны радикально усиливать миметическую конкуренцию; возможно, он думает, что она остается контролируемой, пока происходит «всего лишь» в виртуальном пространстве. Поскольку Тиль, подобно Жирару, считает западную политическую философию слишком слабой для противостояния миметическому насилию, он обращается к антилиберальным мыслителям, таким как Карл Шмитт. В эссе «Оптимистический мысленный эксперимент» он предлагает построить современный аналог Ноева ковчега — группу, которая благодаря инновациям оторвется от прозябающих в земной юдоли конкурентов настолько далеко, чтобы иметь возможность сформулировать и реализовать некий глобальный проект. В эту группу Тиль готов был включить и своих приятелей — Маска, Вэнса и других — тех немногих, кто будет решать судьбу человечества.

Козлы отпущения

Техномиллиардеры вроде Тили находятся под двойной угрозой. С одной стороны, они утверждают, что держатся подальше от конкуренции, но, создавая монополии, вызывают реакцию как других участников рынка, так и либерального государства, стремящегося сохранять конкуренцию и препятствовать монополизации. С другой стороны, они сами становятся козлами отпущения, потому что, выделяясь в конкуренции как монополисты, настраивают против себя массы. Только здесь перед нами уже не тот козел отпущения, о котором говорил Жирар, а могущественные монополисты, кандидаты в президенты и лидеры общественного мнения⁴, которые внутренне уклоняются от давления общественности и государственного регулирования, воображая себя — и представляя себя вовне — жертвами общественного мнения и правительства. Но это неправда. Из того, что все против меня, вовсе не следует автоматически, что меня сделали невинным козлом отпущения. Возможно, это я еду по встрече, а не все остальные.

Фигура козла отпущения у Жирара — как и в Евангелии — встречается с мессианской фигурой спасителя. Распятый на Голгофе — освободитель, потому что Он разоблачает механизм козла отпущения. Это же

приписывает себе и монополист, кандидат в президенты или властитель, но только потому, что ему кажется, что все против него. «Все» делятся на тех, кто с ним борется, и тех, кто его почитает именно за то, что с ним «все» борются.

Крупнейшей на сегодняшний день демонстрацией пропагандистского использования мотива козла отпущения стало покушение на Дональда Трампа в Батлере, штат Пенсильвания, 13 июля 2024 года⁵. Человек, против которого выступают все, рискует жизнью ради спасения всех,

*Крайний нарциссизм
соединяется здесь
с мессианской фигурой
страдающей жертвы*

за исключением некоторых особо злобных, которых ждет суд после победы. «Боритесь, боритесь, боритесь!» Крайний нарциссизм соединяется здесь с мессианской фигурой страдающей жертвы, считающей, что моральная правота на ее стороне уже потому, что она

жертва. Достаточно согласиться с ним в малом, и будет уже очень нелегко устоять перед убедительной силой такой самоинсценировки власти и претензии на власть.

Жиар, вероятно, с отвращением отшатнулся бы от такого присвоения своих идей. Но когда оно разворачивается перед нами, мы видим и еще кое-что: статус жертвы сам по себе еще не обеспечивает высокого этического статуса.

Присвоение идей Жиара Тилем и другими — сигнал, что нам следует вновь продумать все наши дискурсы о жертвоприношении и жертве. Среди них, включая самый священный, не существует такого, который циники или сектанты не могли бы использовать во зло, ради достижения власти. Ведь зло всегда выступает под личиной добра. А оппортунизм — под знаменем святой миссии.

Не стоит ожидать от этой идеологии и таких людей, как Питер Тиль, ни готовности к компромиссу, ни скорого успокоения. Ибо их амбиции — не от мира сего.

¹ Trumpismus: Weit das wilde Land, eng die eigene Welt // Zeit Online. 9. Februar 2025. <https://www.zeit.de/kultur/kunst/2025-01/trumpismus-usa-gruendung-hintergruende-ureinwohner>

² Elon Musk: News zum Tesla-CEO // Zeit Online.

³ Deneen P. J. Why Liberalism Failed. Yale University Press, 2018.

⁴ Techmilliardäre: Die Rache der Nerds // Zeit Online. 2. Februar 2025. <https://www.zeit.de/kultur/2025-01/tech-milliardaere-musk-zuckerberg-nerds-aussenseiter-macht>

⁵ Anschlagversuch auf Donald Trump: Der Albtraum // Zeit Online. 14. Juli 2024. <https://www.zeit.de/politik/ausland/2024-07/donald-trump-attentat-versuch-pennsylvania>

TABLE OF CONTENTS

No. 3 (98) 2025

TO THE READER

How Democratic Are We?
Nikolay Mitrokhin 5

FEATURE ARTICLE

Strong NATO, Strong Europe — a Solid,
Confident and Peaceful Alliance
Alar Karis 8

Through a Moral Clarity Lens
Lindsey Graham 11

Reverse Tyrannies
Andrey Kolesnikov 17

The Anatomy of Authoritarianism
Mikhail Fishman 25

IN THE CONTEXT OF TIME

Dystopia in the Air
Elina Kovaleva 40

CIVIC SOCIETY

Why Democracy
Valdis Birkavs 48

ELECTIONS

Poland's War Against Itself
Śławomir Sierakowski 59

HISTORY

Freedom of a Human in History
Nikita Sokolov 62

INTERNATIONAL RELATIONS

Law and Order Are Not a Monopoly
Manuel Lafont Rapnouil 81

People Come First
Natalia Yashchuk, Mikhail Savva,
Larysa Pylgun 99

BOOKS

Killing Is Not Easy
Andrey Simbirtsev 117

Stepping out of the Cave:
A Philosophy for Living
R. L. 121

The Counterpoint
On the American Independence
Maxim Goryunov 123

NOTA BENE

The Oligarch as a Victim
Klaus Mertes 132

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Наши авторы:

Наши авторы:

Викторас Бахметьевас

Валдис Биркавс

Максим Горюнов

Олег Грешнёв

Гасан Гусейнов

Пал Гронас Дранге

Василий Жарков

Владислав Иноземцев

Иван Крастев

Анна Кулешова

Максим Курников

Анатолий Михайлов

Сергей Петров

Михаил Савва

Славомир Сераковский

Екатерина Шульман

ISSN 2592-897X

Просвещение – это выход человека из состояния
своего несовершеннолетия... причина которого
заключается не в недостатке рассудка,
а в недостатке решимости и мужества
пользоваться им без руководства кого-то другого.
Sapere aude! – имей мужество пользоваться
собственным умом! – таков, следовательно,
девиз Просвещения.

Иммануил Кант
“Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?”